

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*



ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: *А.И. Корсак.*
Редактор *С.Е. Рясова.*

Подписано к печати 15.09.2021. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84^{1/8}. Ризография.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 13,45. Тираж 100 экз. Заказ 599.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.3.09-1

**МАСТАЦКАЯ ВОБРАЗНАСЦЬ З ЭКЗІСТЭНЦЫЙНЫМІ КАНАТАЦЫЯМІ
Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІРЫЦЫ МЯЖЫ ХХ–ХХІ стст.****А.В. АНЦІМОНІК***(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)**chornaesonca@gmail.com*

Разгледжаны мастацкія тэксты беларускіх паэтаў, актыўных на мяжы ХХ–ХХІ стст., з трох розных пакаленняў. Аналізуецца лірыка з вобразамі, якія ўтрымліваюць экзистэнцыйныя складнікі. Зроблены кароткі агляд навуковай літаратуры па тэме артыкула. Вылучаны праблемы смерці, адзіноты і кахання, якія асэнсаваны ў беларускай лірыцы з выкарыстаннем экзистэнцыйных канатацый.

Ключавыя словы: беларуская літаратура, лірыка, экзистэнцыя, канатацыя, мастацкая вобразнасць, смерць, адзінота, каханне.

Уводзіны. Да экзистэнцыйных праблем, якія звычайна разглядаюцца ў мастацкай літаратуры, адносяцца пошукі сэнсу жыцця і ўсведамленне наканаванасці смерці, разуменне кахання і свабоды, абсурднасці свету і неабходнасці таго асабістага выбару паміж “дабром” і “злом”, што чалавек вымушаны рабіць усвядомлена – і не раз на працягу свайго жыцця. У кола названых праблем уваходзіць увесь феномен драматычнага светаўспрымання: са страхам, віной, трывогай, пакутамі асобы, якая адчувае сваю адзіноту ў свеце і ў цэлым космасе. Зразумела, што экзистэнцыйныя пытанні пастаянна прыцягваюць увагу мастакоў. Кожнае новае пісьменніцкае пакаленне прыносіць у літаратуру свае варыянты адказаў на згаданыя пытанні. І тым не менш яны заўсёды застаюцца адкрытымі; канчаткова і па-за пэўным гістарычным часам адказаць на іх немагчыма. Яны вырашаюцца кожным асабіста, “тут” і “цяпер”. Разам з тым экзистэнцыйная праблематыка вывучаецца філасофіяй як навукай; экзистэнцыйнае светаадчуванне звязанае і з вывучэннем псіхалогіі, сацыялогіі, што важна для разумення ўнутранага свету асобы, знітаванага з працэсамі ў соцыуме.

Экзистэнцыйныя матывы аналізаваліся як непасрэдна філосафамі-экзистэнцыялістамі (Ж.-П. Сартрам, А. Камю, М. Хайдэгерам, К. Ясперсам, М. Бярдзевым і інш.), так і большасцю мысляроў і даследчыкаў розных часоў, сярод якіх мэтазгодна згадаць С. К’еркегора, А. Шапэнгаўэра, Ф. Ніцшэ, Э. Фрома, Т. Гобса, М. Шэлера, а таксама псіхалагаў і псіхатэрапеўтаў І. Ялома, Р. Мэя, Л. Бінсвагена, інш. Сярод найбольш уплывовых работ, што выдаваліся на рускай мове ў Беларусі, Расіі, Украіне на працягу 1990–2000-х гг., варта вылучыць наступныя: “Філасофія экзистэнцыялізму: Філасофія існавання” О.Ф. Больнава (пер. з ням.; Санкт-Пецярбург, 1999); “Філасофская антрапалогія: нарысы гісторыі і тэорыі” Б. Маркава (Санкт-Пецярбург, 1997); “Смерць і яе адносіны да непарушнасці нашай існасці” з працы “Метафізіка палавога кахання” А. Шапэнгаўэра (пер. з ням.; Санкт-Пецярбург, 2008); “Быццё і час” М. Хайдэгера (пер. з ням.; Масква, 1997); “Пра прызначэнне чалавекі” М. Бярдзьева (1993); “Хвароба ў кірунку да смерці” С. К’еркегора (пер. з дацк.; Масква, 2014); “Пра смерць і паміранне” Э. Кюблер-Рос (пер. з англ.; Кіеў, 2001); “Імкненні і іх лёс” З. Фрэйда (пер. з ням.; Масква, 1999); “Эрас і цывілізацыя” Г. Маркузэ (пер. з англ.; Масква, 2003); “Міф пра Сізіфа” А. Камю (пер. з фр.; Масква, 2011); “Уцёкі ад свабоды” (пер. з англ.; Масква, 1990) і “Мастацтва кахаць” (пер. з англ.; Санкт-Пецярбург, 2002) Э. Фрома; “Сэнс кахання” У. Салаўёва (Масква, 1892–1894).

Вывучэнне праяў філасофіі экзистэнцыялізму непасрэдна ў мастацкай літаратуры ХХ ст. утрымліваецца ў працах: “Экзистэнцыялізм у філасофіі і літаратуры” Е. Косака (пер. з пол.; Масква, 1980); “Экзистэнцыялізм і сучасны амерыканскі раман” Т. Дзянісавай (Кіеў, 1985); “Этыка кахання і метафізіка свавольніцтва” Ю. Давыдава (Масква, 1989); “Экзистэнцыйная традыцыя ў рускай літаратуры ХХ стагоддзя. Дыялогі на мяжы стагоддзяў” В. Заманскай (Масква, 2002); “Беларуская проза ХХ стагоддзя ў еўрапейскім літаратурным кантэксце: экзистэнцыялізацыя духоўнага свету героя” Т.М. Тарасавай (Мінск, 2013).

Работы, прысвечаныя агляду сучаснай беларускай лірыкі ў цэлым, у беларускім літаратуразнаўстве з’яўляюцца рэгулярна: гэта кнігі У. Гніламёдава “Ад даўніны да сучаснасці” (Мінск, 2001); А. Бельскага “Краса і смутак” (Мінск, 2000), “Галасы і вобразы” (Мінск, 2008); В. Русілка “Сучасная беларуская паэзія: творчыя індывідуальнасці” (Віцебск, 2005); І. Шматковай “Беларуская жаночая паэзія другой паловы ХХ стагоддзя” (2017); С. Калядка “Беларуская сучасная жаночая паэзія: мастацкія канцэпцыі «жаночага» шчасця” (Мінск, 2010), “«Жаночае» і «мужчынскае» пісьмо ў сучаснай беларускай паэзіі” (Мінск, 2017). С. Калядка з’яўляецца таксама аўтарам артыкула “Экзистэнцыяльныя праблемы ў беларускай паэзіі” (2011).

Аб'ектам даследавання тут сталі выбраныя праявы экзистэнцыялізму як напрамку філасофіі ў паэзіі Я. Купалы, А. Вярцінскага, Н. Мацяш, В. Шніпа, Т. Бондар, Я. Янішчыц.

Паэзія моладзі з мяжы 1990–2000-х гг. аналізуецца ў манаграфіях А. Бязлепкінай “Разам і паасобку: Таварыства «Тутэйшыя»: Гісторыя, асобы, жанры” (Мінск, 2003); А. Брадзіхінай “Сучасная беларуская інтымная лірыка: тэндэнцыі і перспектывы развіцця” (Гомель, 2009); К. Бартноўскай (Katarzyna Bortnowska) “Białoruski postmodernizm: Liryka «pokolenia Bum-Bam-Litu»” (Варшава, 2009); А. Макміліна «Writing in a cold climate: belarusian literature from the 1970s to the present day» (Лондан, 2010) і “Рунь: Маладыя беларускія паэты пачатку XXI стагоддзя” (Мінск, 2016); І. Скарапанавай “Поставангардызм Віктара Жыбуля” (Мінск, 2018). Неабходна назваць таксама нізку навуковых артыкулаў І.С. Скарапанавай: “Теоретик белорусского поставангардизма: Юрась Борисевич” (2010), “Канцэптуалісцкія праекты Віктара Ёванова” (2010), “Іронічны маскаррад: В. Бурлак” (2010), “Функцыя інтэртэкстуальнасці ў творах Андрэя Хадановіча” (2012); “Друкапісы Зміцера Вішнёва” (2012), “Калядныя вершы Андрэя Хадановіча” (2013), “«Мінская школа» на рубяжы XX–XXI вв.” (2016); а таксама аўтарэфераты кандыдацкіх дысертацый Т. Дубоўскай “Традыцыя паэзіі Максіма Танка з акцэнтаванай нацыянальна-культурнай канцэптуальнасцю ў беларускім верлібры XX – пачатку XXI ст.” (2015) і А. Бараноўскага “Сучасная беларуская філасофская лірыка: праблематыка, вобразнасць, стыль” (2019).

У працах з галіны беларускай літаратурнай крытыкі таксама ўтрымліваецца аналіз сучаснай паэзіі: вылучым выданні Г. Кісліцынай “Blonde attack” (Мінск, 2003), “Новая літаратурная сітуацыя: змена культурнай парадыгмы” (Мінск, 2006), “Культурны градыент: ідэі, маніфесты, кірункі беларускай літаратуры на мяжы XX–XXI стагоддзяў” (Мінск, 2015); А. Бязлепкінай “100 слоў пра сучасную беларускую літаратуру” (Мінск, 2012); В. Акудовіча “Разбурыць Парыж” (Мінск, 2004); І. Шаўляковай “Рэстаўрацыя шчырасці” (Мінск, 2005), “Сапраўдныя хронікі Поўні” (Мінск, 2011); Л. Сільновай “Крышталёвы сад” (Мінск, 2007); С. Дубаўца “Вершы” (Мінск, 2007); Л. Алейнік “Пясочны гадзіннік” (Мінск, 2010); Л. Галубовіча “Сыс і кулары” (Мінск, 2010).

Разам з тым праблемы і матывы з экзистэнцыйнымі канатацыямі і іх увасабленне ў беларускай паэзіі пачатку XXI ст. яшчэ не становіліся элімінаваным, самадастатковым прадметам увагі ў сучасных навуковых даследаваннях. Аднак ёсць відавочная неабходнасць, па-першае, у выяўленні характарыстык лірычнага суб'екта беларускай паэзіі, створанай падчас чарговай пераломнай эпохі з яе “чалавекам памежжа”, і, па-другое, у новых ацэнках мастацкага мыслення значных беларускіх паэтаў, што актыўна працавалі на пераходзе з XX у XXI стст. менавіта ў анталогічным ракурсе: з трактоўкамі праблем дзейснага і метафізічнага быцця, грамадскага і асабістага жыцця, фізічнай і духоўнай смерці.

Асноўная частка. Пытанні чалавечага існавання ў лірыцы XX ст. аформіліся ў адзінае праблемнае поле экзистэнцыйнай свядомасці. Аднак яе выяўленне паэтамі старэйшымі і маладзейшымі будзе адрозным па экзистэнцыйных канатацыях.

З пэўнай доляй умоўнасці варта вылучыць асобныя групы персаналій беларускіх паэтаў трох пакаленняў – па прыкметах творчай актыўнасці менавіта ў перыяд 1980-х – 2010-х гг. і па прадстаўнічасці, прынанасці ў беларускім літаратурным працэсе, па яскравасці і сфарміраванасці ідыястыліяў. Безумоўна, кожны паэт з кожнай генерацыі меў і мае вельмі адрозныя эстэтычныя прыхільнасці. Блізкія кожнаму ідэі і эстэтычныя густы фарміравалася ў адрозных умовах: у савецкую эпоху – у генерацыі старэйшых (з такімі выбітнымі творцамі, як Р. Баравікова, А. Вярцінскі, Г. Каржанеўская, Н. Мацяш, А. Разанаў, Я. Сіпакоў і М. Стральцоў. Апошні сышоў з жыцця ў 1987 г., але і сёння застаецца для моладзі “лідарам меркаванняў”); затым, з часоў фарміравання новай беларускай дзяржаўнасці і культурна-нацыянальнага адраджэння 1990-х гг. – сярэдняе пакаленне (гэта І. Бабкоў, Г. Дубянецкая, В. Шніп, Л. Рублеўская, Л. Сом, А. Сыс і А. Мінкін); і з сучаснага этапу сацыяльна-культурнага развіцця айчыннай літаратуры – генерацыя адносна маладзейшых паэтаў (гэта Ц. Велет, З. Вішнёў, В. Гапеева, А. Дуброўскі-Сарочанкаў, В. Жыбуль, Н. Кудасава, М. Латышкевіч, В. Морт, А. Рудак, В. Рыжкоў, В. Трэнас, А. Хадановіч і Ю. Цімафеева).

Праблема смерці. Для паэтаў старэйшага пакалення, у чых вершах мы вылучылі танатычныя вобразы з экзистэнцыйнымі канатацыямі, найбольш характэрныя два варыянты асэнсавання названай праблемы.

Па-першае, яна звязалася са спакойнымі развагамі (часам набліжанымі да філасафем) лірычнага суб'екта пра звычайны ход жыцця. Смерць малявалася як натуральная, зададзеная перспектыва любога асобнага лёсу. Да сярэдзіны 1980-х гг. паэты часта трактавалі смерць у дыдактычным плане: веды пра скон павінны скіроўваць чалавека да годнага жыцця (А. Вярцінскі “Сярод вялізнай, на ўвесь свет, вайны...”; Г. Каржанеўская “Я гэтак гляджу...”; М. Стральцоў “Ускраіна абвалаклася дымам...” і інш.). Пры гэтым, паводле беларускіх традыцый, можна заўважыць (у вершах Я. Сіпакова, інш.) пэўнае табу на выкарыстанне лексем “смерць”. Замест яе выкарыстоўваюцца сталыя метафары або перыфразы (выправіцца да продкаў, вярнуцца дадому).

Па-другое, смерць адмаўлялася лірычным суб'ектам, і пры гэтым у мастацкіх вобразах былі заўважныя канатацыі трывогі або ірацыянальнага страху перад невядомасцю, што чакае кожнага за сакраментальнай рысай. Такія матывы пашырыліся з набліжэннем XXI ст. На яго сыходзе ў лірыцы старэйшых

паэтаў вобраз смерці як небыцця вылучыўся на першы план. Семантыка смерці распаўсюдзілася на вобразы сну, непрытомнасці (“Мы цёплыя, пакуль жывём...” Г. Каржанеўскай; “Сон”, “Як птушка” А. Разанава). Паміранне асэнсоўваецца таксама праз зварот да вобразаў нізу, долу, дна (“У Бога многа не прасіце...” Г. Каржанеўскай; “Дарога” А. Разанава), беззваротнасці (“Слова на развітанне. Пярэдадзень міленіума” А. Вяцінскага), выйсця, пераходу (“Цела – пльнь...”, “Кладкі” А. Разанава; “І гэты вечар” Н. Мацяш), лютасці, ліха і бялітаснасці (“Ведаў, што мы смяротныя...”, “Ад чаго мой сум” А. Вяцінскага). Часам канатацыі смерці ўзнікаюць пры ўзгаданні восені і вечара (“Асенні вечар” А. Вяцінскага), прорвы (“Вянок” Н. Мацяш), чэрапа (“Пячора” А. Разанава) і падобнага. Арыгінальны вобраз падвоенай у сне свядомасці з канатацыяй смерці знаходзім у вершы “Напэўна, гусі на бяду...” М. Стральцова:

Тады я глянуў на зямлю,
Дзе засталіся чалавекі,
І зразумеў, як я люблю
Ўсё тыя ж паплавы і рэкі.

Што толькі міг –
і ўжо табе
Ні спадзявання, ні вяртання,
Што будзеш плакаць у журбе –
Без даравання, без адхлання...

Што я хацеў, што я хацеў,
Што за праява адбылася?..
Я сніў, што сам я адляцеў –
Душа ўзяла і засталася [10, с. 424].

У паэтаў сярэдняга пакалення праблема смерці таксама разумеецца як фатальнае завяршэнне жыцця. Якраз прадстаўнікі гэтай генерацыі (І. Бабкоў, А. Мінкін, інш.) пастаянна і публічна сцвярджаюць свой піетэт перад асобай і спадчынай Міхася Стральцова (напрыклад, бяруць удзел у Стральцоўскім фэсце – штогадовым міжнародным фестывалі паэзіі, які праводзіцца ў Мінску з 2012 г.). Яны звяртаюцца да характэрных вобразаў-выяў жыцця, знітанага са смерцю, праз экзістэнцыйныя канатацыі. Іх знаходзім у вершы “Вакно” І. Бабкова:

Надзейны прытулак
далёкай і зрэбнай начы

(а можа жыццё што так прамінае
праходзіць
шукае напраўдзе
а гэтай гадзіне)

Адбітак празрысты
асьветлены
даўна памерлы [1, с. 25].

Аднак паэтам сярэдняга пакалення блізкая не толькі філасофская мадальнасць у роздумах пра скон. Яны падкрэсліваюць таксама сваё памкненне да жыцця з яго асаходамі. У іх вершах карэляцыя “жыццё – смерць” разглядаецца як каўзуальная, а не антытэтычная. Пакуль жыццё доўжыцца, лірычны суб’ект, тыповы для лірыкі гэтай генерацыі, вызнае і горыч, і асалоду. Больш за тое: сам скон нярэдка набывае пазітыўныя канатацыі. Калі герою прыходзіцца жыць поруч са здрадай, страхам, няволяй, то існаванне робіцца або роўным скону, або менш прывабным за яго (“Калі восень...” І. Бабкова, “Хто мы” Г. Дубянецкай, “Човен харона. Калі жыццё нашчэнт згалее...” А. Мінкіна, “Максіму” Л. Рублеўскай, “Я баяўся страціць волю...” Л. Сом, “Я дарэшты ў тваёй уладзе...” А. Сыса, “Ты ведаеш даўно, што мы памром...” В. Шніпа, інш.). З такога пункту гледжання вырастае стаўленне да смерці як да збавення – забыцця-спакою, “нірваны... – стану без жаданняў” [4, с. 252]. Так, напрыклад, у А. Мінкіна (XXXIV. ВАЛУН) сустракаем наступныя вобразы з канатацыямі смерці:

Дзьмухай не дзьмухай на прысак – ніяк
Попел ачахлы не запалымнее...
Шэры валун, ты мне – першы сваяк:
Сам я штодзень усё больш камянею [5, с. 40].

Адметна, што паэтыка вершаў пра смерць блізкага чалавека больш традыцыйная, з натуральнымі матывамі распачы, непрыняцця страты (напрыклад, “Я не дам табе памерці...” Л. Сом, “Песня пра каханне” А. Сыса, “Пахмелле” Г. Дубянецкай, “Кавярня” І. Бабкова, “LXIX. Літаратурныя фрагменты. 4. Машэка “Магіла льва” А. Мінкіна).

Найбольш мастацкіх вобразаў смерці створана паэтамі з маладзейшай генерацыі. Пры гэтым лірычныя (і ролевыя) героі гэтых паэтаў часта робяцца выразнікамі эпатажу, падкрэсленай абьякавасці да фактаў скону, адсутнасці страху і пэўнага пафасу містычнасці дзякуючы прыёмам парадаксальнай эстэтызацыі альбо іроніі (“што скура нованароджанага дні...” Ц. Велета, “я вязу на пахаванне вянок...” З. Вішнёва, “МНЕ белым кітом...” В. Гапеевай, “Мы ідзём па-над хвалямі велічнай часавай плыні...” А. Дуброўскага-Сарочанкава, “Сусвет – вялізнае Гестапа...” В. Жыбуля, “Калі маё жыццё свой шлях завершыць...” Н. Кудасавай, “Ода да Бранкі” В. Морт, “Бабуля слухае музыку” А. Рудака, “самае цікавае” В. Рыжкова, “Смак адчаю” В. Трэнас, “З неба падаюць абрыкосы...” А. Хадановіча, “Бабулі” Ю. Цімафеевай).

Менавіта гэтае пакаленне ўпершыню ў беларускім прыгожым пісьменстве зрабіла банальнай тэмай суіцыд. Маладзейшыя паэты спрэс агучваюць, “пражываюць” праз сваіх персанажаў шырокі спектр эмоцый, датычных самагубства (“па небасхіле цёмным караскалася чародка птушак...” Ц. Велета, “вось боўтаюся на вяроўцы...” З. Вішнёва, “Ружовыя галоцынацыі...” В. Гапеевай, “Серыйнае самазабойства” В. Жыбуля, “Калі сэрца прасякнутае святлом суіцыду...” Н. Кудасавай, “Альберт Эйнштэйн” А. Рудака, “Верш калясамурайскай тэматыкі” В. Рыжкова, “Чужынец” В. Трэнас, “Спеў аб маім суіцыдзе” А. Хадановіча). Трэба прызнаць, што распаўсюджанасць такіх матываў у мастацкім паэтычным свеце дастаткова дакладна адлюстроўвае рэальную жыццёвую статыстыку [12, с. 39].

Праблемы адзіноты і кахання. Ідэя адзінокага чалавека і пошуку ўласнага месца ў варожым свеце, адна з важнейшых у філасофіі экзістэнцыялізму, па-мастацку ўвасоблена ў тэкстах паэтаў з усіх трох пакаленняў. Пошук чалавекам свайго прызначэння набывае асаблівае значэнне ў сітуацыі перад “знакам смертнасці сваёй” (верш А. Вярцінскага “Ад чаго мой сум”, [2, с. 85]). Паэты старэйшай генерацыі часцей за іншых свядома фіксуюць змены, непазбежныя праз злом былой эпохі: свет перастае быць утульным, і лірычны герой губляе давер да яго. Абвострана гучаць матывы ўнутранага дыскамфорту, самоты, адчування, сенсорнага голаду, а таксама супраціў тэатралізацыі і фальшу новай штодзённасці. Больш важнай становіцца не канстатацыя факта, а эмоцыя, мадальнасць супраціву негатыўным праявам у грамадстве. Пры гэтым з былых часоў усё яшчэ застаюцца актуальнымі (або абнаўляюцца) і публіцыстычны пафас, і памкненне да непасрэднай лірычнай споведзі. Адкрыта выказваецца скепсіс, сумненні ў магчымасці самапазнання (“Жыву, і, дзякуй, не ў прасторы голай...” Р. Баравіковай, “Пра дзіўнае адчуванне” А. Вярцінскага, “Рыпяць прыступкі пры хадзьбе...” Г. Каржанеўскай, “Не ведаю” Н. Мацяш, “Падводны пльвец” А. Разанава, “Пачатак” Я. Сіпакова).

У лірыцы паэтаў сярэдняга пакалення адзінота не заўсёды адлюстроўваецца з экзістэнцыйнай глыбінёй. Найперш яна падаецца як суб’ектыўная – інтымная, бытавая ці псіхалагічная сітуацыя. Разам з тым драматычнае ўсведамленне сваёй самотнасці неаднаразова гучыць у лірыцы В. Шніпа: “мяне адзінота забіла” (“Балада жыцця і смерці”, [14, с. 24]); “адзінота забівае нас” (“Самотна жыць, нібыта мёртвым быць...”, [13, с. 239]). Часам, як у вершы Л. Сом, самота персаніфікуецца, набывае матэрыяльнае аблічча:

Ёсць маўкліваць
<...> Адзіноты маёй залатой [9, с. 38]
 (“Суразмоўцы далёка – папера...”).

У лірыцы прадстаўнікоў гэтай генерацыі амаль не выяўляецца цікавасці да самапазнання як такога. Значна больш аўтараў прыцягвае мастацкае вырашэнне праблемы ўнутранага свабоды. Яна, у сваю чаргу, часта знітавана з феноменамі смерці і страху (прычым боязню як страты волі, так і яе набыцця), звыкла супрацьпастаўлена залежнасці і не набывае глыбокага філасофскага і завершанага вызначэння ў тэкстах, застаючыся неспасціжым феноменам (“Сцякалі ў сон” Г. Дубянецкай, “Дзень нараджэння дарогі” Л. Рублеўскай, “О, як нясперпна і прагна...” Л. Сом, “Маналог Апанаса Філіповіча” А. Сыса, “Воля на чужыне...” В. Шніпа). Адметна, што свабода не ўваходзіць у кола артыкуляваных асноўных інтарэсаў тых прадстаўнікоў старэйшага і малодшага пакаленняў, чыю лірыку мы прааналізавалі.

Сучасныя аўтары з маладзейшай генерацыі звычайна раскрываюць праблему адзіноты праз канфліктнае супрацьстаянне “Я – Соцыум”. У адрозненне ад вопыту папярэднікаў, гэтыя творцы выказваюцца катэгарычна, праблему адзіноты трактуюць як невырашальную. Напрыклад, у вершы “Зноў сакавік да лютага лашчыцца...” А. Дуброўскага-Сарочанкава чытаем:

Што ты шукаеш, як той звар’яцелы,
ў гэтым натоўпе яшчэ?
Кінь! Гэта статка галоднага цела,
россып пустых вачэй [3, с. 24].

Суб'екты лірыкі часам не знаходзяць ніякага выйсця з падобнай канфліктнай сітуацыі і таму апынаюцца ў стане распачы. Адсюль такія абарончыя рэакцыі, як скепсіс і іронія, агрэсія, эскапізм, культываванне і эстэтызацыя болю, пакутаў і адзіноты, за чым угадваецца трагедыйна-драматычнае светаўспрыманне маладога пакалення ("над Бетлеемам штосьці гарыць?.." Ц. Велета, "мае думкі ў гэтых мясцінах" З. Вішнёва, "Канцонэ пра трох ільвоў" В. Гапеевай, "Мы ў дзвюх краінах – я і ты..." А. Дуброўскага-Сарочанкава, "Вышывала аркушы вершамі..." Н. Кудасавай, "Перакулены горад" М. Латышкевіч, "Апошня яблыня" В. Морт, "Трамвайны шум" А. Рудака, "Рэцыдывы самоты" В. Трэнас, "Маленькі жабрак" А. Хадановіча, "грубасць гэтага горада..." Ю. Цімафеевай і інш.).

Альтэрнатывай адзіноце традыцыйна вылучаецца каханне. Зварот да гэтага пачуцця дастаткова значны ў сістэме мастацкай аксіялогіі ўсіх трох генерацый паэтаў, названых вышэй. Эратычна-танатычная прырода любові – вось радовішча мастацкай вобразнасці з экзістэнцыйнымі канатацыямі. Каханне, любоў можа стаць жыццёўтваральнай асновай, сродкам пераадолення неўладкаванасці ўласнай экзістэнцыі: "*Раішча ўсе сумненні адхіні – / Няма адчаю, калі так кахаеш!*" (верш Я. Сіпакова "Травой траву ніколі не стрымаеш...", [8, с. 253]). Гэтае ж пачуццё можа быць разбуральнай сілай, крыніцай горычы, пакуты і адзіноты. Адметна, што пераважна жанчыны-аўтаркі са старэйшага і сярэдняга пакаленняў ствараюць любоўную лірыку з драматычным модусам мастацкасці ("За дзень да снежня" Р. Баравіковай, "Не ведаю" Н. Мацяш, "Fatiguee" Г. Дубянецкай, "Навыдумлялася каханне..." Л. Сом), тады як у малодшай генерацыі прыхільнасць да такога пафасу ўласціва як жанчынам, так і мужчынам. Іх лірычныя героі перажываюць цэлы спектр такіх пачуццяў, як страх, рэўнасць, адзінота, пакуты. З уласцівым маладосці максімізмам творцы схільныя надаваць больш увагі эсхаталагічным матывам, спалучаным з разглядаемай з'явай, чым вітальным, у іх тэкстах часта з'яўляецца іронія. Напрыклад, у вершы "Museo de los niños" А. Хадановіча трапна апісваецца ўся схема інтымных стасункаў: тут па-экзістэнцыйнаму абсурдная сама магчымасць звядзення любові да загадзя вядомых дзеянняў. Такім чынам каханне дэсакралізуецца, фармалізуецца [11, с. 53]. Выразны матыў кахання як экзістэнцыйнай катэгорыі мае месца ў вершы "Утопія" В. Морт, дзе інтымнае пачуццё асэнсоўваецца як з'ява, здольная рабіць чалавека ўнікальным:

Да новага світанья
каханкі рамантуюць нашыя целы.
Слінаю змазваюць поры,
рукамі ўдасканальваюць нашыя твары.
Таму мы й не падобныя адно да аднаго –
мы ручной працы [6, с. 74].

Заклучэнне. Такім чынам, экзістэнцыйная праблематыка вельмі ярка выяўлена ў паэзіі ўсіх беларускіх сучасных творцаў. Матывы смерці, свабоды, адзіноты, кахання, сэнсу жыцця і месца чалавека ў свеце вылучаюцца сваёй універсальнасцю: яны прысутнічаюць у жыцці кожнага пастаянна і незалежна ад таго, асэнсоўваюцца яны людзьмі альбо не. Яны з'яўляюцца ў выніку сутыкнення індывідуума з быццём і востра перажываюцца ў суб'ектыўным унутраным свеце. Лірыка мяжы тысячагоддзяў (з акцэнтам на пачатку XXI ст.) трох умоўна вылучаных пакаленняў беларускіх паэтаў пацвярджае, што асобнае "Я" застаецца падкрэслена-суб'ектным, вылучаным з агульнай плыні дзякуючы багаццю арыгінальных вобразаў з экзістэнцыйнымі канатацыямі. Таксама ў творчасці маладзейшай паэтычнай генерацыі вылучаюцца ролевыя персанажы, праз якіх трансляецца дэсакралізацыя вобразаў смерці, эпажнае стаўленне да праблем суіцыду і фатальнай адзіноты.

ЛІТАРАТУРА

1. Бабкоў, І. Герой вайны за празрыстасць / І. Бабкоў. – Мінск: БГАКЦ, 1998. – 92 с.
2. Вярцінскі, А. Жыццёмем: вершы і паэмы / А. Вярцінскі. – Мінск: Кнігазбор, 2012. – 136 с.
3. Дуброўскі-Сарочанкаў, А. Эстэтыка маўчання: вершы, паэма / А. Дуброўскі-Сарочанкаў. – Мінск: Кнігазбор, 2011. – 88 с.
4. Маркузе, Г. Эрос і цивилизация / Г. Маркузе; пер. с англ. А.А. Юдина. – М.: АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 312 с.
5. Мінкін, А. Мяне тут не было... : паэзія і проза / А. Мінкін. – Мінск: Кнігазбор, 2018. – 276 с.
6. Морт, В. Эпідэмія ружаў / В. Морт. – Мінск: Логвінаў, 2017. – 100 с.
7. Разанаў, А. На гэтай зямлі / Алесь Разанаў. – Вільня: Логвінаў, 2015. – 410 с.
8. Сіпакоў, Я. Выбраныя творы: у 2 т. / Я. Сіпакоў. – Мінск: Маст. літ., 1995. – Т. 1: Паэзія. – 431 с.
9. Сом, Л. Свабода Слова Зіма: вершы / Л. Сом. – Мінск: Логвінаў, 2005. – 130 с.
10. Стральцоў, М. Выбранае: Проза, паэзія, эсэ / М. Стральцоў; [прадм. А. Адамовіча]. – Мінск: Маст. літ., 1987. – 607 с.

11. Хадановіч, А. Цягнік Чыкага-Токіё: вершы / А. Хадановіч. – Мінск : Логвінаў, 2016. – 182 с.
12. Чхартішвілі, Г. Писатель и самоубийство [Электронный ресурс] / Г. Чхартішвілі. – Режим доступа: http://roy-allib.com/read/chhartishvili_grigoriy/pisatel_i_samoubiystvo.html#784025. – Дата доступа: 21.03.2020.
13. Шніп, В. Балада камянёў: паэзія і проза / В. Шніп. – Мінск : Маст. літ., 2006. – 318 с.
14. Шніп, В. Выратаванне атрутай. Рублеўская, Л. Над замкавай вежай / В. Шніп, Л. Рублеўская. – Маладзечна, 2003. – 128 с.

Паступіў 05.07.2021

ARTISTIC IMAGERY WITH EXISTENTIAL CONNOTATIONS IN THE BELARUSIAN LYRICS OF THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

A. ANTSIMONIK

The article considers of the books of Belarusian poets, who are active at the turn of the XX – XXI centuries, from three different generations. There is an analysis of lyrics with images that contain existential components. There is a brief review of the scientific literature on the topic of the article. There are selected problems of death, loneliness and love, which are understood in the Belarusian lyrics with using existential connotations.

Keywords: *Belarusian literature, lyrics, existence, connotation, artistic imagery, death, loneliness, love.*

УДК 821.111

**АСАБЛІВАСЦІ ГІПЕРТЭКСТАВАЙ ЛІТАРАТУРЫ (НА ПРЫКЛАДЗЕ РАМАНАЎ
«ДОМ ЛИСТЬЕВ» М. ДАНІЛЕЎСКАГА І «ДРЕВО КОДОВ» ДЖ. С. ФОЕРА)****Т.А. КАШКАН***(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)*

*Даследуюцца асноўныя рысы гіпертэкставай літаратуры і паказваецца, што яны могуць быць як класічнымі, так і электроннымі. Выяўляюцца дадзеныя прыкметы ў раманах “Дом лісьцев” М. Данілеўскага і “Древо кодов” Дж. С. Фоера. Праведзены аналіз дазваляе сцвярджаць, што разнастайнасць і мультымедычнасць, выяўленая ў раманах, з’яўляецца асноўнай рысай дадзенай літаратуры. Будучы ўва-
сабленнем сучасных інфармацыйных тэхналогій, яна ўяўляе сабой мастацкі прыём гіпертэкставай літа-
ратуры, які імкліва развіваецца на сённяшні момант.*

Ключавыя словы: *гіпертэкст, постмадэрнісцкая паэтыка, электронная літаратура, неліней-
насць, фрагментарнасць.*

Н. Манькоўская падзяляе развіццё постмадэрнізму на чатыры фазы, апошняю з іх называе “цыфро-
вой постмодэрнізм” XXI стагоддзя, у якім “виртуалістыка” [1] займае першае месца. Ф. Джэймісан, у сваю
чаргу, называе постмадэрнісцкае грамадства “media society” [2]. Несумненна, і літаратура таксама развіва-
лася ў дадзеных рэаліях.

Для культуры, у прыватнасці, постмадэрнісцкай літаратуры XXI ст., становіцца характэрнай змена
акцэнтна з “содержимого на выражаемое”, значыць, форма і змест не маюць такога падзелу пры аналізе
і разглядзе, як якога-небудзь прадмета мастацтва [3]. Праводзячы паралель, для гіпертэкставай літаратуры
постмадэрнізму ўласціва адсутнасць сэнсавага цэнтру, апаведна з’яўляецца важным сам працэс чытання
і тое, якім чынам выражаецца тэкст. Аналізуючы гіпертэкставую літаратуру, мы выразна прасочваем
яе хуткае развіццё з перспектывамі, якія ідуць наперад.

Але дадзеную літаратуру не варта разглядаць толькі ў вузкім сэнсе – камп’ютэрную або электрон-
ную, як гэта рабілі заснавальнікі гіпертэксту Дж. П. Лэндаў (G. P. Landow) “Гипертекст: конвергенция
современной теории критики и технологий” («Hypertext: The convergence of contemporary critical theory
and technology», 1991) і Дж. Д. Болцер (J. Bolter) “Пространство для письма” (“Writing space”, 1993). У сваіх
працах вучоныя сцвярджалі, што ён з’яўляецца толькі электроннай літаратурай, асноўнай характэрнай ры-
сай якой з’яўляецца наяўнасць гіперспасылак.

Аднак, на наш погляд, кожны мастацкі тэкст можна назваць гіпертэкстам (як у электронным, так
і ў папяровым выглядзе), у якім слова, выраз, сказ, частка тэксту можа служыць не толькі спасылкай
на пэўны вобраз або эмоцыю (знешнія спасылкі), але і на які-небудзь мастацкі або немастацкі тэкст,
ад самага аўтара (унутраныя спасылкі). Прыкладамі гіпертэкставых твораў папяровага фармату
з’яўляюцца Біблія, раман М. Павіча (М. Павіћ) “Хазарский словарь” (“Хазарски речник”, 1984), У. Набо-
кава “Бледный огонь”, Х. Картасара (J. Cortázar) “Игра в классики” (“Rayuela”, 1963), Дж. Джойс (J. Joyce)
“Улисс” (“Ulysses”, 1922) і “Поминки по Финнегану” (“Finnegans wake”, 1939). Сярод твораў электроннага
фармату можна згадаць раманы М. Джойса (M. Joyce) “Полдень” (“Afternoon, A story”, 1990), Ш. Джэксан
(S. Jackson) “Лоскутная девочка” (“Patchwork girl”, 1995), Дж. Малоў (J. Malloy) «Ее звали Пенелопе»
 (“Its name was Penelope”, 1993) і г.д.

У 1965 г. Т. Нэльсан ўводзіць тэрмін “гипертекст”, адпаведна якому вучоны «описывает документы
с нелинейной структурной идеей», адносячы гэта да інфармацыйных тэхналогій [4].

Першапачаткова гіпертэкст як з’яву даследавалі пераважна ў лічбавых тэхналогіях і толькі ў 1980-х гг.
яго пачалі вывучаць у іншых галінах, у тым ліку і ў літаратуразнаўстве (О.В. Барст, М. Візэль, А. Геніс,
К.В. Давыдава, М.К. Конава, В. Схелтйенс і інш.)

Для таго, каб разглядзець дадзены феномен у адносінах да нашага даследавання падрабязней, звер-
немся да класіфікацыі гіпертэксту, якую прыводзіць М. Візэль у сваёй працы «Поздние романы Итало
Кальвино» [5].

Згодна М. Візэлю, гіпертэкст можа быць мастацкім і немастацкім. Да немастацкага тэксту адно-
сяцца даведнікі, інструкцыі, энцыклапедыі, да мастацкага гіпертэксту – любы мастацкі твор, які мае куль-
турную і мастацкую каштоўнасць з аўтарскай задумай.

Далей ён піша пра сеткавы і ізаляваны гіпертэкст. Прыкладам ізаляванага гіпертэксту з’яўляецца
“Полдень” М. Джойса, таму што дадзены твор можна прачытаць толькі на кампакт-дыску і чытаць яго
можа толькі адзін чытач. Да сеткавага гіпертэксту адносяцца творы, якія “живут” у Сетцы і даступны
адначасова для многіх чытачоў. Дададзеныя творы могуць аб’ядноўвацца ў сайты такіх самых твораў
(напрыклад, “Eastgate”) [6].

Па спосабу размяшчэння інфармацыі ў Сетцы вучоны падзяляе іх на “только чтение”, “чтение с комментариями”, “чтение – письмо”:

- “только чтение” мае на ўвазе ўспрыманне чытачом аўтарскай задумы ў творы;
- “чтение с комментарием”: у чытача-гледача, які ўспрымае не толькі тэкст, але і любыя мультымедыйныя элементы, ёсць магчымасць пакінуць сваё меркаванне ў спецыяльнай “гостевой книге”;
- “чтение – письмо”: гэта практы ў сетцы, якія пастаянна развіваюцца і, у сваю чаргу, дзеляцца на “проекты одного автора” і “проекты с возможностью коллективного творчества”.

Праект аднаго аўтара прадугледжвае, што толькі аўтару адкрыты доступ да сайта, які ён можа адкрыць або абмежаваць для іншых карыстальнікаў.

Праект з магчымасцю калектыўнай творчасці прадугледжвае адкрыты доступ усім карыстальнікам. Прыкладам такога тэксту з’яўляецца сайт японскай паэзіі “Лягушатник”, у якім аўтар публікуе не толькі свае творы, але і творы іншых аўтараў.

Далей М. Візэль вылучае аксільны і дысперсны гіпертэкст.

Аксільны гіпертэкст – гэта тэкст з “кніжнай” структурай, напрыклад, раман Дж. Бакача “Декамерон”. Такія творы з’яўляюцца свайго роду звязкай паміж традыцыйнай кнігай і гіпертэкстам. Дысперсны гіпертэкст уяўляе сабой тэкст без выразнай апавядальнай структуры, чытанне адпаведна можна пачаць з любога месца апаведу [3].

Зыходзячы з дадзенай класіфікацыі, раманы амерыканскіх пісьменнікаў Марка Данілеўскага (M.Z. Danielewski) “Дом листьев” (“House of leaves”, 2000) і Джонатана Сафрана Фоера (J. S. Foer) “Древо кодов” (“Tree of codes”, 2010), якія мы даследуем, можна адесці да гіпертэкстаў.

Сучасныя тэхналогіі далі магчымасць пісьменнікам паказаць свае магчымасці і развіць у сваіх раманах рысы, характэрныя для мастацкага гіпертэксту, некаторыя з іх паспрабуем выявіць у дадзеным артыкуле.

Характэрнымі рысамі гіпертэксту з’яўляюцца цытатнасць, нелінейнасць, разнастайнасць і мультымедыйнасць, бясконцасць (межы і цэнтр тэксту задаюцца чытачом), дэцэнтрыраванасць, дэперсаналізацыя аўтара, фрагментарнасць і прыныцып мантажу. Яны ж, па меркаванні М. Візэля, з’яўляюцца і прыметамі постмадэрнісцкай паэтыкі [5].

Дэбютны раман М. Данілеўскага “Дом листьев” даволі цяжка чытаць хутчэй не па прычыне аб’ёму (700 старонак), а па прычыне нязвыклага і складанага фармату. Па сюжэце Уіл Нэвідсан са сваёй сям’ёй пераязджае ў дом, у якім ён развешвае камеры, каб потым зманціраваць дакументальны фільм. Але праз некаторы час дом мяняе свае памеры і становіцца большым. Уіл Нэвідсан вырашае вывучыць дадзеную з’яву. Яго даследаванне запісваецца на камеры ў доме, відэа называецца “Плёнка Нэвідсана”. Фільм, які атрымаўся, каменціруе сляпы стары Дзампана, рукапіс Дзампана, у сваю чаргу, знаходзіць татуіроўшчык Джоні Труэнт, які таксама піша да гэтага свой каментарый. Такім чынам, раман складаецца не проста з фрагментаў, а з асобных гісторый.

Па той прычыне, што разнастайнасць і нелінейнасць, па меркаванні А.М. Баранова, з’яўляюцца галоўнымі прыметамі гіпертэксту, то мэтазгодна пачаць менавіта з іх [7].

Разнароднасць і мультымедыйнасць найбольш ярка выражана і яе лёгка распазнаць у іншых раманах. Яна заключаецца ў выкарыстанні шрыфту, ілюстрацый, фотаздымкаў, вёрсткі, аўдыё- і відэаінфармацыі, адсылак да іншых немастацкіх матэрыялаў, што з’яўляюцца сродкамі ўздзеяння на чытача ў тэхнічным плане [5].

У рамане М. Данілеўскага “Дом листьев” аўтар выкарыстоўвае розныя шрыфты і памеры ў тэксце для дыферэнцыравання розных гісторый у творы, графічнае вылучэнне ў выглядзе падкрэсленых і закрэсленых слоў, выказаў, сказаў, фрагментаў тэксту (напрыклад, размова паміж Флэйзам і Людам “We knew what we’d find”, he said. “We knew that guy was dead” [8]) для экспрэсіўнасці ў пэўныя моманты апаведу. Таксама аўтар эксперыментуе з прасторай: размяшчае адзін і той жа сказ на цэлую старонку, часам невялікі ўрываек тэксту зверху, знізу, у вуглу, перавернуты дагары нагамі [8], а таксама хаатычна разбрасвае па старонцы словы. Вылучэнне колерам на працягу ўсяго рамана слова “дом” кожны раз прыцягвае ўвагу чытача да яго як да галоўнага канцэпту твора. Дадатковы тэкст у рамцы з люстрана размешчанымі літарамі ўнутры асноўнага тэксту, пропускі ў тэксце, нотны стан на старонку, выкарыстанне шрыфту Брайля выконваюць функцыю нагнятання напружанай і жажлівай атмасферы твора. Выкарыстанне рознага роду ілюстрацый (малюнкі, фотаздымкі, коміксы) адыгрывае істотную ролю ў творы і надае рэалістычнасць ўспрымання прачытанага.

Амерыканскі пісьменнік Дж. С. Фоер напісаў шэраг твораў, якія прынеслі яму літаратурную вядомасць. Кнігі аўтара перакладзены на шматлікія мовы, па іх здымаюць фільмы.

Дж. С. Фоер стварыў свой раман “Древо кодов”, узяўшы за аснову апавед польскага пісьменніка Bruno Schulz (Бруна Шульц, 1892–1942) “The street of crocodiles” (“Улица крокодилов”).

Сама гісторыя ўваходзіць у зборнік “Cinnamon shops” (“Коричные лавки”, 1934) [9], апавяданні якога не звязаны паміж сабой ні часовымі межамі, ні адзіным сюжэтам, а некаторыя з іх і зусім уяўляюць

сабой разважанні апавядальніка, замалёўкі. У «Улице крокодилов» ідзе аповед ад першай асобы, дзе апісваецца горад. Мова нарацыі, магчыма, многім падасца незразумелай, таму што яна мае шмат складаных, доўгіх, насычаных метафарами сказаў, што часам абцяжарвае разуменне прачытанага.

Так, любімае апавяданне Дж. С. Фоера «Улице крокодилов» спарадзіла раман «Древо кодов» [10]. Менавіта ў незвычайнай вёрсты рамана «Дрэва кодаў» выяўляецца разнастайнасць і мультымедычнасць: замест слоў, выказаў, прапаноў – пропускі, скрозь якія бачны на наступных старонках тэкст. Такім чынам, Дж. С. Фоер напісаў свой уласны твор, які можна прачытаць, падклаўшы пад кожную старонку ліст паперы.

Сутнасць нелінейнасці заключаецца ў нязвязнасці старонак паміж сабой традыцыйным спосабам, таму паслядоўнасць чытання губляецца, адпаведна, тэкст можна чытаць з любой старонкі. На думку М. Павіча, нелінейнае пісьмо, для якога характэрна дэцэнтрыраванасць, спарадкаванасць, найбольш дакладна адпавядае сучаснасці. Яно ўяўляе сабой непаслядоўнае развіццё сюжэта, разбітага на фрагменты, якія перамяшаны і не звязаны паміж сабой.

У рамане М. Данілеўскага «Дом листьев» адсутнічае выразная структура, нелінейнасць апавядання выяўляецца ў яго перапляценні фрагментамі гісторый. Перамяшчаючыся па «спасылках», г. зн. цытатах, яны прыводзяць чытача да новага ўрыўку. Як згадвалася вышэй, кожны фрагмент напісаны рознымі шрыфтамі для больш лёгкага размежавання дадзеных гісторый.

У рамане Дж. С. Фоера «Древо кодов» у тэксце прысутнічаюць унутраныя спасылкі, якія адсылаюць да апавядання Бруна Шульца «Улице крокодилов». Як згадвалася вышэй, гіпертэкст з’яўляецца нелінейным тэкстам з ўнутранымі тэкставымі спасылкамі, г. зн. цытатамі, якія з’яўляюцца характэрнымі не толькі для гіпертэксту, але і для літаратуры постмадэрнізму ў цэлым.

Наступная рыса гіпертэксту – фрагментарнасць. Яна ўяўляе сабой «элементы реальнасці, вобыч-ном прадставленні, разітальна аддаленыя друг ад друга» [11]. Такі разрыў лінейнасці апаведу, наяўнасць урыўкаў і іх абрывістасць, з’яўляецца яе характэрнай прыметай. Іншымі словамі, тэкст складаецца з частак, прычым прачытанне яго можна ажыццяўляць з любога месца.

Дадзеная рыса ярка выяўлена ў рамане М. Данілеўскага «Дом листьев», які складаецца з наступных фрагментаў:

- пераказ фільма «Плёнка Нэвідсана»;
- рукапіс Дзампана, прысвечаны аналізу дадзенага фільма, напісаны ў навуковым стылі;
- каментарыі татуіроўшчыка Джоні Труэнта да рукапісу Дзампана, які ён знаходзіць;
- тэкст, які складаецца з лістоў маці Джоні Труэнта, што знаходзіцца ў доме для вар’ятаў;
- каментарый выдаўца кнігі.

Таксама ў творах, якія мы даследуем, назіраем дэперсаналізацыю аўтара.

Р. Барт піша пра ідэі смерці аўтара (дэперсаналізацыя) у сваёй аднайменнай працы [12], якая ўяўляе сабой множнасць відаў пісьма. Паводле навукоўца, аўтар не можа стварыць сапраўдны арыгінальны тэкст, ён складаецца з вялікай колькасці цытат, якія адсылаюць да іншых крыніц. Такім чынам, тэкст прадстаўлены мноствам аўтараў, у якім чытач займае галоўнае месца.

У рамане М. Данілеўскага «Дом листьев» дэперсаналізацыя выяўляецца шматлікімі гісторыямі ўнутры твора, тым самым чытач не толькі можа чытаць дадзены раман па-свойму, але і ствараць яго разам з аўтарам. Гэта выразна прасочваецца на прыкладзе чытання татуіроўшчыкам Джонам Труэнтам, які як бы паказвае варыянт прачытання дадзенай кнігі.

У рамане Дж. С. Фоера «Древо кодов» раскіданыя словы і літары складаюць мноства варыянтаў чытання тэксту, тым самым чытач вольны чытаць твор па-свойму: ахопліваючы адразу ўсе словы, даступныя погляду на старонках, альбо паслядоўна «плыць» па тэксце.

Бясконцасць характэрна толькі для гіпертэксту, бо яго практычна немагчыма прачытаць цалкам па прычыне адсутнасці выразных межаў. Межы тэксту і цэнтр задаюцца самім чытачом, такім чынам робячы тэкст бязмежным.

У раманах, якія мы даследуем, бясконцасць абумоўлена магчымасцю для чытача ствараць свае межы тэксту, свой сэнс прачытанага і ў выніку ўласны твор.

Раман М. Данілеўскага «Дом листьев» стварае ўражанне неабмежаванага чытання па прычыне бясканцаў тэкстаў ўнутры тэксту. У кожнага чытача складаецца сваё суб’ектыўнае прачытанне. Напрыклад, ён можа, пачаць чытаць з каментарыя Джона Труэнта, аналізу Дзампана самага фільма, даследавання дома з «дзівацтвамі» Уілам Нэвідсанам і г.д.

Бясконцасць у рамане Дж. С. Фоера «Древо кодов» таксама прысутнічае, раман здаецца бязмежным, бо пры яго чытанні чытач сам задае межы, выбірае свае варыянты чытання твора.

На аснове аналізу раманаў М. Данілеўскага «Дом листьев» і Дж. С. Фоера «Древо кодов», можна зрабіць выснову аб тым, што сэнны практычна кожны літаратурны твор у той ці іншай меры выяўляе

прыкметы гіпертэксту: часам яны ў большай меры суадносныя з яго класічнымі рысамі, а часам – з рысамі найноўшай электроннай літаратуры. З усіх прааналізаваных у артыкуле прыкмет гіпертэксту, у дадзеных раманах найбольш яркае мастацкае ўвасабленне знайшлі разнастайнасць і мультымедыйнасць, якія безумоўна з'яўляюцца спараджэннем сучасных лічбавых тэхналогій. У той жа час, у гэтых творах прысутнічаюць і класічныя рысы гіпертэксту – знешнія і ўнутраныя спасылкі. Падобнае спалучэнне, па-за ўсякім сумневам, уяўляецца вельмі прадуктыўнай мастацкай стратэгіяй сучаснай гіпертэкставай літаратуры, якая гэтак імкліва развіваецца сёння.

ЛІТАРАТУРА

1. Маньковская, Н. Эстетика постмодернизма / Н. Маньковская. – СПб. : Алетейя, 2000. – 347с.
2. Jamison, F. Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism / F. Jamison. – Durham, NC : Duke University Press, 1999. – 438 p.
3. Трускова, Е.А. Романские циклы Бориса Акунина: специфика гипертекста : дис. ... фил. наук : 10.01.01 / Е.А. Трускова. – Челябинск, 2012. – 160 л.
4. Лутовинова, О.В. Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу / О.В. Лутовинова // Вестник ВГПУ. – 2009. – № 1. – С. 4–7.
5. Визель, М. Последние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста [Электронный ресурс] / М. Визель. – Режим доступа: <https://librusec.pro/b/351590>. – Дата доступа: 01.10.2020.
6. Eastgate [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eastgate.com>. – Date of access: 11.10.2020.
7. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие / А.Н. Баранов. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
8. Danielewski, M.Z. House of leaves. / M.Z. Danielewski. – New York : Pantheon books, 2000. – 709 p.
9. Schulz, B. The Street of Crocodiles [Electronic resource] / B. Schulz. – Mode of access: <http://en.bookfi.net/book/1657394>. – Date of access: 03.10.2020.
10. Foer, J.S. Tree of Codes / J.S. Foer – Belgium : Visual editions, 2010. – 140 p.
11. Дарвин, М.Н. Литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины / М.Н. Дарвин [и др.] ; под. ред. Л.В. Чернец – М., 1999. – С. 308.
12. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт [и др.] ; под. ред. Г.К. Косикова // М. : Прогресс, 1989. – 616 с.

Пастуныў 09.03.2021

FEATURES OF HYPERTEXT LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF THE NOVELS “HOUSE OF LEAVES” BY M. Z. DANIELEWSKI AND “TREE OF CODES” BY J. S. FOER)

T. KASHKAN

The article examines the main features of hypertext literature and shows that they can be both typical and electronic. These features are revealed in the novels “House of leaves” by M. Z. Danielewski and “Tree of codes” by J. S. Foer. The analysis suggests that the diversity and multimedia found in the novels is a major feature of this literature. Being the implementation of modern information technology, it is an artistic technique of hypertext literature that is rapidly evolving nowadays.

Keywords: *hypertext, postmodern poetics, electronic literature, nonlinearity, fragmentation.*

УДК 821.124 + 821.111(73)

ЖАНР ЭПИГРАММЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЗРЫ ПАУНДА

Н.В. НЕСТЕР*(Полоцкий государственный университет)**n.nester@psu.by*

Рассматриваются эпиграмматические произведения в творчестве американского поэта Эзры Паунда (Ezra Pound, 1885–1972). Обосновывается влияние античной эпиграмматической традиции на жанр эпиграммы в поэтических произведениях Эзры Паунда. Доказывается, что обращение поэта к произведениям античной литературы – не просто подражание, а переосмысление классических жанров, позволяющих поэту актуализировать античную тематику в современном контексте посредством ее ироничной и сатирической трактовки.

Ключевые слова: жанр, эпиграмма, парафраз, перевод, переложение, подражание.

Введение. Эпиграмма (греч. ἐπίγραμμα «надпись») – это краткое лирическое стихотворение произвольного содержания (первоначально представлявшее собой посвятельные надписи, затем – эпитафии, поучения, описания, любовные, застольные и сатирические стихотворения), написанное элегическим дистихом. Зарождается литературная эпиграмма в греческой лирике VII–VI вв., ее расцвет приходится на III в. до н.э. – I в. н.э. (греческие поэты «Палатинской антологии», римский поэт Марциал) [2, стб. 1233].

По мнению, Ю.Б. Борева, эпиграмма (от греч. epigramma = надпись) возникла как надпись на монументе [комизм, остроумие, краткая форма меткого поэтического высказывания] – средство литературной борьбы с политическими, литературными или личными противниками автора; насмешка, облаченная в острую литературную форму [1, с. 551–552]. Таким образом, эпиграмма – остроумное высказывание или небольшое по размеру стихотворение, в котором, независимо от тона стихотворения – остроумного, забавного или сатирического, присутствует так называемая «крупинка соли». Расцвет эпиграммы приходится на литературу XVIII в., в произведениях XX в. данный термин расширяет сферу своего воздействия и обозначает остроумное высказывание не только в стихах, но и прозе.

О.М. Фрейденберг отмечает, что «эпиграмма – надгробная заплачка-слава об умершем в виде мотильной надписи (в европейской литературе эпиграммой становится инвективное, колкое стихотворение, напоминающее античный ямб)» [9, с. 121]. Позднее эпиграмма становится сатирическим жанром личной насмешки, объединяясь с античной инвективой и сатирой, как происходит частично в александрийской эпиграмме и эпиграммах Марциала.

Жанровая палитра поэтических текстов Эзры Паунда достаточно обширна – поэт обращается к одам Алкея, эпиталиям Сапфо, эклогам Феокрита и Вергилия, посланиям Горация, элегиям Проперция и Овидия, эпиграммам Марциала. В поэтическом арсенале Эзры Паунда есть стихотворения на любой вкус – от элегического двустушия в духе Катуллы до бесконечной эпической поэмы «Cantos».

Основная часть. Античная литература как основа, на которой строятся произведения Эзры Паунда, служила для него неисчерпаемым источником не только мотивов и образов, но и многочисленных жанров, таких как гимн, гнома, плач, послание, эклога, эпиграмма, эпиталия, эпитафия. В паундовской поэзии фольклорные и литературные жанры античности вбирают в себя новое содержание, подсказанное временем, интересами и замыслами автора, а также его творческой индивидуальностью [6, с. 16–17].

В произведениях Эзры Паунда доминируют мотивы, традиционные для мировой поэзии с древнейших времен, и жанры, обладающие многовековой историей, которые наполняются актуальным содержанием современной Паунду эпохи; возникающий таким образом контраст оказывается его главной целью. Т.С. Элиот отмечает: «Над его стихотворениями витают тени Катуллы и Марциала, Готье, Лафорга и Тристана Корбьера» [10, с. 458]. По мнению А.М. Зверева, «Паунд способствует творческому пересмотру традиций, обогащаемых экспериментами нового поэтического поколения, чтобы из этого сплава возник художественный язык, который требует время» [4, с. 537].

Так, заглавие стихотворного цикла Паунда «Хения»¹ перекликается с одноименным названием тринадцатой книги Марциала. Заимствуя у римского поэта Марциала название тринадцатой книги «Гостинцы» для собственного стихотворного цикла, Паунд тем самым воссоздаёт идею Марциала, положенную в основу его поэтического сборника – одаривать подарком каждого уходящего гостя, тем самым оставляя память о себе, как о гостеприимном хозяине и торжественном событии, по случаю которого были

¹ Хения – ксения (греч.) – букв. «подарок гостю», название XIII книги эпиграмм римского поэта Марциала. Короткое стихотворение, часто имеющее характер афоризма или эпиграммы. Данное стихотворение – фрагмент-вариация стихотворения «Цвет лотоса» из «Тетради Сан Тривазо».

приглашены гости. Эпиграммы Марциала, входящие в сборник «Гостинцы» (в сборнике 127 эпиграммы), имеют достаточно скромные размеры, т.к. практически все они представляют собой элегические двустишия, за исключением первых трех эпиграмм. В сборник «Ксении» римский поэт помещает элегические двустишия – сопроводительные надписи к подаркам, которые хозяин обычно делал гостям. В отличие от Марциала, Паунд объединяет в стихотворный цикл произведения различной тематики, не имеющие ничего общего с эпиграммами римского поэта, кроме названия. Тем не менее, произведения как Марциала, так и Паунда в большинстве случаев основываются на единичном и частном факте или явлении, но из эпиграмм складывается общая картина современного поэтам общества:

And
 Unto thine my eyes my heart
 Sendeth old dreams of the spring-time,
 Yea of wood-ways my rime
 Found thee and flowers in and of all streams
 That sang low burthen, and of roses,
 That lost their dew-bowed petals for the dreams
 We scattered o'er them passing by² [11, p. 86].

Возвышая любовь, поэт изображает её как вселенское чувство, способное завоевать пространство земное и космическое. Эпиграммы, направленные против отдельных лиц, адресуются Паундом своим современникам, вымышленным или реальным лицам. В эпиграммах поэт часто говорит непосредственно от своего имени, особенно когда речь идет о его литературной программе, как в стихотворении «Греческая эпиграмма» (*Greek epigram*):

So, when I weary of praising the dawn and the sunset,
 Let me be no more counted among the immortals;
 But number me amid the wearying ones,
 Let me be a man as the herd,
 And as the slave that is given in barter³ [11, p. 78].

Гномическая традиция с ее лаконизмом прослеживается и в паундовских эпиграммах, в которых выразилась сатирическая направленность его поэзии, не лишённой, однако, медитативных и сентиментальных черт. В этих произведениях поэт часто говорит непосредственно от своего имени, особенно когда речь идет о его литературной программе, как в стихотворении «Греческая эпиграмма».

Сравнивая художника с божеством, Паунд напоминает поэту, что лишь однажды отказавшись от своего призвания, он потеряет обретенное благодаря собственным произведениям бессмертие. Эзра Паунд призывает мастеров слова посвящать произведения изображению современной им действительности. Задумываясь о посмертной славе, он обращается к поэтам с призывом не писать произведений-однодневок, которые неизбежно будут преданы забвению. При этом слава трактуется поэтом не как признание, а как известность, к которой так стремился поэт. Традиционное начало латинской эпитафии Паунд делает главным в стихотворении «Здесь покоится» (*Hic jacet*)⁴ из цикла «Более низкий жанр» (*Leviora*). В названии стихотворения воспроизводятся только начальные слова надгробной надписи, а само произведение характеризует непосредственную реакцию прочитавшего ее и овладевшее им чувство:

And when the eyes we sing to are grown dim,
 Think you we fellows who have loved our loving
 Think you that we, who for their sake we've sung to,
 Have jammed our words within the sonnet's rim
 And for love's sake set all our lines a-moving,
 Think you we'll care what shelf the tomes are flung to?⁵ [8, p. 458].

² И / Твоим мои глаза, мое сердце / Посылает былые мечты о весне / Мои рифмы нашли тебя / Среди лесных троп, цветов и всех ручьев, / Поющих тише рифмы и роз, / Что потеряли чаши-лепестки ради грез, / Которые мы походя, разбросали среди них (Перевод наш. – Н.Н.).

Последняя строфа этого стихотворения используется Паундом в стихотворении «Цветение лотоса»: «Unto three queens mine homage / Unto thine eyes my heart / Sendeth old dreams of the spring time» (Трем царицам я воздаю свое почтение, / Твоим глазам – мое сердце / Посылает былые мечты о весне) (Перевод наш. – Н.Н.).

³ Потому, когда я устану воспевать закат и восход, / Позволь мне больше не числиться среди бессмертных; / Но причисляй меня к уставшим, / Позволь мне быть человеком, как толпа, / И как раб, данный в обмен [8, с. 219].

⁴ Здесь покоится (*лат.*). Традиционное начало латинской эпитафии.

⁵ Когда ж глаза померкнут, что воспеты, / Подумайте, кто так любовь любили, / Лишь ради них мы, други, пели тут, / Слова сдавили мы в тисках сонета, / Любовью стих в движенье приводили, / Не всё ль равно, куда тома швырнут? [8, с. 459].

Стихотворение Паунда «*Nic jacet*» переключается с эпиграммой Марциала (V, 13), в которой изображается осознание собственного превосходства поэта над другими: «Все и повсюду меня читают, и слышатся: «Вот он!» / То, что немногим дала смерть, подарила мне жизнь»⁶ [90, с. 129].

Элегическое двустишие Марциала (V, 43) также привлекает внимание Эзры Паунда, таким образом появляется англоязычный вариант стихотворения, написанного в духе Марциала. В названии данного паундовского стихотворения «*Thais habet nigros...*» (лат. У Таис чёрные...) лежит начало первой строки эпиграммы римского поэта. Паундовский перевод датируется 1950-м г.:

Thais has black teeth, Laecania are white because
she bought them last night⁷. [11, p. 1200]

У Марциала данное стихотворение выглядит следующим образом:

Зубы Таиды черны, белоснежны Лекании зубы.

Что ж? Покупные одни, ну а другие – свои. [5, с. 139]

В соответствии с античной традицией эпитафия является разновидностью эпиграммы и представляет собой стихотворную надгробную надпись, которая существовала и как реальная надпись, и как фиктивная (в стихотворном сборнике). Фиктивные эпитафии Эзры Паунда служат своеобразным средством литературной критики: в форме такой эпитафии поэт даёт оценку кому-нибудь из своих, давно умерших предшественников. Наряду с традиционными похвальными обращениями к покойнику или от покойника к прохожему встречаются в поэзии Паунда пародийные и сатирические эпитафии. Так, в медитативном стихотворении «Гномические стихотворения» (*Gnomic Verses*) лирический герой погружается в чтение прекрасных стихотворений Ли Бо, занимаясь приготовлением ростбифа:

When the roast smoked in the oven, belching out blackness,
I was bewildered and knew not what to do,
But when I was plunged in the contemplation
Of Li Po's beautiful verses,
This thought came upon me, –
When the roast smokes, pour water upon it⁸ [8, p. 724].

Медитация лирического героя прерывается происходящими в реальности событиями, поэтому он вынужден оторваться от собственных размышлений, дающих ему инструкцию для решения вполне реальных проблем.

Голос поэта отчетливо звучит в эпитафиях Паунда потому, что эпитафия часто становится фиктивной и предназначена для выражения конкретной авторской мысли. Так, приближается к сатирической эпиграмме автоэпитафия Паунда «*In Epitaphium*», которая строится на ироничном обыгрывании понятия «слава»: «Write me when this geste, our life is done: / «He tired of fame before the fame was won»⁹ [8, p. 656].

Мотив быстротечности жизни находит воплощение в вольных парафразах двух эпикурейских эпиграмм [3] – Асклепиада Самосского (1–6 строки) и Юлиана Египетского (7–10 строки). Данное стихотворение составляет вторую часть стихотворного цикла «Отголоски» (*Echoes*). Лирический герой Эзры Паунда забрасывает возлюбленную чередой вопросов, в свою очередь не надеясь на ответ. Время неумолимо, его не сдержать, поэтому необходимо наслаждаться каждым мгновением жизни:

Thou keep's thy rose-leaf
Till the rose will be over,
Think'st thou that Death will kiss thee?
Thinks't thou that the Dark House
Will find thee such a lover
As I? Will the new roses miss thee?

Prefer my clock unto the cloak of dust
'Neath which the last year lies,
For thou shouldst more mistrust
Time than my eyes.¹⁰ [11, p. 239].

⁶ V, 13, 3–4. Перевод Ф. Петровского.

⁷ У Таис чёрные зубы, у Лекании – белые, потому что / Она их купила прошлой ночью (Перевод наш. – Н.Н.).

⁸ Когда ростбиф начал дымиться в духовке, / Я был удивлен и не знал, что делать, / Но, когда я погрузился в размышление / Над прекрасными стихотворениями Ли Бо, / Такая мысль посетила меня, – / Когда ростбиф пригорает, полей его водой [Перевод наш. – Н.Н.].

⁹ Пусть надпись эта мой украсит пьедестал: «Он славы не стяжал, но от неё устал» [8, p. 657].

¹⁰ И ты думаешь лепестки убережешь, / Когда время роз отойдёт? / Или смерть к тебе явится с поцелуем? / Или в чёрном Орке / Тебя такой любовник ждёт, / Как я? Или с новой розой мы о прежней горюем? / Нет, мой плащ получше, чем одеянье из праха, / Под которым прошлое спит в пыли. / Время, милая, – вот предмет для страха: / Оно опасней, чем глаза мои [8, с. 829].

Паундовская эпиграмма живет самостоятельной жизнью, в большинстве случаев основывается на отдельном общественном факте или явлении, но в целом из них складывается общая картина нравов современного общества, обнажающая различные контрасты современной жизни. Такие особенности, как словесная игра, неожиданная концовка, свободное использование гиперболы и других поэтических фигур, придают эпиграммам Паунда эффект неповторимости и сближают его произведения с эпиграммами Марциала [7, с. 178]. Эпиграммы Эзры Паунда являются по своей сути сатирическими и восходят к античной эпиграмме. Среди эпиграмматистов, чьей манере письма подражал Эзра Паунд, можно отметить Марциала, а также Асклепиада Самосского и Юлиана Египетского.

Заключение. Таким образом, поэтическая форма эпиграммы не потеряла своей актуальности на протяжении всего творчества Эзры Паунда. Обращаясь к произведениям античных авторов, Эзра Паунд сознательно идет по пути последовательного диалога с римскими авторами. Манипулируя вслед за античными авторами пространствами видимого и действительного, поэт создает общее информационное поле античных жанров, где реальное и подразумеваемое сосуществуют, постоянно видоизменяясь и трансформируясь, и где в каждом утверждении заложено его собственное отрицание [7, с. 175].

При этом заимствование жанра античной эпиграммы не является для Паунда непосредственной имитацией устоявшейся классической формы. Использование жанра античной эпиграммы позволяет поэту сопоставить проблемное поле древности и современности, а также подчеркнуть расхождение современной трактовки сходной тематики по сравнению с классической традицией. Обращение Паунда к произведениям античной литературы – не просто подражание, а переосмысление жанра эпиграммы, позволяющее поэту актуализировать античную тематику в современном контексте посредством ее ироничной и сатирической трактовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боров, Ю.Б. Эпиграмма / Ю.Б. Боров // Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов / Ю.Б. Боров. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – С. 551–552.
2. Гаспаров, М.Л. Эпиграмма / М.Л. Гаспаров // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М. : Интерлак. – Стб. 1233.
3. Греческая эпиграмма / Под ред. и со вступ. статьёй Ф. Петровского; сост., примеч. и указатель Ф. Петровского и Ю. Шульца. – М. : ГИХЛ, 1960. – 487 с.
4. Зверев, А.М. Поэтический ренессанс / А.М. Зверев // История всемирной литературы. – М. : Наука, 1994. – Т. 8. – С. 533–544.
5. Марциал. Эпиграммы / Марциал. Пер. с лат. Ф. Петровского. – Харьков: Фолио, 2000. – 448 с.
6. Нестер, Н.В. Античная традиция в лирике Эзры Паунда 1910–1920-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.01.03 / Н.В. Нестер. – Новополоцк: УО «ПГУ», – 2008. – 23 с.
7. Нестер, Н.В. Жанры античной литературы в поэзии Эзры Паунда / Н.В. Нестер // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2006. – № 7. – С. 175–180.
8. Паунд, Э. Стихотворения и избранные Cantos / Э. Паунд. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 887 с.
9. Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.
10. Элиот, Т.С. Эзра Паунд: его стих и поэзия / Т.С. Элиот // Избранное. – М. : РОССПЭН, 2004. – Т. I–II: Религия, культура, литература. – С. 442–469.
11. Pound, Ezra. Poems & Translations / Ezra Pound. – N.-Y. : The Library of America, 2003. – 1364 p.
12. The Ezra Pound encyclopedia / edited by Demetres P. Tryphonopolous and Stephen J. Adams. – Westpost, Connecticut, London : Greenwood Press, 2005. – 363 p.

Поступила 09.06.2021

THE GENRE OF THE EPIGRAM IN THE WORKS BY EZRA POUND

N. NESTSER

The article deals with epigrammatic works in the works by American poet Ezra Pound (1885–1972). The author substantiates the influence of the ancient epigrammatic tradition on the genre of the epigram in the poetic works of Ezra Pound. It is proved that the poet's appeal to the works of ancient literature is not just an imitation, but a reinterpretation of classical genres, which allow the poet to actualize the ancient theme in the modern context through its ironic and satiric interpretation.

Keywords: genre, epigram, paraphrase, translation, arrangement, imitation.

УДК 821.112.2

**«ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДОЧКИ МЕЛЬНИКА» И.В. ГЁТЕ:
НЕМЕЦКИЙ ВАРИАНТ ФРАНЦУЗСКОГО РОМАНСА****Л.И. СЕМЧЁНОК***(Полоцкий государственный университет)*

Проводится сопоставительный анализ двух вариантов сделанного И.В. Гёте перевода французского романса неизвестного автора. История предательства коварной красавицы существует у Гёте в двух версиях – в качестве самостоятельного произведения балладного цикла о юноше, влюбленном в очаровательную мельничиху, и в виде романса, исполняемого героиней вставного рассказа из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». Особое внимание уделяется рассмотрению смысловых трансформаций, внесённых Гёте в первоначальный вариант перевода. Именно они сделали возможным включение баллады в художественный мир новеллы. Отмечается, что гётевская версия романса, вложенного в уста безумной скиталицы, отличается от первоначального перевода повышенным дидактизмом. Это приближает его к повествовательной стратегии поучительного рассказа, ориентированного на общие законы жизни, познать которые неверный возлюбленный должен ценой собственного горького опыта. Ценностно-смысловая картина мира самой новеллы, напротив, вступает в полемику с входящей в её состав песней. Сюжет вставного рассказа ставит под сомнение правомерность скрытых в романсе притязаний обманутой подружки на абсолютную верность.

Ключевые слова: романс, вставная новелла, поучительный рассказ, перевод, смысловые трансформации.

Введение. «Предательство дочери мельника» – одно из стихотворений, которое традиционно включается в состав сборников гётевской поэзии и размещается, как правило, в разделе балладного наследия писателя. Так, в юбилейном 13-томном собрании сочинений, которое вышло ещё до начала Великой Отечественной войны (1932–1937 гг.), это стихотворение было опубликовано в переводе Всеволода Рождественского и называлось «Предательство мельничихи» («Куда стремится он так рано»). А в 10-томном издании 1975–1980 гг. это же стихотворение появляется уже в переводе Андрея Павловича Глобы и называется «Предательство дочери мельника». Что удивительно, и в первом, и во втором издании история о коварной красотке, которая сначала соблазняет пылкого юношу, а затем поднимает шум вокруг утраты собственной невинности, преподносится читателю в качестве собственного сочинения И.В. Гёте, сочинения, возникшего в результате творческого переосмысления итальянской музыкальной комедии «Мельничиха». Дело в том, что в 1797 г., путешествуя по южной Германии, Гёте присутствовал на постановке этой комедии во Франкфурте и вскоре после этого, действительно, появились первые стихотворения из цикла о паже и дочке мельника. Однако история несчастного влюбленного, выставленного в роли коварного искусителя и вынужденного спастись бегством из дома мельника, была добавлена к песенным диалогам, возникшим в 1797 г., несколько позже.

Не может не обратить на себя внимания и тот факт, что гётевский интерес к истории о вероломной мельничихе не ограничивался лишь созданным в 1798 г. стихотворным циклом. Спустя десятилетия всё тот же романс о коварной дочке мельника звучит из уст одной из героинь вставного рассказа в романе Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Речь идет о новелле под названием «Безумная скиталица». И тут возникает вопрос, как и почему романс, написанный в конце 90-х гг. XVIII столетия, проникает на страницы малой эпики писателя спустя почти 30 лет после его первой публикации? Ответ на него лежит, собственно, на поверхности, если только внимательно вчитаться в текст гётевского романа.

Основная часть. Вставной рассказ о сумасшедшей скиталице предваряет диалог Герсильи с Вильгельмом, в котором хозяйка дома, перед тем, как попрощаться со своим гостем, предлагает ему для вечернего прочтения рукопись, содержащую сделанный ею перевод с французского. «– Вы читаете перед сном? – спросила Герсилья Вильгельма. – Я пришлю Вам рукопись, это сделанный мной перевод с французского, а потом Вы мне скажите, попадалось ли Вам что-нибудь прелестнее» [1, с. 44]. Иными словами, Гёте сам сообщает читателям о том, что рассказ о безумной девице (также как и входящий в него романс о коварной дочке мельника) не является собственным сочинением писателя, а лишь переведен им с некоего французского первоисточника. Проведенные исследования показали, что (французская) версия истории о помещанной страннице, выступившая в качестве первоисточника гётевского текста, была опубликована еще в 1789 г. в одном из номеров альманаха «Cahiers de Lecture»¹. Высокая степень «соответствия гётевского

¹ См. труды Иоганнеса Кляйна «История немецкой новеллы от Гёте до наших дней» (Klein, J. Geschichte der deutschen Novelle. Von Goethe bis zur Gegenwart / J. Klein. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1960. – S. 72),

текста французскому оригиналу» [2, S. 56]² не раз отмечалась исследователями. Именно она, по всей вероятности, и стала одной из причин того, что из всех новелл, входящих в роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера», именно «Безумная скиталица» реже всего становилась предметом литературоведческих исследований, а смысловые расхождения стихотворной и новеллистической версий баллады о предательстве дочери мельника и вовсе остались незамеченными в русскоязычном культурном пространстве³.

Вместе с тем, анализ основных этапов работы писателя с текстом французской новеллы указывает на творческий подход Гёте к материалу, который был опубликован на страницах «Cahiers de Lecture»⁴. «Cahiers de Lecture» – французский ежемесячник, издававшийся в Германии библиотекарем тюрингского города Гота господином Генрихом Августом Оттокар Рейхардом (Heinrich August Ottokar Reicherd, 1751–1828). Рассказ о сумасшедшей девице появился на страницах свежего номера журнала накануне революционных событий во Франции, в феврале 1789 г., назывался «La Folle en pèlerinage» (Паломничество безумицы) и сразу же после своей публикации вызвал живейший интерес у представителей высшего веймарского общества. В письме к жене Шиллера от 29 марта 1789 г. г-жа фон Штейн интересовалась «читали ли Вы «La Folle en pèlerinage» в «Cahiers de Lecture», а затем добавляла «история рассказана весьма искусно, а прелестнее всего в ней – романс. Хотелось бы мне только знать, кто же её автор» [3, S. 267]. Более того, вставной романс произвел на г-жу фон Штейн такое сильное впечатление, что она сама перевела его на немецкий язык [4, S. 89]. Не осталась незамеченной эта история и для Гёте.

Интерес писателя к необычному поведению девицы, помешанной на идее самоотверженной верности, был вызван сразу несколькими факторами. Дело в том, что в марте 1789 г. г-жа Шарлотта фон Штейн (Charlotte Albertine Ernestine Freifrau von Stein, 1742–1827), бывшая наперсница поэта, узнала о том, что Гёте живёт в свободном браке с юной цветочницей Кристианой Вульпиус (Johanna Christiana Sophie Vulpius, 1765–1816). Примириться с таким проступком своего прежнего друга утонченная аристократка, интеллектуалка фон Штейн не могла, и бывшее родство душ обернулось для поэта ожесточением, презрением и злой насмешкой со стороны той, от которой он считал себя некогда «неотделимым» [3, S. 532]. Попытки поэта к примирению, его письмо с просьбой одарить бывшего друга «вновь своим доверием, взглянуть на происшедшее с естественной точки зрения, позволить сказать обо всем спокойное правдивое слово» остаются без ответа [3, S. 534]. Окончательный разрыв с г-жой фон Штейн, невероятные, злобные сплетни, курсировавшие в веймарском обществе и унижавшие Кристиану, приводят поэта в замешательство, заставляют по-новому взглянуть на традиционные представления о любви и верности.

Не внушали оптимизма господину тайному советнику и судьбоносные потрясения на европейской политической арене. Французская революция и последовавшие за ней трагические события ставили под сомнение подлинность существующих суждений о человеке и его нравственной природе, заставляли писателя подвергнуть тщательному анализу свои прежние представления о человеке и мире. Однако пройдет целых десять лет, прежде чем Гёте осмелится воплотить в художественных образах своё видение человеческой природы и характера взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

На первом этапе работы, в 1798 г., из всей французской новеллы поэт переводит лишь песню скиталицы и называет её «Предательство дочери мельника» (Der Müllerin Verrat). Немецкая версия романса была включена в уже созданный к тому времени стихотворный цикл. Он начинался историей знакомства благородного юноши с прекрасной Лизаветой («Паж и дочка мельника» (Der Edelknaube und die Müllerin) – первое стихотворение цикла), после чего влюбленный герой изливал свою сердечную тоску в стихотворении «Юноша и мельничный ручей» (Der Junggesell und der Mühlbach – второе стихотворение). Затем наступал черёд переводной баллады о вероломстве очаровательной «чертовки», сначала заманившей кавалера в свою «сладкую постель» и «вручившей ему свою честь», а затем созвавшей криками всю родню с требованием вернуть бедняжке «невинности цветок» («Предательство дочери мельника» (Der Müllerin Verrat) – третье стихотворение) [5, с. 283–285]. Заканчивался цикл примирением обманутого юноши с деревенской красавицей («Раскаяние дочери мельника» (Der Müllerin Reue) – четвёртое стихотворение).

Гельмута Химмеля «История немецкой новеллы» (Himmel, H. Geschichte der deutschen Novelle / H. Himmel. – Bern : Francke Verlag, 1963. – S. 56–57), Бенно фон Визе «Немецкая новелла от Гёте до Кафки» (Wiese, B. v. Die deutsche Novelle von Goethe bis Kafka. Interpretationen II / B. von Wiese. – Düsseldorf : A. Bagel Verlag, 1956. – 350 S.

² Здесь и далее при ссылке на немецкий источник перевод мой – Л.С.

³ Для русскоязычного читателя отличие баллады «Предательство дочери мельника» от вставного романса новеллы не является очевидным, так как создатель русскоязычной версии романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» С. Ошеров использовал при передаче песни безумной скиталицы переводную версию стихотворения «Предательство дочери мельника», принадлежащую перу А. Глобы.

⁴ Исследование, проведенное доктором Норбертом Ёллерсом в конце XX столетия, позволило обнаружить первоисточник истории, опубликованной на страницах журнала «Cahiers de Lecture». Оказалось, что впервые рассказ о девице, помешанной на верности, был напечатан в Париже анонимно. Он появился в 1786 г. на страницах сборника рассказов «Nouvelles Folies sentimentales, ou Folies par amour». См. Oellers, N. Goethes Novelle «Die pilgernde Thörin» und ihre französische Quelle / N. Oellers // Goethe Jahrbuch. – Weimar : Hermann Böhlau Nachfolger, 1985. – Bd. 102. – S. 88–104.

Ещё через 10 лет, в конце 1808 г., в «Карманной книжечке для дам на 1809 год» (*Taschenbuch für Damen auf das Jahr 1809*) появился перевод всей французской новеллы, повествующей о необычной страннице, поселившейся в поместье богатого землевладельца и сумасбродной выходкой нарушившей мир и покой в доме. По сюжету с загадочной гостьей г-н де Реванн знакомится во время очередной утренней прогулки. Таинственная красавица производит на немолодого уже мужчину такое сильное впечатление, что он без долгих размышлений уговаривает прекрасную незнакомку остановиться у него в имении. Девушка принимает предложение и в знак благодарности за оказанное гостеприимство исполняет романс о неверном возлюбленном, променявшем благородную даму на дочку мельника и наказанном за это предательством последней. Печаль в голосе и увлажнившиеся от слез глаза незнакомки дают хозяевам повод предположить, что скрывающая своё имя красавица и есть та самая «прекрасная дама» из романа, бегущая от несчастной любви. Проявив себя великолепной домоправительницей, девушка задерживается в имении де Реваннов почти на два года и становится объектом любовных притязаний со стороны хозяина дома и его сына. В финале рассказа, чтобы избавиться от настойчивых ухажеров, загадочная скиталица идет на необычную хитрость, заставляя отца и сына де Реванн усомниться не только в её целомудрии, но и в благородстве друг друга. Своё же безрассудное поведение красавица объясняет страстным желанием доказать «дружку с мельницы», а вместе с ним и всем мужчинам, что «и мужчины и женщины бывают неверны только по своей воле» [1, с. 56].

Переведенная на немецкий язык новелла была издана Гёте сначала в качестве самостоятельного произведения. В её состав автор включил и стихотворение о предательстве дочки мельника, опубликованное ранее в шиллеровском журнале «Альманах муз» (*Musen-Almanach für das Jahr 1799*). При этом Гёте-новеллист не просто вложил в уста странницы уже имеющийся перевод баллады об обманутом юноше, а внес в текст своего же перевода такие изменения, которые позволили ему сместить смысловые акценты баллады, подчинив её идейную направленность общей проблематике новеллы. Например, в первой строфе стихотворения предположение о том, что закутанный лишь в плащ полунагой путник мог придаваться молитвам в какой-нибудь лесной часовне (*Hat er sich in der Waldkapell, / So kalt und frisch es ist, erbaut? – Неужели он в лесной часовне, / Такой холодной, освежающей прохладой, возносился душой к Богу?*) [6, S. 121], сменяется в новелле иронической гипотезой исполнительницы о намерении юноши отправиться в паломничество, чтобы вознестись душой к богу (*Hat wohl der Freund beim scharfen Winde / Auf einer Wallfahrt sich erbaut? – Неужели друг в такой сильный ветер / Отправился в паломничество, чтобы вознестись душой к Богу?*) [7, S. 55]. Тему паломничества героиня гётевской новеллы акцентирует неслучайно, так как это дает ей возможность уже в самом начале романа противопоставить вынужденное скитание «неверного дружка», польстившегося на запретный плод, её собственному благочестивому путешествию во имя верности.

Следующую смысловую трансформацию обнаруживаем в третьей строфе песни. Если герой стихотворного цикла пробирается в сад дочки мельника в поисках пары заветных яблочек⁵, что превращают мельничий палисадник в настоящий рай плотской любви (*Warum auch schlich er diese Wege / Nach einem solchen Äpfelpaar, / Das freilich schön im Mühlgehege, / So wie im Paradiese war! – И зачем он крался по [этим] тропкам / В поисках парочки таких яблочек / Которые, как всем известно, в мельничьем саду такие сладкие / Будто в раю*) [6, S. 122], то в случае с обманутым героем новеллы налицо библейская аллюзия. Герой отправляется туда уже за тем самым ветхозаветным яблоком, что вместе с наслаждением несет с собой множество опасностей (*Warum auch ging er solche Wege / Nach einem Apfel voll Gefahr – И зачем он отправился по этим тропкам / В поисках яблока, таящего опасности*) [7, S. 55]. Таким образом, райский сад дочки мельника коннотируется в новелле в отличие от стихотворного цикла не только с пространством чувственной любви, это еще и место обретения лирическим героем истинных знаний, постижения тайн мироздания ценой ошибок и прозрений. В объятьях красавицы, окруженный ратью наступающих родственников, обманутый любовник постигает всю иллюзорность своей надежды найти вожаемую свободу от всяческих обязательств, сбежав от условностей света к мельничному ручью. Мамки-папки девицы требуют у застигнутого врасплох несчастного любовника не просто вернуть их дочери «невинности цветок», как это было в первом варианте перевода (*Sie forderten des Mädchens Blüten / Mit schrecklichem Geschrei von mir – Они требовали девицы цвет / С ужасным криком от меня*) [6, S. 122], собравшаяся родня из романа безумной скиталицы претендует уже на брачный венец для утратившей честь девицы (*Da forderten sie Kranz und Blüten / Mit grässlichem Geschrei von mir – И тогда они потребовали венца и девичьего цвета / От меня, отвратительно крича*) [7, S. 56]. А сама красавица из двадцатилетней барышни превращается в новелле в шестнадцатилетнюю ветреницу.

⁵ Еще в древнегреческой литературе соблазнительные округлости женской груди нередко сравнивались поэтами с парой прекрасных яблочек. См. у Феокрита: «Девушка: Делаешь что ты, сатир? Почему ты к сосцам прикоснулся? Дафнис: Яблочки эти твои, погляжу я, сегодня липели» (Александрийская поэзия: переводы с древнегреческого // М.Е. Грабарь-Пассек (авт.-сост.). – М.: Худож. лит. – 432 с).

Смысловые трансформации, предпринятые Гёте, приводят к тому, что романс, вложенный в уста безумной странницы, следует скорее повествовательной стратегии поучительного рассказа, ориентированного на общие законы жизни, познать которые и должен неверный возлюбленный ценой собственного горького опыта. Сама же обманутая девица выступает в роли выразительницы нравственного закона, нарушение которого ведет к заслуженному наказанию. В заключительной строфе романса она, словно судья, выносит «моральный приговор» [8, S. 189] своему бывшему возлюбленному: «Посмейтесь же со мной! Создатель / Его за дело покарал» [1, с. 50]. Такая безапелляционность в оценке произошедшего – отличительная особенность гётевского перевода. Во французской версии строка с категоричным заявлением исполнительницы, о том, что герой её романса действительно заслужил такого наказания, отсутствует (Ср. у Гёте : *Denn wirklich ist sie wohlverdient* – Так как она (боль – прим наше. – Л.С.) действительно заслужена) [7, S. 57].

Заключение. Наличие в творчестве Гёте перевода одного и того же романса сразу в двух версиях едва ли можно объяснить лишь стремлением писателя приблизить более поздний вариант своего перевода к тексту оригинала (согласно дневниковым записям изначально перевод баллады Гёте делал по памяти⁶). Часть изменений, внесенных в более поздний вариант перевода, действительно носит чисто стилистический характер. Но встречаются среди них и такие, что приводят к смещению смыслопорождающих акцентов всего романса, что было обусловлено необходимостью включить текст песни в художественный мир новеллы «Безумная скиталица», вписав его в общую проблематику романа о Вильгельме Мейстере, романа, посвященного разгадке тайны человеческой личности.

Сюжет вставного рассказа о пребывании необычной странницы в доме г-на де Реванна словно вступает в полемику с входящей в её состав поучительной песней скиталицы и вносит коррективы в традиционную трактовку темы любви и верности. Верность в любви, доведенная до абсолюта, возвышает героиню в собственных глазах, определяет её чувство морального превосходства не только над неверным «дружком с мельницы», но и над всем её окружением. Но фанатичное стремление молодой девицы воплотить в жизнь рыцарские идеалы верности и преданности превращают её в настоящую безумицу. Она воображает себя мученицей и не желает признаться даже себе в чувствах к бывшему другу. Сознаться в собственной неспособности сопротивляться силе любви, значит признать за бывшим возлюбленным право на такие же чувства в отношении дочери мельника. А это уже задевает самолюбие «прекрасной дамы», притязания женщины на признание в ней личности, достойной любви, поэтому гораздо спокойнее спрятаться за традиционными клише о верности и измене и нести себя миру как жертву мужской неверности и образец обманутой добродетели.

Любопытным представляется тот факт, что включение новеллы в состав романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера» происходило поэтапно. Если в первом издании (1821 г.) новелла завершала роман, будучи включенной в 16-ю (заключительную главу), то в издании 1829 г. она уже была вынесена в начало романа (5 глава). Вместе с композиционными преобразованиями принципиально меняется и подход героев рамочного повествования к оценке вставного рассказа. В ранней версии романа история безумной скиталицы рассказывается, по словам Фридриха, для того, чтобы по-настоящему понять разницу между «сумасбродным помешательством, что гонит человека по свету, и хорошо продуманным и удачно начатым предприятием», которому посвящают себя Отрекающиеся [9, S. 418–419]. Во втором же издании романа Гёте отказывается от прежней категоричности в оценке поступка героини новеллы, оставляя за читателем право, самостоятельно решать, кем все же была поселившаяся у г-на де Реванна прекрасная незнакомка, «ангелом, или, вернее, демоном, который бродит по свету, чтобы терзать сердца» [1, с. 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гёте, И.В. Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся : пер с нем. / И.В. Гёте // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Худож. лит., 1979. – Т. 8. : Годы странствий Вильгельма Мейстера или Отрекающиеся ; под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта ; коммент. А. Аникста. – 462 с.
2. Herwig, H. Das ewig Männliche zieht uns hinab: «Wilhelm Meisters Wanderjahre». Geschlechterdifferenz, sozialer Wandel, historische Anthropologie / H. Herwig. – Tübingen [u.a.] : Francke, 1997. – 467 S.
3. Stein, Ch. v. Den 29. März (1789) // Charlotte von Schiller und ihre Freunde / hrsg. v. Ludwig Urlichs. – Stuttgart : J.G. Cotta'scher Verlag, 1862. – Bd. 2. – 456 S.
4. Oellers, N. Goethes Novelle «Die pilgernde Thörin» und ihre französische Quelle / N. Oellers // Goethe Jahrbuch. – Weimar : Hermann Böhlau Nachfolger, 1985. – Bd. 102. – S. 88–104.
5. Гёте, И.В. Стихотворения : пер. с нем. / И.В. Гёте // Собрание сочинений : в 10 т. – М. : Худож. лит., 1975. – Т. 1. : Стихотворения ; под общ. ред. Н. Вильмонта и др. ; коммент. А. Аникста. – 524 с.

⁶ В письме к Шиллеру от 24 июня 1798 г. Гёте пишет: «Высылаю французский романс. На самом деле хорошо, что у меня не было его под рукой, иначе отдельные выражения помешали бы мне, идти своей дорогой» [4, S. 90].

6. Goethe, J.W. Der Müllerin Verrat / J.W. Goethe // Goethes Werke : in 12 Bänden ; Hrsg. H. Kurz. – Bd. 1 : Gedichte. – Leipzig : Bibliographisches Institut AG, um 1900. – S. 121–122.
7. Goethe, J.W. Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden / J.W. Goethe // Goethe. Werke (Hamburger Ausgabe) : in 14 Bnd. – München : Deutscher Taschenbuchverlag, 1998. – B. 8 : Romane und Novellen III. – 711 S.
8. Clouse, R.A. Die pilgernde Törrin: genesis, revaluation, and mirroring in Goethe's «Wanderjahre» / R.A. Clouse // Goethe Yearbook. – Rochester : Camden House Camden, 2007. – Vol. 14. – P. 171–206.
9. Goethe, J.W. Wilhelm Meisters Wanderjahre oder Die Entsagenden. Erster Teil / J.W. Goethe. – Stuttgart, Tübingen : Cotta'sche Buchhandlung, 1821. – 550 S.

Поступила 15.06.2021

**«THE MAID OF THE MILL'S TREACHERY» BY J.W. GOETHE:
A GERMAN VERSION OF THE FRENCH ROMANCE**

L. SIAMCHONAK

The article provides a comparative analysis of Goethe's two translations of the French romance by an unidentified author. In Goethe's works the story of the cunning beauty's treachery exists in two versions – as an independent piece of a ballad cycle about a young man in love with a charming miller's daughter, and as a romance, which is performed by the heroine of the story within a story from the novel "Wilhelm Meister's Apprenticeship". Particular attention is paid to the semantic transformations introduced by Goethe in the original translation. It is these that made it possible to incorporate the ballad into the artistic world of the novel. Goethe's version of the romance, embedded into the mad wanderer's mouth, is noted to differ from the original translation in its heightened didacticism. This brings it closer to the narrative strategy of a cautionary tale centred on the general laws of life, which the unfaithful lover must cognize at the cost of his own galling experience. On the contrary, the values and senses of the worldview in the novel engage into a polemic with its constituent song. The main plot of the story within a story disputes the relevancy of the deceived girlfriend's claim to absolute fidelity hidden in the revised translation of the romance.

Keywords: *a romance, a story within a story, a cautionary tale, translation, semantic transformations.*

УДК 82-144

**ИЗМЕНЕНИЕ СУБЪЕКТНОЙ СТРУКТУРЫ РУССКОЙ БАЛЛАДЫ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XXI в. КАК МАРКЕР ЭВОЛЮЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА****Т.В. ЧЕРКЕС***(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)**t_koteleva@mail.ru*

Рассматриваются трансформации в субъектной сфере русской баллады конца XVIII – начала XXI вв. В предромантических / романтических балладах выделяются отстраненный автор-нарратор и он-герои, принцип антропоцентризма отражается в номинациях. Отступления от нормы (субъективизация и др.) продолжатся в жанровых трансформациях неканонической баллады. В балладе Серебряного века жанровые диффузии, лиризация и пр. влияют на эволюцию субъектной сферы. Различные формы выражения субъектных отношений способствуют расширению семантики: наряду с анонимными персонажами появляются прецедентные личности, а поэт-демиург наделяется даром изменения мира Словом. В XX в. социализация жанра приводит к аперсонализации (субъект – часть народа). Героями баллад становятся литературные персонажи, образы-архетипы, семантика которых изменяется. Впервые субъектностью наделяется машина. Анонимность он-героя постсоветской баллады выражает посттравматичную двойственность сознания (один из нас). Разнообразные формы субъектной организации обусловлены открытием границ, изменениями двоемирия. Сменой фокализации, синтезом миров подчеркивается раздвоенность сознания / подсознания героев. Преодоление фобий – в снятии внутренних ограничений: во взаимодействии мира живых / мертвых, в памяти о прошлом видится защита от будущих катастроф.

Ключевые слова: эволюция литературного жанра, субъектная организация, русская баллада конца XVIII – начала XIX вв., баллада Серебряного века, баллада советского и постсоветского периодов.

Введение. Для исследования механизмов эволюции жанра необходимо последовательное сопоставительное рассмотрение этапов формирования и расцвета жанровых традиций. Известно, что каждый жанр представляет собой «производное конкретно-исторических сдвигов художественного сознания, продукт литературной эволюции» [1, с. 12]. Баллада – гибридный жанр (синтез эпического, лирического и драматического начал), в основе которого на генетическом уровне заложены возможности обновлений: доминирование эпоса, лирики или драмы на разных этапах развития приводит к закономерным жанровым трансформациям. Принадлежность «к инверсии миростроительного ритуала» [2, с. 132]: роковая предначертанность события, противостояние двух миров, катастрофичность их встречи – эти инвариантные жанровые маркеры наиболее соответствуют настроению кризисных периодов социально-исторического развития. На динамику эволюции влияет смена социальных, философских и эстетических парадигм. Вехи балладного подъема совпадают с «переломными» моментами истории: «Балладность <...> активизируется в истории литературы всякий раз через несколько лет после масштабных социальных катаклизмов» [3]. Так, формирование и становление жанра происходит во время правления Екатерины II (геополитические войны с Речью Посполитой (1768–1772 и 1792), с Османской империей (1768–1774, 1788–1790), «чумной» бунт 1771 г., подавление восстаний Е. Пугачева (1773–1775), Т. Костюшко (1794) и т.д.). Расцвет баллады совпадает с периодом подъема национального самосознания на фоне событий Отечественной войны 1812 г.; баллада Серебряного века «возвращается» в литературный процесс в период русского Ренессанса, революционных коллизий 1905 и 1917 гг. Трагические события Великой Отечественной войны и хрущевская оттепель приводят к возрождению жанровых традиций, а травма последствий распада СССР актуализирует балладу как вид поэзии, соответствующий эсхатологическому мироощущению «потерянного» поколения. Безусловно, трансформации жанра, происходящие в литературном процессе, находят отражение в поэтике образов, субъектной организации баллад. Постепенная эволюция «по спирали» от эпически дистанцированного объективизма к лирическому мировосприятию и обратно – к объективированному он-герою «лирического эпоса» [4, с. 13] наблюдается в балладах конца XVIII – начала XXI вв.

Целью статьи является рассмотрение субъектной организации баллад конца XVIII – первой половины XIX вв. и изменений структуры баллад неканонических периодов: баллады Серебряного века, баллады советского и постсоветского времени. Результаты исследования могут использоваться в процессе дальнейшего изучения жанровых изменений, а также в курсах истории и теории литературы.

Основная часть. Согласно классификации Б.О. Кормана, в субъектной сфере лирического произведения выделяются автор-повествователь, собственно автор, лирический герой и герой ролевой лирики [5, с. 174–183]. Н.Д. Тамарченко предлагает рассматривать целостность субъектной сферы в виде двух

пределов (градация от автора до героя): «ближе к авторскому будет располагаться повествователь, ближе к героическому <...> – герой ролевой лирики, промежуточные положения займут лирическое “я” и лирический герой» [6, с. 343]. Представим данные отношения в виде линейной схемы: автор – нарратор – лирическое “я” («собственно автор» Кормана) – лирический герой – герой ролевой лирики. Известно, что жанровым маркером баллады (наряду с категорией *чуждого*, наличием *двоемирия*, события *перехода границы миров, роковой встречи*, ведущей к *катастрофе*) является принцип объективизации повествования. Для создания эффекта *отстраненности* используется повествование от третьего лица (канонические субъектно-объектные отношения нарратор – лирический герой). Еще Г.В.Ф. Гегель писал, что автор-повествователь не должен иметь связи с происходящим ни с точки зрения сюжетной линии, ни с точки зрения рассказа [7, с. 225]. При создании автономного художественного пространства отсутствует прямая авторская оценка событий. Одновременно в конце XVIII – начале XIX вв. формируется типичный для эстетики романтизма образ лирического героя [8]. В рамках жанровой концепции личности герой отстранен от читателя и предельно объективирован. Им всецело управляет ситуация баллады: герой пассивен [9, с. 349]. Однако с течением времени субъектно-объектные отношения между автором и героем трансформируются: отклонения от нормы становятся катализаторами дальнейшей эволюции жанра.

В конце XVIII – начале XIX вв., в период формирования жанра, русские баллады создаются согласно жанровому канону: объективированный автор-повествователь рассказывает о событиях давно минувших дней, *субъектами / объектами* баллады являются *он-герои*, балладный *диалог* «демонстрирует движение сюжета от начала “встречи” к ее катастрофическому завершению» [10, с. 27]. В рамках классической балладной схемы созданы баллады «Неверность» (1781) М.Н. Муравьева; «Алина» (1791–1792) Н.М. Карамзина; «Луч» (1807) Г.Р. Державина; «Услад и Всемила. Старинная русская баллада» (1810) Н.Ф. Грамматина и др. В балладах популярен сюжет *возвращения мертвого жениха*, в котором границу миров переходит *он-персонаж с того света*: «Ты моя! ничто на свете / Нас не может разлучить». / Так Всемилы дней во цвете / Прервалася жизни нить [11, с. 326]. Встреча миров приводит к пороговой, кризисной ситуации: наказанием за измену становится смерть. В финале «всезнающий» автор обращается к обобщенному адресату – читателю баллады: *Ах, красавицы, учитесь / Клятвы данные хранить, / <...> Есть творец, готовый мстить!* [11, с. 326].

Уже в первых балладных опытах имеют место отступления от канона. Так, в произведениях И.И. Дмитриева «Карикатура» (1803–1805) и «Старинная любовь. Баллада» (1805) эксплицируется позиция *я-нарратора*: *Я вижу чисто поле; / Вдали ж передо мной / Чернеет колокольня* [12, с. 275]. При *я-повествовании* уменьшается дистанцирование от события, рассказчик становится его свидетелем / участником. Еще одним шагом к лиризации жанра становится слияние образа автора-повествователя и субъекта баллады – введение нарратива от первого лица. Такова субъектная структура баллад Н.А. Львова «Ночь в чухонской избе на пустыре» (1797) и Г.П. Каменева «Сон» (1803): *В длинной одежде, бледен, печален, / <...> Сон опускает черную ризу / Мне на глаза <...> / Вижу: выходит медленным шагом / Страшный мертвец из нее* [11, с. 611–612]. Нахождение героев в состоянии измененного сознания (сон, видения и т.д.) станет характерным для этапов балладной эволюции.

В начале XIX в. жанр баллады осмысливается русскими романтиками в рамках новой эстетической системы. Формируется особая жанровая структура, внутренне завершенная, цельная и подвижная [13, с. 88]. В период «золотого века» баллады большинства произведений написаны в рамках жанрового канона (отстраненный автор-повествователь – *он-герои*): И.А. Жуковский «Людмила» (1808); П.А. Катенин «Ольга» (1816, 1831); А.С. Пушкин «Русалка» (1819); И.И. Козлов «Сон невесты» (1824); Ф.Н. Глинка «Погоня» (1937); М.Ю. Лермонтов «Тамара» (1841) и др. Как правило, в романтической балладе представители мира *иных* олицетворяют эстетическую категорию *ужасного*: встреча с ними завершается смертью. Реже погибает, как в «Морской царевне» (1841) М. Лермонтова, мистический персонаж: *Бледные руки хватают песок; / Шепчут уста непонятный упрек... / Едет царевич задумчиво прочь. / Будет он помнить про царскую дочь* [14, с. 357]! Новаторство поэта заключается в попытке приоткрыть границы между потусторонним и земным мирами, вследствие чего *прекрасное* и *безобразное* оказываются двумя гранями единой сущности.

Процессы деканонизации, начало которым было положено в предромантический период И.И. Дмитриевым, Н.А. Львовым и др., продолжают в отдельных балладах эпохи романтизма. Так, несмотря на нарратив от третьего лица прием перенесения *события* в сферу бессознательного – состояние сна в балладе В.А. Жуковского «Светлана» (1812) – позволяет передать субъективное авторское отношение более явно: *Улыбнись, моя краса, <...> / О! Не знай сих страшных снов / Ты, моя Светлана!* [15, с. 24–25]. Однако при экспрессивной оценочности высказывания нарратор остается дистанцированным от героя. Другим примером жанрового обновления служит баллада «Наташа» (1815) П.А. Катенина: модификации заключаются в двойничестве образа нарратора. В балладе сосуществуют два сознания: собственно автора и стилизованное «народное» сознание устного повествователя [16, с. 35]. Именование героини Наташей (не Натальей) указывает на эмоциональную близость: так нарушается балладный принцип объективизации.

Введение в повествование образа я-рассказчика становится значимой ступенью на пути к лиризации жанра. В качестве примера С.Н. Бройтман приводит балладу «Бесы» (1830) Пушкина, где лирическое «я» «становится героем баллады, <...> изнутри проживающим его сюжет» [17, с. 332]. Однако за десять лет до написания «Бесов» поэт создает «Черную шаль» (1820), жанровая идентификация которой (подобно балладе «Бесы») вызывает дискуссии. Одни исследователи на основании авторской ремарки «Молдавская песня» определяют жанр стихотворения как песню / романс [18, с. 217–224]. Другие вслед за Б.В. Томашевским выделяют фактические, тематические, ритмические параллели с балладами Жуковского «Мщение» (1816) и «Алина и Альсим» (1814), на основании чего делается вывод о том, что «Черная шаль» создана в молдавском стиле в традициях баллад Жуковского [19, с. 299]. На наш взгляд, новаторство Пушкина как предвосхищает жанровые конвергенции баллады рубежа XXI–XX вв. (диффузия баллады с песней, романсом), так и определяет дальнейшие процессы лиризации жанра (трансформация субъектной сферы). В произведении использован прием синтеза образа рассказчика и ролевого героя: я-нарратор, одновременно являясь субъектом баллады, исповедуется в совершенном убийстве. *Не взвидел я света; булат загремел... / Прервать поцелуя злодей не успел. / <...> Я помню моления... текущую кровь... / Погибла гречанка, погибла любовь!* [20, с. 121]. Так ролевой персонаж из объекта изображения превращается в субъекта балладного действия: при соединении голосов героя / нарратора между ними устанавливаются субъектно-субъектные отношения. Фигура автора имплицитно, что находит отражение как в стилизации (восточные мотивы), так и в иронизации – скрытой полемике со «страшными» балладами Жуковского: данные приемы получают развитие в балладах Серебряного века.

Ступенью к диалогизации жанра можно назвать балладу К.К. Павловой «Дочь жида» (1840). Как и в предыдущем случае, автор-повествователь становится непосредственным участником события (нарушается принцип отстраненности). Балладное действие разворачивается в форме диалога: *Что, главу склоня так низко, / В зале мраморной одна, / Что сидишь ты, одалиска, / Неподвижна и бледна? <...> / «Нет, не песней, нет, не сказкой / Встречу здесь владыку я, <...> / И, склонясь с улыбкой нежной / К повелителю лицом, / Жар груди его мятежной / Усмирю моим ножом»* [21, с. 82–83]. Балладная встреча происходит в грамматическом будущем времени: подобно ситуации «пограничного» состояния сна в «Светлане» Жуковского событие мести за казни, *И врагов последний крик* [21, с. 82] (смерть матери и отца) происходит в сознании героини.

Таким образом, в балладах эпохи предромантизма и романтизма субъектная организация за редким исключением соответствует норме: повествование ведется *от третьего лица*. Изменение дистанции между автором и героем становится жанрообразующим маркером, оказывающим дальнейшее влияние на балладную эволюцию. Каноническая баллада антропоцентрична – ее героем является необыкновенная личность, бросающая вызов силам Тьмы. Произведения с эксплицитным автором-повествователем, свидетелем (участником) событий, двойничество образа нарратора, лирическое «я» / *ролевой герой* (синтез черт автора и героя), имплицитный автор (диалогизация как принцип нарратива) найдут продолжение в многообразии субъектной структуры баллад неканонического периода.

Баллада Серебряного века является продуктом эпохи русского Ренессанса. Известно, что поиск новых путей эстетического освоения действительности способствует обновлению жанровой системы: деканонизация и жанровые конвергенции рубежа веков (синтез баллады с элегией, посланием, песней [22] и т.д.) обусловлены разрушением привычной картины мира, отрицанием Божественного / поисками Бога в Природе, Космосе и Человеке. По словам У.Ю. Веринной, «к рубежу XIX–XX вв. <...> жанром (баллады – Т.Ч.) был накоплен богатый потенциал, дающий автору большую свободу» [23, с. 76], что нашло отражение в субъектной сфере. Продолжается создание баллад с объективированным он-нарратором (В. Хлебников «Мария Вечора» (1909–1912); И. Северянин «Баллада» (1909); М. Цветаева «Самоубийство» (1910) и др.). Несмотря на дистанцирование (далекие времена / страны) и тематическое разнообразие, балладу рубежа веков отличают приемы стилизации, иронизации и пародирования, смысловая полисемия и интертекстуальные связи. Так, «Шут» (1911) А. Белого ритмически и семантически соотносится с «Тростником», а в «Статуе» (1887) К. Случевского наблюдаются параллели с «Русалкой» Лермонтова; в «Прорицании» (1912) В. Брюсова очевидна связь с «Песнью о вещем Олеге». Однако финал двух баллад различается: *Взнеслась тяжелая клюка / И рухнула над горделивым. / И Князь с коня упал ничком, / Во прах, с рассеченным челом, <...> / Не может лгать язык волхва: / <...> Чтоб стало правдой прорицанье, / Я сам свершил предначертанье!* [24, с. 377]. Так волхв Брюсова становится субъектом, актором балладного действия. Известно, что «в поэтике художественной модальности <...> субъектная ситуация приняла форму автор – герой – читатель» [17, с. 252–253]: приемы стилизации, как и открытый финал, являются способами вовлечения читателя в процесс художественной рефлексии. События настоящего времени нередко приобретают трагическую окраску. В балладе И. Бунина «Канун» (1916) описана катастрофическая картина гибели дома, который предстает как символ России: *Хозяин умер, дом забит, / Цветет на стеклах купорос, / Сарай крапивою зарос, <...> / И по хлевам чадит навоз* [25, с. 334]. Образ шалого пса дополняет апокалиптическую картину: *А он летит – хрипят бока, / И пена льется с языка* [25, с. 334]. Значимое отсутствие субъекта

в балладе (как будто в мире нет людей [25, с. 334]) – признак безвременья *окаянных дней*. Разрушение миропорядка является следствием тотального безверия, вседозволенности, результат которых – богооставленность: *Но бога нет – кому карать?* [25, с. 334].

Процессы лиризации оказывают влияние на уменьшение дистанции в триаде *автор – герой – читатель*. Размывание граней между авторским словом и словом балладного героя приводит к обновлению формы: *он*-субъект уступает место доверительному *я*, при котором фигура автора уходит на второй план. В некоторых балладах с *я*-субъектом, приближенным к лирическому “я”, начинается процесс аперсонализации, который продолжится в XX в. В балладах используется прием лирической маски («Незнакомка» (1906) А. Блока; «Старая усадьба» (1910) И. Анненского; «Баллада» (1921) В. Ходасевича и др.). В ряде произведений образ героя соединяется с образом биографического автора, в чем проявляется модернистский принцип жизнетворчества (А. Ганин «Русалка» (1917); Н. Гумилев «Заблудившийся трамвай» (1919); А. Ахматова «Новогодняя баллада» (1922) и др.). Иногда пророчества оказываются страшной правдой (например, предвидение собственной гибели в «Заблудившемся трамвае»: *В красной рубашке, с лицом, как вымя, / Голову срезал палач и мне, / Она лежала вместе с другими / Здесь, в ящике скользком, на самом дне* [26, с. 82]). Прием ролевой *я*-маски («ролевой персонаж замкнут в границах сюжетной и жанровой схемы» [22]) используется в «Балладе» (1903) З. Гиппиус; в балладах Ф. Сологуба «Нюрнбергский палач» (1907), И. Бунина «Война» (1915), М. Волошина «Стенькин суд» (1917) и пр. Ролевой *я*-субъект характеризуется неоднозначностью (градация от лирического героя до представителя реального мира / мифологического персонажа, приносящего миру разрушение: *Стенька Разин, прокаженный, русалка* и др.). Процессы размывания субъектных границ ведут к изменению семантики двух миров – локализацией сил Зла нередко становится мир земной, тогда как Добро обитает *по ту* сторону. Амбивалентная природа бытия, Космоса и Человека открывает новые грани в образе героя: мистический персонаж (ранее отрицательный) может быть и на стороне Тьмы, и стать воином Света.

Драматизация жанра ведет к созданию баллад, в которых присутствие автора-нарратора элиминируется, на первый план выступает субъект (*лирическое “я” / лирический / ролевой герой*), в то время как позиция автора выражается голосом одного / нескольких персонажей. С использованием диалогических форм *я-ты* написаны баллады «Орфей и Эвридика» (1906), «Дедал и Икар» (1909) В. Брюсова, «Милая» (1907) И. Анненского и др. Появляются баллады с формами *я-вы*: Н. Гумилев «Баллада» (1910); И. Северянин «Баллада XIV» (1917); субъектной организацией *мы-вы* характеризуются стихотворение К. Бальмонта «Русалки» (1907). К произведениям с усложненной структурой (полисубъектность) относятся баллады «Камень» (1908) Н. Гумилева, «Стенька Разин» (1917) М. Цветаевой, «Казнь» (1915) И. Бунина и пр. Так, в балладе В. Брюсова «Каменщик» (1901) двуединый *я*-автор / лирический герой слышит пророческие слова от лица обобщенного *мы*-субъекта (параллель с организацией масонов – вольных каменщиков). – *Каменщик, каменщик в фартуке белом, / Что ты там строишь? кому? / – Эй, не мешай нам, мы заняты делом, / Строим мы, строим тюрьму. <...> / – Каменщик, каменщик, долгие ночи / Кто ж проведет в ней без сна? / – Может быть, сын мой, такой же рабочий. / Тем наша доля полна* [27, с. 329].

Таким образом, в балладах Серебряного века проблематизация границ Добра и Зла оказывает влияние на субъектную структуру произведений (отстраненное повествование, монолог-обращение, диалог, субъектный синкретизм). Уменьшается дистанция в триединстве *автор – герой – читатель*: читатель вовлекается в процесс поиска «скрытых смыслов». В лирических и диалогических балладах позиция автора передается лирическому герою или выявляется из контекста. Вследствие мировоззренческих коллизий расширяется идейно-тематическая направленность стихотворений: наряду с каноническими «страшными», ироническими балладами появляются баллады-пророчества («Канун», «Новогодняя баллада» и др.), в которых необыкновенная личность / поэт-демиург наделяется даром предвидения, изменения мира Словом.

В балладе советской эпохи утвердившийся в 30-е гг. принцип нормативной эстетики соцреализма приводит к отрицанию / утрате смыслового стержня баллады – категории чудесного, мистического. Перенесение событий в реальность (появление единомирия [23, с. 77]) ведет к модификации содержания: происходит постепенный переход баллады в лирическое фабульное стихотворение [28]. Однако вследствие исторической травмы Великой Отечественной войны новые мировоззренческие коллизии ведут к возвращению веры (в победу света, добра, в Бога). Результатом становится реабилитация условности, принципа двоимирия, что позволяет «говорить о возрождении жанра баллады и его трансформации» [29, с. 17]. Вторым этапом жанрового подъема становятся 60-е гг. – появляются произведения поэтов, чье творчество порождено эстетикой периода оттепели. В субъектной сфере происходит расширение возможностей неканонической баллады. Создаются классические баллады с *он*-нарратором (иногда обрамленные обращением к читателю): В. Маяковский «Баллада о доблестном Эмиле» (1922); М. Цветаева «Робин Гуд спасает трех стрелков» (1939–1941); Д. Кедрин «Зодчие» (1938); И. Уткин «Баллада о Заслонове и его адъютанте» (1943); Л. Мартынов «Баллада о Достоевском» (1970); Д. Самойлов «Смерть императора Максимилиана» (1975–1976) и др. Наряду с историческими, мифологическими персонажами (Робин Гуд, Достоевский)

субъектами баллад становятся современники (герои войны, социал-оппортунист Эмиль Вандервельде и др.). Происходит процесс социализации баллады: в сюжетах отражаются общественно значимые события современности, в балладах-аллегориях, мифологических балладах давние события вызывают ассоциации с настоящим (Ю. Кузнецов «Атомная сказка» (1968), В. Высоцкий «Песнь о вешем Олеге» (1967). Нередко автор-повествователь выражает свои мысли голосом героя или непосредственно обращается к читателю, приглашая его включиться в интеллектуальную игру поиска скрытых смыслов: *Но правду о младшем брате / Вам еще рано знать* [30, с. 142].

Параллельно продолжается написание баллад, в которых образ автора-повествователя близок к позиции субъекта (коммуникация по типу *я-ты (Вы), я (мы)-он(и)*): А. Кочетков «Баллада о прокурорном вагоне» (1932); О. Берггольц «Измена» (1946); Г. Шенгели «Сон» (1955); А. Межиров «Баллада о цирке» (1960); В. Высоцкий «Певец у микрофона» (1971) и т.д. Жанр баллады позволяет коснуться нравственных проблем советского общества: увидеть трагедию «лишних» людей из дореволюционного мира (Э. Багрицкий «Баллада о нежной даме» (1919), А. Штейгер «Баллада о гимназисте» (1934); вспомнить о «неудобных» современниках (поэтах, художниках, артистах) или об инвалидах-героях войны, забытых государством (А. Вознесенский «Баллада 41-го года» (1960), Б. Слуцкий «Баллада о трех нищих» (1939–1956): *Безрукий нищий молчалив – / В зубах зажата шапка. / <...> Мол, кто кладет, клади сюда! / И шапкой вертит ловко. / А мы без всякого труда / Суем туда рублевки* [31, с. 154]. Создаются баллады, написанные от имени *я*-персонажа, ролевой маски: И. Бродский «Баллада о маленьком буксире» (1962); М. Анчаров «Баллада о танке “Т-34”, который стоит в чужом городе на высоком красивом постаменте» (1965); В. Высоцкий «Песня самолёта-истребителя» (1968). Нередко используется прием персонификации: механический объект, «железный конь» железного века (танк, самолет, корабль), превращается в балладный субъект. Так, грозный танк гибнет из-за того, что не может перейти нравственную черту: *Но я на куклу / Не смог наступить / И потом убит. / И занял я тихий / Свой престол / В весеннем шелесте трав, / Я застыл над городом, / Как Христос, / Смертию смерть поправ* [32].

В XX в. увеличивается количество баллад с обобщенным субъектом, нередко безымянным (используются мифологические архетипы *семья, род человека – отец, мать, брат*): Р. Рождественский «Баллада о маленьком человеке» (1969); Ю. Кузнецов; «Баллада об ушедшем» (1973); А. Дементьев «Баллада о матери» (1974). Герой баллад является частью русского народа и выступает его персонификацией (О. Берггольц «Баллада о младшем брате» (1941): *Везде, где вас, врагов, громят, / мой старший брат – везде. / Да, у него огромный рост, / рука его сильна. / Он достаёт рукой до звезд / и до морского дна* [33, с. 212]). Продолжается создание баллад, отмеченных субъектным синкретизмом: И. Голенищев-Кутузов «Баллада о доме» (1941); И. Сельвинский «Баллада о Лааре» (1943); А. Вознесенский «Неизвестный – реквием в двух шагах, с эпилогом» (1964) и др.

Так, в балладе советского периода «вопреки» принципу соцреализма, отрицающему существование Иного, продолжается эволюция жанра: развиваются различные формы субъектной организации (усложненная обращениями *он*-форма и лирическое балладное “я”; ролевые баллады и тексты с обобщенным субъектом; полисубъектные произведения). Новаторством XX в. является социализация баллады: наряду с прецедентными личностями субъектом баллады XX в. становится «маленький человек» – часть народа или определенной социальной / родовой группы (*солдат, мать, сын* и др.). Возможно, обезличиванием индивидуальности (человек – «винтик» системы, «семья – ячейка общества») вызван процесс наделяния субъектностью механического средства передвижения, условного «железного коня», ранее являвшегося балладным объектом (*конь* – хтоническое животное, спаситель героя / проводник в иной мир).

После распада СССР жанр баллады вновь занимает важное место в литературе, становясь «социальной поэзией» [4, с. 14], что обусловлено объективными причинами: ощущением незащищенности перед последствиями ментальных, геополитических сдвигов, утратой идеалов, боязнью экологических и техногенных катастроф. Роковое мистическое начало, балладная борьба добра и зла соответствуют мировосприятию людей, находящихся под влиянием ежедневной, большей частью негативной, информационной повестки медиасферы (появление новых неизлечимых заболеваний, проблемы экономики, участвовавшие акты терроризма и пр.). Еще одной причиной эволюции субъектной сферы в XX в. становится атомизация общества – глобальный процесс, вызванный урбанизацией. Если в СССР процессы атомизации останавливала государственная установка на традиции коллективного сознания (в том числе через социальные мифы), то в постсоветском обществе процесс разрушения коллективного «мы» был усилен ростом городов. Трагизм сознания нового “я”, сохранившего генетическую память о былом единстве народа (в большинстве своем существующем на уровне социального, пропагандистского мифа), выражается в полифонизме субъектной сферы современной баллады. Так жанр баллады с его многомерным восприятием действительности становится художественной рефлексией современных фобий.

В субъектной организации постсоветской баллады встречается нормативный *он*-нарратив: Ю. Кузнецов «Бледная русалка» (1997); М. Степанова «Жена» (2001), О. Юрьев «Drei Koenige, баллада» (1999–2000); Ф. Сваровский «Один на луне» (2007) и др. Продолжается аперсонализация – безымянный субъект

является «маленьким человеком», беспомощным перед «ужасами» современности. Как и в балладах XX в., множество персонажей относятся к архетипу «семья, род человека»: *муж – жена, жених – невеста, мать – сын* и пр., но семантика принадлежности к целому изменяется. Субъект является собирательным образом: он – один из нас, одинокий человек из «толпы», затерянный в безвременье нового мира (переживание коллективного бессознательного). Утрата духовности, погоня за материальным ведет к гибели, а элиминация границ способствует свободному взаимодействию двух миров: *Однажды за горбушку хлеба / Он пал от раны ножевой. / Его душа кричала с неба: / – Эй, на земле! Кто там живой?* [34, с. 324]. Единственным реальным, «живым» оказывается представитель *того* света: *И бледной девы образ странный / Склонялся с трепетом над ним* [34, с. 325]. Раздвоенность сознания персонажей может быть обусловлена предательством близкого человека / государства: утрата связующих нитей с реальностью влечет за собой смерть духовную – физическую: *С тех-то пор, как в испорченный видик, / Он чудные картинки глядел / И не знал, он Сергей или Вадик / И куда, и зачем угодил* [35]. В балладах нивелируется временная дистанция: «страшные» события происходят рядом (в «Летчике» (2001) М. Степановой повествуется о трагических последствиях войны в Афганистане, «Баллада о Сашке Билом» (2014) О. Николаевой – рефлексия по поводу событий в Украине). Применяется и обратный прием – перенесение событий в Иную реальность (у Ф. Сваровского происходит «расчеловечивание» людей / «очеловечивание» роботов, существующих в вакууме Космоса и испытывающих тотальное чувство страха, ощущение потери собственного «я», духовную пустоту).

Продолжается традиция создания баллад, написанных от первого лица: О. Хлебников «Баллада о своем» (1995); Д. Быков «Баллада об Индире Ганди» (1996); Б. Рыжий «Баллада» (1997) и др. Так, я-героине С. Юлиной из баллады «Старое имение» (2016) в состоянии измененного сознания являются призраки убитых, молитва за которых дарит им долгожданный покой: *Окружили меня люди странные: / Искажённые болью черты, / Раны стреляные, раны рваные, / Да немые беззубые рты. / <...> А наутро в оборванной фразе / Слово брошенной мне невзначай. / Васильковский букет в старой вазе. / Да на зеркале кровью: – Прощай!* [36]. Популярны баллады, написанные от лица ролевого я-субъекта: М. Степанова «Беглец» (2001); Д. Быков «Одиннадцатая баллада» (2004); Ф. Сваровский «В страшном кратере» (2007) и др. При характеристике субъекта авторы современной баллады отмечают его инфантилизм, внутреннюю диалогичность как проявление децентрированности сознания и утраты нравственных ориентиров, принципиальную пограничность я-персонажа, его нахождение на границе двух миров [37]. В стихотворении «Собака» особенности децентрации сознания героя (последствие детской травмы) буквализуются в «сменах» субъектного плана: *я; аз и собака; мальчишка, потом оказавшийся мной; мы;* затем снова я. Возвращение к себе происходит в *по-ту-сторонней* реальности (в «пограничном» состоянии): *И тогда, сдалека и далеко видна, / <...> Из древесных теней показалась она, / На нетвердых шатающейся лапах. / И обнявшись, вдвоем, как двухглавый орел – / <...> Все ушли и проститься не дали – / Между тенью палатки и тенью костра, / <...> Над собою вдвоем зарыдали* [34]. В измененной реальности восстанавливается утраченная духовная связь между миром *живых* и *ушедших* – с кем *проститься не дали* [34].

Создаются баллады-обращения с формами *я-ты, я-Вы*: Ю. Кузнецов «Ловля русалки» (1992); Б. Рыжий «Если в прошлое, лучше трамваем» (1997); Б. Рейн «21 декабря» (1998) и др. В балладе Степановой «Сын», увидев мертвым своего ребенка: *В скорбях единственное утешенье. Точь-в-точь какой придумала, просила <...>* [34], – героиня теряет разум. Вынужденная оправдываться всю жизнь за рождение ребенка вне брака, мать-одиночка постоянно твердила сыну, что он куплен в универсаме. В «пограничном» состоянии она пытается спастись от безумия, «зацепиться» за последнюю связующую нить: *Не помню, где – нашла его коробку, Квитанцию, техпаспорт, телефон, Не помню, как звонила в магазин* [34]. И слышит «оттуда» равнодушный «ответ»: *Похоже, списанный достался образец!* [34]. Усложненная структура баллад (*я- / он-нарратор, свидетель, участник события*) позволяет сменить фокализацию: А. Кушнер «Долго руку держала в руке...» (2005); М. Степанова «Муж» (2001) и др. В балладах с субъектной полифонией (М. Степанова «Невеста» (2001), «Рыба» (2003); Ф. Сваровский «Котлеты и помидорный салат» (2007) и др.) наблюдается синтез «хора» голосов. Персонажи *из этого* мира и *голос поэта*, который является одним из «хора» голосов в соединении с *голосами Иных* создают особый эффект комических несоответствий, нередко обретающий трагическую окраску. Добровольное затворничество в своей «капсуле» (микромире), неумение / нежелание слышать голоса других часто приводят к гибели (микрокосма – человека, макрокосма – семьи / Вселенной). Гармонию обретают героини, способные понять и принять иные формы бытия. В балладе М. Степановой «Гостья» (2003) возвращается умершая жена, и я-герой (муж) впускает ее домой: *И открываю, и за дверью утро* [38]. Открытая *по-ту-стороннему* дверь знаменует воссоединение двух миров – чудо воскресения: *Весь двор в огнях, как будто все вернулись* [38]. Для восприятия Иного – воскресения мертвых в мире живых – человек должен отключить внутренние ограничения, победить личные страхи, отворить дверь подсознания. Связь времен, память о прошлом необходима миру как рефлексия над ошибками настоящего, ментальная защита от будущих трагедий.

Так, в постсоветской балладе отмечается преемственность с неканонической балладой XX в.: разнообразные формы субъектной организации, аперсонализация (объективированный субъект – маленький

человек, потерявшийся в «страшных» реалиях современности). Голос автора не только повествует о событиях, но и может принадлежать лирическому герою, а также стать в один ряд с голосами *тут*- и *там*-света, звучащими в полисубъектной структуре произведения. Особенности субъектной сферы обусловлены двоемирием постсоветской баллады, которое содержательно отличается от двоемирия предыдущих периодов. При отсутствии границ в процессе синтеза миров устанавливается многофокусный взгляд на окружающую действительность (Иное существует рядом), чем подчеркивается трагический дуализм сознания / подсознания персонажей.

Заключение. Рассмотрение изменений субъектной сферы в жанре баллады XVIII–XXI вв. позволяет сделать следующие выводы. Трансформации субъектной организации являются маркером жанровой эволюции баллады. В субъектно-объектной структуре большинства предромантических / романтических баллад отмечается наличие отстраненного автора-нарратора и он-героя, однако появляется ряд баллад, отклоняющихся от нормы, что свидетельствует о субъективизации повествования. Объектом баллад является герой, вступающий в трагический конфликт с силами Зла. Принцип антропоцентризма находит отражение в именовании персонажей, в заглавном комплексе баллад («Алина», «Ольга» и др.). «Ненормативные» баллады с автором-нарратором, свидетелем событий, а также двойничество, синергия лирического «я» / ролевого героя, субъективизация, импликация автора – эти отступления от канона становятся катализаторами жанровых трансформаций баллады конца XIX – начала XXI вв.

Процессы деперсонализации начинаются в балладе Серебряного века: к изменениям субъектной сферы ведут процессы диалогизации и лиризации. Разнообразие форм выражения субъектных отношений приводит к расширению семантики: наряду с балладами, герои которых – мифологические, исторические личности (увеличение количества прецедентных имен), героями / заглавиями становятся имена известных современников. Размытие границ приводит к дихотомии сил Добра и Зла. Появляется новый субъект – поэт-демиург, провидец будущего.

В XX в. происходит социализация жанра: в соответствии с требованиями нормативной эстетики соцреализма развивается аперсонализация – «коллективный» субъект представляет собой часть народа. Субъектами баллад-аллегорий, мифологических баллад становятся литературные и исторические персонажи, образы-архетипы, роль которых часто переосмысливается. Впервые субъектностью наделяется «бездушная» машина (танк, корабль и пр.), что найдет продолжение в балладе XXI в. (работы Ф. Сваровского).

Анонимность объективированного героя постсоветской баллады выражает посттравматичную амбивалентность сознания (субъект – один из нас). Разнообразные формы субъектной организации, различные способы выражения авторской позиции, возможности полисемичного восприятия текста обусловлены элиминацией границ и значимыми изменениями двоемирия баллады конца XX – начала XXI в. Сменой фокализации, калейдоскопичностью и диффузией миров подчеркивается внутренняя противоречивость, трагическая раздвоенность сознания / подсознания героев. Путь «возвращения себя» – в преодолении фобий современности, в снятии запретов подсознания, что ведет к гармоничной преемственности мира живых и мертвых, становится духовной защитой человека / общества и от будущих катастроф.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зырянов, О.В. Прологомены в феноменологическую теорию жанра / О.В. Зырянов // Жанрологический сборник / ЕГУ имени И.А. Бунина. – Елец, 2004. – Вып. 1. – С. 12–16.
2. Тюпа, В.И. Дискурс / Жанр / В.И. Тюпа. – М.: Intrada. – 2013. – 211 с.
3. Кукулин, И.В. От Сваровского к Жуковскому и обратно: О том, как метод исследования конструирует литературный канон [Электронный ресурс] / И.В. Кукулин // Новое лит. обозрение. – 2008. – № 1. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/1/ot-svarovskogo-k-zhukovskomu-i-obratno-o-tom-kak-metod-issledovaniya-konstruiuet-literaturnyj-kanon.html>. – Дата доступа: 09.03.2021 г.
4. Барковская, Н.В. Жанр баллады в современной русской поэзии / Н.В. Барковская // Scripta manent: науч. журн. ассоциац. открыт. дипломатии. – Тбилиси. – 2011. – № 3 (11). – С. 13–21.
5. Корман, Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы / Б.О. Корман; предисл. и составл. В.И. Чулкова. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та. – 1992. – 236 с.
6. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамиленко. – М.: Академия, 2004. – Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – 512 с.
7. Гегель, Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. / Г.В.Ф. Гегель; под ред. А. Деборина и Д. Рязанова; Ин-т К. Маркса и Ф. Энгельса. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. – Т. 14: Лекции по эстетике. Кн. 3 / пер. П.С. Попова. – 1958. – 440 с.
8. Александровская, М.А. Становление жанра баллады в русской поэзии второй половины XVIII века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / М.А. Александровская. – М., 2004. – 159 с.
9. Зырянов, О.В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект / О.В. Зырянов. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. – 2003. – 548 с.

10. Магомедова, Д.М. Баллада / Д.М. Магомедова // Поэтика : Словарь актуальных терминов и понятий ; гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. – М. : Intrada, 2008. – С. 26–27.
11. Поэты 1790–1810-х годов : сборник стихов / Вступ. статья и сост. Ю.М. Лотмана ; подгот. текста М.Г. Альтшуллера ; вступ. заметки, биогр. справки и примеч. М.Г. Альтшуллера и Ю.М. Лотмана. – Л. : Сов. писатель, 1971. – 911 с.
12. Дмитриев, И.И. Полное собрание стихотворений. /И.И. Дмитриев ; сост., вступ. статья и коммент. Г.П. Макогоненко. – Л. : Сов. писатель, 1967, – 501 с.
13. Иезуитова, Р.В. Жуковский и его время / Р.В. Иезуитова // АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; отв. ред. академик Д.С. Лихачев. – Л. : Наука, 1989. – 287 с.
14. Лермонтов, М.Ю. Полное собрание сочинений : в 10 т. / М.Ю. Лермонтов. – М. : Воскресенье, 2000–2002. – Т. 2 : Стихотворения (1832–1941). – 2000. – 404 с.
15. Жуковский, В.А. / Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / В.А. Жуковский ; редкол. : А.С. Янушкевич (гл. ред.) [и др.] / В.А. Жуковский. – М. : Языки славянских культур, 2008. – Т. 3 : Баллады. – 456 с.
16. Ложкова, Т.А. «Не сражаться за Отчизну... в русских людях стыд и грех»: проблема чудесного в балладе П.А. Катенина «Наташа» / Т.А. Ложкова // Филологический класс. – 2012. – 2 (28). – С. 29–37.
17. Бройтман, С.Н. Историческая поэтика / Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман // Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. ; под ред. Н.Д. Тмарченко. – М. : Академия, 2004.– Т. 2. – 368 с.
18. Трубецкой Б.А. Пушкин в Молдавии / Б.А. Трубецкой. – Кишинёв : Карта Молдовеняскэ, 1976. – 348 с.
19. Томашевский, Б.В. Стрфика Пушкина / Б.В. Томашевский // Пушкин. Работы разных лет. – М. : Книга, 1990. – С. 288–483.
20. Пушкин, А.С. Собрание сочинений : в 10 т. / А.С. Пушкин ; под общ. ред. Д.Д. Благого [и др.]. – М. : Гослитиздат, 1959–1962. – Том 1 : Стихотворения 1814–1822 ; примеч. Т. Цявловской. – 1959. – 643 с.
21. Павлова, К.К. Полное собрание стихотворений / К.К. Павлова ; вступ. статья П.П. Громова ; подгот. текстов и примеч. Н.М. Гайденова. – М. – Л. : Сов. писатель, 1964. – 615 с.
22. Боровская, А.А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 [Электронный ресурс] / А.А. Боровская ; Астраханск. гос. ун-т. – Астрахань, 2009. – 46 с. – Режим доступа: <http://dissers.ru/2filologiya/zhanrovie-transformacii-russkoj-poezii-pervoy-treti-hh-veka-specialnost-10-01-01-russkaya-literatura-avtoreferat.php>. – Дата доступа: 15.03.2021 г.
23. Верина, У.Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX – XXI вв. / У.Ю. Верина. – Минск : БГУ, 2017. – 307 с.
24. Брюсов, В.Я. Собрание сочинений : в 7 т. / В.Я. Брюсов ; под общ. ред. П.Г. Антокольского [и др.] ; подгот. текстов и примеч. Н.С. Ашукина и др. – М. : Худож. лит., 1973. – Т. 2 : Стихотворения 1909–1917 ; подгот. текстов и примеч. А.А. Козловского. – 494 с.
25. Бунин, И.А. Собрание сочинений : в 6 т. / И.А. Бунин ; ред. кол. Ю. Бондарев [и др.]. – М. : Худож. лит., 1987. – Т. 1 : Стихотворения, 1888 – 1952. Переводы. – 687 с.
26. Гумилев, Н.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н.С. Гумилев ; ред. кол. Н.Н. Скатов (гл. ред.) [и др.] : РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом.). – М. : Воскресенье, 1998–2008. – Т. 4 : Стихотворения. Поэмы (1918–1921). – 2001. – 394 с.
27. Брюсов, В.Я. Собрание сочинений : в 7 т. / В.Я. Брюсов ; под общ. ред. П.Г. Антокольского [и др.] ; подгот. текстов и примеч. Н.С. Ашукина [и др.]. – М. : Худож. лит., 1973. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. – 670 с.
28. Жигачева, М.В. Эволюция жанра баллады в русской поэзии 60–80-х годов 20 века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 [Электронный ресурс] / М.В. Жигачева ; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1994. – 16 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/evolyutsiya-zhanra-ballady-v-russkoj-poezii-60-80-h-godov-xx-veka>. – Дата доступа: 20.01.2021 г.
29. Поэзия Великой Отечественной войны: эстетика, проблематика, жанрово-стилевые тенденции : учеб.-метод. пособие для студентов-филологов / сост. : докт. филол. наук, проф. О.А. Дашевская. – Томск : ТГУ, 2016. – 136 с.
30. Кузнецов, Ю.П. Золотая гора : Стихотворения и поэмы разных лет / Ю.П. Кузнецов. – М. : Сов. Россия, 1989. – 316 с.
31. Слуцкий, Б.А. Я историю излагаю... Книга стихотворений / Б.А. Слуцкий ; сост. Ю.Л. Болдырев. – М. : Правда, 1990. – 480 с.
32. Анчаров, М.Л. Баллада о танке Т-34, который стоит в чужом городе на высоком красивом постаменте [Электронный ресурс] / М.Л. Анчаров // 45-я параллель. – Режим доступа: https://45ll.net/mikhail_ancharov/stihi/#ballada_o_patrule_gorodka_ninan. – Дата доступа: 19.03.2021 г.
33. Берггольц, О.Ф. Избранные произведения / О.Ф. Берггольц ; сост. М.Ф. Берггольц, А.И. Павловского. – Л. : Сов. писатель, 1983. – 607 с.
34. Кузнецов, Ю.П. До последнего края: Стихотворения и поэмы / Ю.П. Кузнецов ; сост. и предисл. Н. Дмитриева. – М. : Мол. гвардия, 2001. – 463 с.
35. Степанова, М.М. Песни северных южан [Электронный ресурс] / М.М. Степанова. – М. : АРГО-РИСК ; Тверь : Kolonna, 2001. – 56 с. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/stepanova1-1.html#2>. – Дата доступа: 17.02.2021 г.
36. Юлина, С. Старое имение [Электронный ресурс] / С. Юлина // Литературный портал «Изра-читальня». – Режим доступа: <https://www.chitalnya.ru/work/1548935/>. – Дата доступа: 21.03.2021 г.

37. Кукулин, И.В. Актуальный русский поэт как воскресшие Алёнушка и Иванушка. О русской поэзии 90-х годов. [Электронный ресурс] / И.В. Кукулин // Новое Литературное Обозрение. – 2002. – № 53. – Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/dossier/kuklin-aktualnyi-russkiy-poet/>. – Дата доступа: 15.03.2021 г.
38. Степанова, М.М. Счастье [Электронный ресурс] / М.М. Степанова. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 84 с. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/stepanova4-3.html>. – Дата доступа: 17.02.2021 г.

Поступила 07.07.2021

CHANGE IN THE SUBJECT STRUCTURE OF RUSSIAN BALLAD OF 18th – EARLY 21st CENTURIES AS A MARKER OF THE LITERARY GENRE EVOLUTION

T. CHERKES

The article examines transformation in the subject sphere of the Russian ballad in the late 18th – early 21st centuries. A distant author-narrator and he-heroes stand out in the pre-romantic / romantic ballads, and the principle of anthropocentrism is reflected in the nominations. Deviations from the norm (subjectivization, etc.) will continue in the genre transformations of the non-canonical ballad. Genre diffusion, lyricization, etc., influence upon the evolution of the subject sphere in the ballad of the Silver Age. Various forms of expression of subjective relations contribute to the expansion of semantics: along with anonymous characters, the precedent personalities appear on the scene and a demiurge poet is endowed with the gift of changing the world with the Word. In the twentieth century, a socialization of the genre leads to apersonalization (the subject is a part of the people). The ballad heroes are represented by literary characters - images-archetypes – with a change of semantics. For the first time a machine is endowed with subjectivity. The anonymity of the he-hero of the post-Soviet ballad expresses the post-traumatic duality of consciousness (one of us). Various forms of subjective organization are due to the opening of borders, changes in the dual world. A change in focalization and a synthesis of worlds emphasize the duality of consciousness / subconsciousness of the heroes. Overcoming the phobias - in the removal of internal restrictions: in the interaction of the world of the living / dead, in the memory of the past one sees the protection from future catastrophes.

Keywords: evolution of the literary genre, subjective organization, Russian ballad of the late 18th – early 19th centuries, ballad of the Silver Age, ballad of the Soviet and post-Soviet periods.

УДК 821. 162.1(092)

**КОНЦЕПЦИЯ ГЕРОЯ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ А.Т. АВЕРЧЕНКО
«ЗАПИСКИ ПРОСТОДУШНОГО»**

канд. филол. наук, доц. Л.М. ШУМСКАЯ
(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)
akay2012@yandex.ru

Рассмотрены особенности воплощения художественного мышления А.Т. Аверченко в сборнике рассказов «Записки Простодушного». Это нашло выражение в создании нового типа трагического героя – «маленького человека», утратившего родину, но остро ощущающего потерю стабильности жизни и стремящегося обрести себя в новых условиях бытия. Обоснована авторская концепция героя, согласно которой новые культурные ориентиры невозможны без стремления преодолеть разрыв наследственных культурных связей между поколениями, восстановить духовно-нравственные идеалы дореволюционной эпохи, распознать разрушающее воздействие инокультурной среды. Установлено, что в идейной и художественной эволюции героя, превратившегося из наивного глупца в жестокого мудреца и циника, проявляется мировоззрение самого автора. Обосновано представление писателем нового типа трагедии одиночества человека – выходца из «иной среды», иной культуры, одинокого среди людей, которые его не понимают и которых не понимает он. Обоснована самобытность трактовки гротескно-трагического героя Аверченко, который находит новые способы формирования комического эффекта на уровне содержания и формы произведения. Установлены константы характера «маленького человека» (тоска и воля, «свое» и «чужое»), стремящегося сохранить собственную духовность, способную противостоять потрясениям эпохи ради личной свободы.

Ключевые слова: лирическая сатира, концепция героя, художественное сознание, революция, маленький человек, духовность, свобода, гротеск.

Введение. Во все времена, когда происходят глубокие и радикальные изменения в сферах культурной жизни, когда идут напряженные поиски и осмысление новых мировоззренческих ориентиров, особую роль обретает стремление личности найти себя в новых условиях бытия. В культуре первой трети XX в. эта проблема становится особо важной, поскольку она связана с осознанием разрыва традиций, наследственных культурных связей между поколениями и осмыслением потери стабильности существования. Доминирование в сознании эпохи субъективного, личностного фактора, вызванного революцией, утратой родины и эмиграцией, приводит к решительным и осознанным попыткам определить степень свободы личности и ее зависимости от социальной среды, к стремлению сохранить эстетические идеалы и принципы, источником которых является Россия в дореволюционную эпоху.

В этих условиях философско-эстетическое сознание писателей характеризуется глубокой трансформацией их образного мышления, ведущей к созданию антропоцентрической художественной и исследовательской парадигм [1; 2]. Одной из составляющих подобной парадигмы становится «лирическая сатира», позволяющая трактовать «человека смеющегося» по наличию в его характере обыденных черт, а смех становится экзистенциальной характеристикой личности [3; 4].

В русской литературе первой трети XX в. наиболее своеобразное воплощение этих проблем можно проследить в сборнике рассказов А.Т. Аверченко «Записки Простодушного». В нем в новом художественном ракурсе представлен герой, деформированный средой, реальными событиями повседневной жизни, и одновременно стремящийся преодолеть абсурдность, искаженность обыденной жизни, которая встретила его в эмиграции. Подобный сатирический эффект достигается за счет сюжетобразующих особенностей произведения, в котором переплетаются реальное с фантастическим, страшное со смешным, возвышенное с низким. Заслугой Аверченко является то, что он одновременно подмечает и фиксирует в своем герое активность, быстроту, открытость мышления, направленность к достижению большей целесообразности, готовность к новым знаниям, впечатлениям, неожиданным поворотам событий, умение охватить ситуацию во всех подробностях и деталях для возможного эффективного управления ею. Все это помогает ему пережить убогие условия эмиграции, найти себя в инокультурной среде, в катастрофических условиях бытия, вдали от исторической родины.

Основная часть. Социокультурная ситуация первой трети XX в. оказывает существенное влияние на сатиру А.Т. Аверченко эмигрантского периода. В центре внимания писателя оказывается личность в ее сложных взаимоотношениях с обществом, главными для него становятся вопросы свободы и выбора в эпоху исторических катаклизмов. В сатирических произведениях писателя (прежде всего в сборнике рассказов «Записки Простодушного») доминируют не факты, а сознание героя, ставшего свидетелем распада привычных связей, утраты духовно-нравственных идеалов человека дореволюционной России.

Принципы художественного мышления Аверченко, определившие концепцию героя «Записок Простодушного», стали центром внимания современных исследователей. К изучению этой проблемы обращается А.Г. Погребняк, рассматривающий поэтику сатиры Аверченко в контексте противопоставления «наивный человек» – «массовый человек». Выявление вклада Аверченко в развитие образа «маленького человека» изучает Н.П. Непорада. Некоторые исследователи рассматривают особенности комического героя в творчестве Аверченко, в их трудах система персонажей писателя представлена в русле сравнительного анализа. Внимание Е.Н. Брызгаловой и Н.П. Непорады сосредоточено на творчестве Саши Черного, Н.А. Тэффи и А.Т. Аверченко. А.Г. Погребняк сравнивает сатиру Саши Черного и Аверченко. К анализу типов и форм рецепции образа Константинополя-Стамбула в творчестве русских писателей первой трети XX в. обращается К.С. Романова. Исследованию индивидуально-авторского восприятия героя в малой прозе Аверченко посвящена лишь одна статья – статья Н.Ю. Желтовой, обратившейся к анализу поэтики русского национального характера. Поэтому представляется научно значимым более глубокое исследование особенностей концепции героя в сатирической прозе Аверченко эмигрантского периода, оригинально воплощенной в сборнике рассказов «Записки Простодушного».

Художественное сознание писателя, отразившееся в произведениях эмигрантского периода, передает С. Горный: «Раньше был пересмешником и пародистом <...> Потом <...> сквозь смех явилась <...> тихость, пристальная дума <...> Ударили штыком. Глубоко заглядывая в глаза, наклонилась смерть» [5, с. 98].

В центре повествования «Записок Простодушного» проблема назначения человека, решение которой герой-рассказчик видит в сохранении духовности и исторических корней, передающихся из поколения в поколение и позволяющих противостоять воздействию турецкой культуры и бездуховной среды русских эмигрантов. Отказ от эмиграции в Париж он аргументирует боязнью «оторваться от родной территории <...>, потерять связь с родным языком» [6, с. 314]. Такое понимание писателем наследственных культурных связей перекликается с мнением Э. Фромма, считающего это состояние экзистенциальной потребностью человека, без которой невозможно развитие индивида и общества, впитавшего в себя историю своей нации [7].

Аверченко представляет эволюцию своего героя как превращение Простодушного из наивного, доверчивого, благородного глупца в жестокого мудреца. При этом автор использует традицию средневекового романа странствий, где путешествия героя позволяют показать пространственное и социально-статическое многообразие мира. Однако сферу этих странствий Аверченко значительно расширяет: соединяет странствия в пространстве со «странствиями души», показывая изменения внутреннего мира героя. Суровая константинопольская действительность превращает Простодушного в «русского дурака», сочетающего в себе признаки ума и глупости: «Дал мне околоточный два раза по шее, дураком назвал <...>. Действительно, в те времена дураком я был, потому что обидно мне сделалось, и даже плакал <...>» [6, с. 139]. За годы жизни в Константинополе в лице Простодушного появляется что-то хитрое и жестокое, вокруг губ образуются резкие складки – свидетельство «дорого приобретенной мудрости» [6, с. 348]. Причину перевоплощения своего повествователя, смех которого становится «смехом сквозь проклятие», Аверченко объясняет печальным опытом, приобретенным в Константинополе [8]. По утверждению А.Д. Синавского, «русский дурак сознательно отказывается от деятельности контролирующего рассудка и погружается в состояние восприимчивой пассивности» [9, с. 18].

Потеря качеств дурака для русского человека свидетельствует об утрате его связи с Богом, а значит, духовной гибели. Крах духовности эмигрантов связывается и с проблемой упадка русской культуры, о которой говорил еще герой фельетона «Чертовое колесо», вошедшего в сборник «Дюжина ножей в спину революции»: «И вот подходит к барьеру дурак, выбирает из корзины <...> побольше деревянных шаров, берет в правую один шар, вот размахнулся – бац! – и уже нет искусства, и только остается на месте какой-то жалкий покосившийся пролеткультовский огрызок» [10, с. 143]. А между тем на основе культуры функционирует и развивается огромное количество программ человеческой деятельности, поведения и общения, необходимых как для распознавания разрушительного потенциала, так и утверждения гуманистических способов существования в катастрофических условиях жизни. Деграция культуры и отказ от гуманистических ценностей, по мнению героя, приводят к тому, что читатели, некогда знакомые с лучшими произведениями классической литературы, довольствуются лишь любованием виселицами: «<...> одна виселица на букву «Г» похожа, другая – на «И» – почитал и пошёл. Все-таки чтение – пища для ума» [10, с. 103].

Осознание повествователем своего места в жизни происходит также через выявление сущности русской души. Анализируя константы русского национального характера, он выделяет две основные – тоску и волю: «И на чужбине я буду помнить твои маленькие церковки и зеленые монастыри, <...> холодный красавец Петербург <...>, «Медведя» на Конюшенной, где так хорошо было запить расстегай рюмкой рябиновой!» [6, с. 314]. Эта же проблема развивается немного позже в фельетоне «Тоска по родине», вошедшем в сборник «Кубарем по заграницам». Вспоминая о русской печке, традиционных национальных блюдах, заботе родных, повествователь страдает от чувства одиночества и противопоставляет прозябанию в эмиграции свою жизнь в дореволюционной России: «Тепло, в печке дрова гудят, а передо мной – яички всмятку и котлетка только что изжаренная <...>. А теперь кто разве будет беспокоиться? Черта с два!» [6, с. 111].

Герой-рассказчик очень дорожит такими атрибутами традиционной русской духовной жизни, как Пасха и колокола [11]. В свое время он поймал вора, пытавшегося вытащить портмоне, «да так похристосовался, что тот волчком завертелся», а теперь готов простить его грех: «Бери <...>, только бы мне еще полчасика <...> со свечой постоять, колокола послушать» [6, с. 138]. Таким образом писателю удается выразить свои представления о русской тоске, которая, как считает Н.А. Бердяев, «направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира» [12, с. 61].

В этих условиях герой идентифицирует себя как русского человека через сопоставление с обычаями культуры другой страны. В фельетоне «Прага» перед читателем предстают хитрецы, которые в восторге не столько от архитектурных ансамблей, сколько от обычаев чехов, не заклеивающих афиши конкурентов и приносящих с собой в кафе закуску. Ведь именно эти традиции эмигранты рассчитывают ввести в России. Однако традиционные нормы европейской жизни они не готовы принять полностью, поэтому и отказываются платить крупные штрафы за чтение на улице и прыжки на ходу на подножку трамвая.

Такая позиция Простодушного объясняется разницей в восприятии свободы русским и чехом. Чтобы дать точное определение сущности свободы в понимании русского человека, необходимо правильно дифференцировать представления о русской «воле» и западноевропейской «свободе». По утверждению Г.П. Федотова, «воля есть прежде всего возможность жить <...>, не стесняясь никакими социальными узами <...>. Свобода личная немыслима без уважения к чужой свободе» [13, с. 284]. А у Аверченко в восприятии повествователя «Записок Простодушного» русский эмигрант отождествляет свободу и волю. Подобный тип персонажа остро осознает свое отличие от европейцев. Он быстро и безошибочно определяет черты характера чехов, не свойственные русским людям: «Он ласков. Он заботлив. Он внимателен. Невозмутим. Всегда прекрасное расположение духа <...>» [6, с. 139]. Повествователь воспринимает эти качества чехов как своеобразную маску, поэтому пытается «вывести чеха из себя» и легко добивается поставленной цели всего лишь негативной оценкой кнедликов.

Концепция героя «Записок Простодушного» связана и с проблемой осмысления представлений о будущем России. Решение этого вопроса заключается в понимании национальной истории как целостного процесса, в котором можно найти обоснование и оправдание своему существованию и в качестве личности, и в качестве гражданина. Для Простодушного будущее ассоциируется со свободой как необходимым условием духовности, способностью сохранения нравственных ценностей дореволюционной России: «Мы <...> говорили о том, что еще так недавно сверкало, звенело и искрилось, <...> и что теперь залилось океаном топкой грязи <...>» [6, с. 299].

Не случайна маска Простодушного, которая используется для сатирического изображения абсурдной реальности и позволяет скрывать драматизм жизни русских эмигрантов под комической стороной событий. Уже в предисловии к сборнику становится понятным, что герой надломлен, но в его отношении к жизни нет ничего двусмысленного: с наступлением советской эпохи, когда «вся Россия вывернулась наизнанку, жизнь встала с ног на голову», свадьба, подразумевающая праздник, оказывается источником трудностей и бед, потому что в семье выжить намного сложнее, чем одному [6, с. 138]. А вот похороны теперь являются поводом для радости, потому что хоть один человек, наконец, обретает покой. Это понятно и герою, и читателю. Но это всего лишь начало пути: впереди суровые жизненные испытания в чужом экзистенциальном пространстве.

Повествователь осуждает жадность, алчность, хамство, эгоизм представителей русской эмиграции, наживающихся на бедственном положении земляков («Константинопольский зверинец» и «Второе посещение зверинца»). В константинопольском ресторане, подобном зверинцу, Простодушный встречает «комиссионера удовольствий», который, «щелкая зубами и сверкая глазами», внезапно накидывается на посетителей с предложением нечестной сделки. Здесь же оказывается и хитроумный рантье, получивший деньги «благодаря успешной конкуренции с двадцатью пятью кошками» [6, с. 292]. Эти карикатурные зарисовки показывают, как морально-нравственный слом, произошедший в душах русских беженцев, низводит их до уровня животного. В рассказе-фельетоне «Лотто-Тамболо» повествователь с сарказмом описывает беспомощность, наивность, излишнюю доверчивость русского эмигранта в азартной игре, которая строится на умении манипулировать психологией глупцов: «Если у дурака просто отнять деньги, он будет плакать, а если ему посулить, что он на свои три лиры проигрыша может получить сорок лир выигрыша <...>, то придется следить <...>: не выиграет ли?» [6, с. 294].

Подобному типу «хозяев жизни» противопоставлены те, кто в убогих условиях эмигрантской жизни сохранил интеллигентность, благородство, чувство собственного достоинства. Среди них петербургский профессор Бестужевских курсов, нынче – швейцар местных ресторанов, графиня, служащая официанткой («Русские женщины в Константинополе»). На приставания Филимона Бузыкина и фривольное обращение «Маруся!» бывшая графиня отвечает звонкой пощечиной и хладнокровным возмущением: «Я не Маруся <...>, я – баронесса Тизенгаузен. Меня зовут Елена Павловна» [6, с. 280].

Еще одно качество героев рассказов Аверченко, помогающее им выжить на чужбине, – оптимизм. Константинопольские профессии персонажей фельетона «О гробах, тараканах и пустых бабах внутри»

свидетельствуют об изобретательности русских эмигрантов. Один из них лежит в гробу в оккультном кабинете и отвечает на вопросы посетителей, другая носит зеленый бант (цвет ездока на тараканьих бегах) и ведет запись в тараканий тотализатор. «Ой, крепок еще русский человек, ежели гроб его не берет <...>, ежели простой таракан его кормит», – заключает автор [6, с. 280].

Художественное целое цикла «Записки Простодушного» представляет собой синтез комического и трагического начал. Аверченко интересуется человек в его экзистенциальном осмыслении – между жизнью и смертью. Смех над смертью, олицетворяющей прежде всего духовное падение человека, окрашивается в несвойственные сатирическому произведению трагические тона. Писатель представляет несоответствие деятельности людей эстетическому идеалу; отрицание одних человеческих качеств и общественных явлений и утверждение других; познание экзистенциальности происходящего в самых заурядных жизненных ситуациях; определенную диспропорцию в изображении реальных явлений; выделение, заострение существующих контрастов, противоречий, недостатков.

Концепция героя «Записок Простодушного» Аверченко формируется не только на уровне содержания, но и формы произведения. Следует отметить, что доминирующим жанром сатиры Аверченко эмигрантского периода является рассказ-фельетон, основанный на реальных событиях и претендующий на иллюзию правдивости. Однако сатирик обращается и к написанию рассказов-анекдотов, в основе которых вымышленный сюжет. При этом главными средствами создания комического эффекта становятся ирония и сатирическое обличение, позволяющие высмеивать абсурдность жизни в эпоху исторических катаклизмов [14]. Именно сатира становится для Аверченко лекарством, «помогающим пережить тяготы эмиграции» [15 с. 108]. Это объясняется особым статусом сатиры в переходные, кризисные периоды резкого и болезненного изменения всех жизненных форм: социально-политических и экономических институтов, этических верований и нравов, экзистенциальных категорий.

В центре повествования сатирических произведений Аверченко «маленький человек». Его герой напоминает Башмачкина Н.В. Гоголя (низкое социальное положение, мечты о материальных благах, узость интересов) и «человека в футляре» А.П. Чехова (страх, замкнутость, душевная скупость) [14]. Вместе с тем «маленький человек» Аверченко является представителем другой эпохи – революционного времени и реалий эмиграции, оказавших влияние на его образ мысли и характер.

Сатирик высмеивает нелепую жизнь беженцев, в том числе и русских эмигрантов. В центре внимания Аверченко, как правило, противостояние наивного мечтателя и прагматичного плута. Так, главный герой рассказа-анекдота «Оккультные тайны Востока» решает пойти к хироманту. Но из-за недоверия к хиромантии он находит человека, который за две лиры посетит сеанс. Молодому 24-летнему человеку (инвалиду войны, рука которого протез), согласно предсказаниям хироманта, 52 года, доживет он до 240 лет. Но за этой комической ситуацией скрывается трагическая суть произведения: молодой человек пошел к хироманту только потому, что «<...> боялся потерять две (предложенные за это) лиры» [6, с. 169]. Источник комизма в данном рассказе заключается в абсурдности предсказаний и парадоксальности финала, раскрывающего истинную причину обращения молодого человека к хироманту.

Анализ «Оккультных тайн Востока» позволяет утверждать, что последовательный сюжет с непредсказуемым финалом, оппозиция нормы и исключения, доведение ситуации до абсурда выражают разные аспекты жизни «маленького человека» и приводят к дальнейшему развитию этого образа в жанре рассказа-фельетона [3].

В рассказах-фельетонах, вошедших в состав «Записок Простодушного», автор осуждает корыстолюбие и бесчеловечность, пошлость и ограниченность, лицемерие и глупость героев. Эти особенности характера русских эмигрантов сатирик представляет с помощью трехчастной композиции, многократного повторения одного и того же сюжета в разных вариациях, комической развязки, акцентирующей внимание на безнадежности положения. Так, в рассказе-фельетоне «Еще гроб» Простодушный иронизирует над теми, кто возводит свои беды в абсолют. Эта идея отображается не только на уровне содержания, но и на уровне композиции произведения. Зачин его начинается радостно: «Иногда – ни с того, ни с сего – накатывает такое веселое настроение, что <...> хочется весь мир обнять <...>» [6, с. 301]. Основная часть произведения посвящена встрече Простодушного с русской кельнершей, от сетований которой по поводу обрушившихся на нее несчастий даже «деревцо за окном вяло опускает ветки <...>» [6, с. 302]. После общения с ней герой-рассказчик хочет повеситься, но в концовке вновь становится веселым и убегает от кельнерши, что и создает комический эффект.

Во многих произведениях писателя основным приемом комического становится гротеск. У Аверченко появляется много сюжетов, строящихся на многократном повторении, варьировании одной и той же ситуации, завершающейся неожиданной комической концовкой. В рассказе-фельетоне «Как добыть себе в Праге комнату» рассказчик дает совет бездомному эмигранту, каким образом можно получить хорошее жилье. Для достижения поставленной цели он рекомендует найти ревнивого владельца уютной комнаты и договориться с ним о встрече в номере гостиницы, где якобы находится сейчас его жена с любовником. О предстоящей встрече следует сообщить жене и жильцу комнаты, предупредив их о необходимости иметь

при себе оружие: «Что-нибудь да выйдет: <...> кто-нибудь попадет в тюрьму, кто-нибудь – на кладбище...» [6, с. 143]. Вот и появится шанс быстренько занять «освободившуюся комнату».

Одной из форм нарративной организации «Записок Простодушного» является маска, предполагающая определенную точку зрения на изображаемые события, их идейно-эмоциональную оценку. Наиболее сложным вариантом маски является тот, при котором она максимально сближается с автором, но все же полностью не совпадает с ним. Иллюстрацией подобного типа нарратора является маска простодушного человека, объединяющая все произведения цикла. За этой маской скрывается герой, действия и поступки которого при видимой беспорядочности, хаотичности противоречий по сути складываются в логическую последовательность и придают, казалось бы, тематически разрозненным элементам повествования в форме отдельных рассказов романно-эпический характер. Поэтому отдельные сюжетно самостоятельные рассказы становятся своеобразными главами большого эпического сюжета. Эту же традицию используют А. де Сент-Экзюпери и польский писатель межвоенного десятилетия Б.Я. Щульц [16, с. 163].

При этом Простодушный либо описывает те случаи, непосредственным участником которых стал он сам, либо произошедшие с его друзьями и знакомыми. Соответственно первые представляют собой ряд смешных, нелепых злоключений героя, в которые он попадает из-за своей наивности и доверчивости («Галантная жизнь Константинополя», «Деловая жизнь», «Бриллиант в три карата»). В рассказах второго типа в центре внимания оказываются не сами события, а восприятие их Простодушным, выражающееся в подробных описаниях, характеристиках, рассуждениях по поводу изображаемого («О гробах, тараканах и пустых внутри бабах», «Благородная девушка», «Аргонавты и золотое руно»). И в одном, и в другом случае в восприятии жизни Простодушным преобладает бесхитростно-добродушный, наивно-доверчивый взгляд. Но постепенно, от рассказа к рассказу, под впечатлением от увиденного и пережитого характер повествователя претерпевает изменения и переходит в новое качество – маску циника: «Гляжу я в зеркало <...>, – и нет больше простодушия в лице моем... Выковали из нас <...> прочное железное изделие» [6, с. 133].

Но ни маска простодушного человека, ни маска циника, максимально сближаясь с автором, не совпадают с ним полностью. Только в некоторых случаях авторские размышления о человеке и мире выражаются открыто: «Иди, женщина русская <...>. Дойдешь же ты, наконец, или до лучшего будущего, или... до могилы...» [6, с. 76]. Таким образом, нарративная маска позволяет сатирику изложить те мысли, которые трудно высказать от своего имени, и является весьма эффективным художественным средством, расширяющим границы сатирических ракурсов и форм осмеяния.

Особое место в палитре художественных средств, создающих концепцию героя «Записок Простодушного», принадлежит реминисценциям. Обращаясь к хорошо известному и знакомому материалу, Аверченко переосмысливает и переоценивает его, меняет акценты, предлагает новое прочтение произведений в соответствии с духом времени и иными историческими условиями. Непосредственная реминисценция к роману Л.Н. Толстого «Война и мир» обнаруживается в рассказе-фельетоне Аверченко «Русские в Византии». Экономические трудности, как показывает автор, сгладили бы остроту спора героев романа «Война и мир», отодвинув вопрос чести, если бы дуэль состоялась в Константинополе. Автор подчеркивает, что русские эмигранты оказываются в комической ситуации, так как представления о мире, существующие в рамках русской элитарной культуры, не соответствуют реалиям константинопольской жизни, ведущим к утрате связи русских со своими историческими корнями.

Заключение. На основании изложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

– в цикле рассказов Аверченко «Записки Простодушного» представлен новый трагический тип героя – «маленького человека», утратившего родину, свое место во взрослой социальной среде, но остро ощущающего потерю стабильности собственного существования и стремящегося обрести себя в новых условиях бытия; невозможность последнего делает героя одиноким и несчастным;

– писатель показывает героя, стремящегося преодолеть традицию разрыва наследственных культурных связей между поколениями и одновременно пытающегося восстановить духовно-нравственные идеалы дореволюционной эпохи, которые оказались разрушенными революцией;

– писатель представляет новый тип трагедии одиночества человека – выходца из «иной среды», иной культуры – своеобразного «чужака», одинокого среди людей, которые его не понимают и которых не понимает он;

– в концепции героя выражено мировоззрение самого автора, в которой заключено превращение изображаемого персонажа из наивного глупца в жестокого мудреца, способного понять благожелательное отрицание ситуации пошлости, благодушия, богооставленности, связанной с утратой нравственных ценностей, принципов истинной свободы и духовности; это персонаж, не утративший существенные черты русского национального характера – духовность, сохранение достоинства, благородства, честности, чести, противостоящий тоске и воле, но не всегда умеющий идентифицироваться в культуре чужой страны;

– писатель высмеивает нелепость, уродливость, безысходность мира, вовлекая читателя в интеллектуально-смысловую игру, в основе которой заключена возможность формирования способности распознавания убогих условий жизни русского эмигранта, развенчания разрушительного потенциала итогов русской революции, утверждения гуманистических способов существования в инокультурной среде, в катастрофических условиях жизни, вдали от исторической родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Келдыш, В.А. Русская литература «Серебряного века» как сложная целостность / В.А. Келдыш // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2 кн. ; отв. ред. В.А. Келдыш. – М. : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. – Кн. 1. – С. 13–69.
2. Егорова, Л.П. Интерпретация как феномен антропоцентрического литературоведения // Вестник СГУ, 2002. – №. 29. – С. 100–109.
3. Брызгалова, Е.Н. Русская сатира и юмористика начала XX века / Е.Н. Брызгалова. – Тверь : ТвГУ, 2002. – 206 с.
4. Рюмина, М.Т. Эстетика смеха: смех как виртуальная реальность / М.Т. Рюмина. – М. : Либроком, 2010. – 320 с.
5. Горный, С. Автобиография / С. Горный // Калифорнийский альманах. – Сан-Франциско, 1934. – С. 98–99.
6. Аверченко, А.Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А.Т. Аверченко ; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Ст. Никоненко. – М. : Терра-Кн. клуб, 2007. – Т. 6 : Смешное в страшном; Записки Простодушного; Пантеон советов молодым людям; Отдых на крапиве; Рассказы циники; Шутка Мецената. – 479 с.
7. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм ; пер. Т.В. Банкетово́й, С.В. Карпушиной. – М. : Астрель, 2011. – 446 с.
8. Романова, К.С. Рецепция Константинополя-Стамбула в русской литературе первой трети XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Электронный ресурс] / К.С. Романова. – М., 2019. – 25 с. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/record/01008590475>. – Дата доступа: 12.05.2021 г.
9. Синявский, А.Д. Иван-дурак: очерк русской народной веры / А.Д. Синявский. – М. : Аграф, 2001. – 463 с.
10. Аверченко, А.Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А.Т. Аверченко. – М. : Терра-Кн. клуб, 2007. – Т. 5 : Караси и щуки; Подходцев и двое других; Чудеса в решетке; Нечистая сила; Дюжина ножей в спину революции; Дети; Кипящий котел. – 526 с.
11. Желтова, Н.Ю. Поэтика русского национального характера / Н.Ю. Желтова // Вестник ТГУ, 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 205–209.
12. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М. : МГУ, 1990. – 240 с.
13. Федотов, Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. / Г.П. Федотов. – СПб. : София, 1992. – Т. 2. – 350 с.
14. Кузьмина, О.А. Рассказы А.Т. Аверченко: Жанр, стиль, поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Электронный ресурс] / О.А. Кузьмина. – Тверь, 2003. – 19 с. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/rasskazy-averchenko-zhanr-stil-poetika>. – Дата доступа: 10.05.2021 г.
15. Николаев, Д.Д. Аверченко (1881–1925) / Д.Д. Николаев // Литература русского зарубежья 1920–1940. – М. : Наследие ИМЛИ, 1999. – С. 76–120.
16. Мусиенко, С.Ф. Реалистический роман в польской литературе межвоенного двадцатилетия (20–30-е гг. XX в.) / С.Ф. Мусиенко. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 262 с.

Поступила 05.07.2021

THE CONCEPTION OF THE HERO IN THE COLLECTION OF A.T. AVERCHENKO'S SHORT STORIES "THE NOTES OF THE SIMPLE-MINDED"

L. SHUMSKAYA

The features of the embodiment of A.T. Averchenko's personality in the collection of short stories "The notes of the Simple-Minded" have been discussed in the article. This found expression in the creation of a new type of a tragic hero - a "little man" who lost his homeland but who is extremely sensitive to the loss of life stability and strives to find himself in the new conditions of being. The author's conception of the hero has been substantiated; according to this conception new cultural preconceptions are impossible without striving to overcome the gap of the hereditary cultural ties between generations, to restore the spiritual and moral ideals of the pre-revolutionary times and to recognize the destructive impact of the foreign cultural environment. It has been established that the author's outlook reveals in the committed and artistic evolution of the hero who turned from a naive fool into a cruel sage and a cynic person. The author's reading of a new type of a human's solitude tragedy – a descendant from «another circumstance», another culture, a loner among persons who don't understand him and he doesn't understand them has been proved. The originality of the interpretation of Averchenko's tragical and grotesque hero who finds some new ways of forming the comic at the content level and works form has been substantiated. The constants of the "little man's" character (melancholy and will, "one's own" and "someone else's") who strives to keep his own spirituality, who is able to oppose the epoch's upheavals for the sake of personal freedom have been established.

Keywords: lyrical satire, concept of a hero, art perception, revolution, «little man», spirituality, freedom, grotesque.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 80:94(47)

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В РАБОТАХ П.А. КУЛАКОВСКОГО

В.А. АПЕКУНОВ

(Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова)

Статья посвящена учёному-слависту конца XIX – начала XX вв. П.А. Кулаковскому, а также его исследованиям в области истории и литературы сербского и хорватского народов в XVIII – первой половине XIX вв. В своих трудах учёный затрагивал важные аспекты, которые были связаны с национальным возрождением в этих странах. Несмотря на то, что Кулаковский рассматривал данную проблему с позиции панславизма, его работы для славяноведения стали уникальными. Они позволяют составить подробную картину того, каким образом протекало национальное возрождение в Сербии и Хорватии в указанный период времени. Проанализировано отношение учёного к сложившимся у деятелей национально-освободительного движения и учёных-славистов концепциям обоснования необходимости создания общеславянского языка или принятия в качестве такового для славян одного из уже существовавших на тот момент времени языков.

Ключевые слова: славяноведение, панславизм, национальное возрождение, Сербия, Хорватия, славянский мир, общеславянский язык.

Введение. Платон Андреевич Кулаковский известен в научных кругах не только как учёный-славист, но также и как общественный и политический деятель Российской империи. За свой долгий период работы он занимал должность издателя журнала «Окраины России», редактора «Правительственного вестника», а также был одним из активных членов «Русского окраинного общества». Более того, фактически он являлся руководителем отделения РОО в Северо-Западном крае.

Круг деятельности П.А. Кулаковского был довольно обширным. Труды этого учёного, несмотря на некоторую критику со стороны других учёных, его современников, стоит рассматривать как ценный источник по истории и литературе южных славян. Кроме того, анализируя научное наследие П.А. Кулаковского во всём его многообразии, необходимо обратить внимание не только на само содержание работ учёного, но и на его взгляды.

П.А. Кулаковский придерживался как славянофильских взглядов на устройство России, так и панславистских, а также западнорусских убеждений. Он искренне считал возможным объединение всех славянских народов под эгидой Российской империи как единственного суверенного оплота славянского мира на тот момент времени. Свои тезисы по этому вопросу Кулаковский аргументировал в многочисленных заметках, статьях, очерках, а также монографиях. Несмотря на то, что в своих работах, так или иначе, он затрагивал фактически все славянские народы, тем не менее, значительный период как его жизни, так и его научных изысканий пришёлся именно на южнославянские страны, такие как Сербия и Хорватия.

Цель настоящей статьи – определить и проанализировать концептуальные положения и оценки, содержащиеся в трудах П.А. Кулаковского, выявить его вклад в изучение истории и литературы южнославянских народов.

Основная часть. Прежде всего, П.А. Кулаковский известен как специалист по истории и литературе южных славян. Его работы, посвящённые реформе сербского языка Вуком Караджичем, а также истории хорватского национального возрождения, были уникальными для российского славяноведения, поскольку это были первые работы, посвящённые данным вопросам. Они представляют собой ценный источник по изучению истории и литературы сербов и хорватов в конце XVIII – первой половине XIX вв., т.к. П.А. Кулаковский собрал и обобщил огромное количество материала.

До самого П.А. Кулаковского уже предпринималась ранее попытка осветить деятельность Вука Караджича. Сам учёный в предисловии к своей монографии упоминает некоего Ковачича, который в 1881 г. в журнале «Slovinac», по-видимому, и опубликовал результаты своей работы. Вероятнее всего, Кулаковский говорил об историке и педагоге Христифоре «Ристо» Ковачиче, однако учёный ограничился лишь его кратким упоминанием в предисловии к своему труду о Вуке Караджиче. Более подробных сведений он по каким-то причинам в своей работе не сообщает. В то же время Кулаковский подчёркивает, что попытка эта «представляет лишь собрание и перепечатку материалов, причём этот труд страдает значительной неполнотой вследствие трудности иметь под руками все сербские издания» [3, с. 8].

Свой же труд Кулаковский начинает с анализа, так называемой, новой сербской литературы до начала деятельности Вука Караджича. Обзор литературы ученый проводит лишь с XVIII в. Там учёный приходит к выводу о том, что в XVIII в. языком сербских писателей был так называемый «славяно-сербский» язык, т.е. церковнославянский язык с примесью разных сербских слов, форм и выражений [3, с. 9]. Именно в XVIII в. формируется течение «славяно-сербов», представители которого впоследствии отрицательно, как отмечает П.А. Кулаковский, относились не только к языковой реформе Вука Караджича, но также и к идее использования в литературе сербского языка.

На сербском же языке в XVIII в. писали свои произведения лишь единичные авторы. Так, например, П.А. Кулаковский ссылается на Гавриила Стефановича и на Досифея Обрадовича, в чьих сочинениях использовался именно сербский язык. И если у Стефановича произведения были наполнены в основном религиозным содержанием, то уже сочинения Обрадовича, такие как «Жизнь и приключения» и «Советы здравого разума», благодаря использованию сербского народного языка были более понятны простому народу, носили морально-поучительный характер, были проникнуты любовью к человеку, и указывали на пороки общества, которые необходимо устранять.

Вместе с тем П.А. Кулаковский отмечает, что Обрадовичу не удалось создать свою школу писателей, хотя последователи у него были [3, с. 35]. Прежде всего, это было связано с тем, что влияние славяно-сербов всё ещё было велико, а таких деятелей, как Досифей Обрадович, были лишь единицы. Тем не менее П.А. Кулаковский пишет, что деятельность Обрадовича подготовила почву для последующей деятельности «скромного селяка, не получившего никакого школьного образования, но вместе с тем, хорошо знавшего потребности и народный язык, и одарённого выдающимся умом и замечательными способностями», как учёный охарактеризовал Вука Караджича [3, с. 35–36].

Возникает вполне закономерный вопрос: почему же Кулаковский проводит обзор сербской литературы лишь с XVIII в., не затрагивая при этом более раннее время? Вероятнее всего, ответ на этот вопрос кроется в том, что Кулаковского интересовали скорее те аспекты, которые наиболее близко были связаны с сербским национальным возрождением и обретением ими в последующем независимости.

П.А. Кулаковский сводит деятельность Вука Караджича по реформированию сербского языка к двум большим по времени этапам. Собрание песен, преданий, разбор основ языка, особенностей различных говоров, издание трудов – это был первый этап его творческой деятельности. Второй этап П.А. Кулаковский обозначает условно как деятельность по переработке и пополнению своих трудов [3, с. 76].

В 1814 г. была издана так называемая «Письменница сербского языка», под которой учёный подписался как Вук Стефанович Сербиянец. Особенность «Письменницы» заключалась в том, что именно там впервые Караджич поднимает вопрос о правописании. Учёный в своём труде сформулировал простое правило: «пиши, как говоришь и читай, как написано». Караджич поставил себе задачу составить новую грамматику, взяв за образец грамматику Авраама Мразовича, в своё время заменившую грамматику, созданную ещё Мелетием Смотрицким в 1618 г. под названием «Грамматики словенской» и введённую в сербские школы как основной учебник по грамматике [3, с. 60].

В 1818 г. был издан словарь, известный также как «Сербский речник», который включал в себя более 26 тысяч слов. С момента издания данного словаря, как отмечает П.А. Кулаковский, окончательно определяется значение Караджича в деле реформирования сербского языка [3, с. 69]. Дело в том, что словарь является не просто собранием сербских слов, но также включает в себя песни, предания, обычаи и многое другое. Фактически «Сербский речник» Караджича являлся пособием по изучению сербского народа как такового.

Вук Караджич, как отмечает П.А. Кулаковский, писал труды не только чисто по сербской филологии. Он оставил после себя работы, посвящённые как вопросам грамматики сербского языка, так и самой истории Сербии. Значительное внимание Караджич уделил и проблеме сербской борьбы за независимость, что нашло впоследствии своё отражение в статье, которая дополнялась на протяжении нескольких лет (с 1828 по 1834 гг.). Проанализировав эту статью, Кулаковский вынужден был признать, по сути, что Караджич в угоду живости своего рассказа несколько пожертвовал его содержательной стороной, ставя ему в укор односторонность и неполную содержательность статьи. Тем не менее общее впечатление от прочитанного текста у Кулаковского сложилось скорее положительное, чем критическое. Не сбрасывая со счетов проблемы, которые присутствовали, учёный всё же признаёт литературную и историческую ценность данной статьи [3, с. 99].

Давая оценку произведениям Вука Караджича, Кулаковский написал в своей работе следующее: «Таким образом, на исторические произведения Вука Караджича можно смотреть, как на начало известности сербского народа в Европе, которая до Караджича весьма мало насчитывала сочинений, в которых бы говорилось о Сербии и сербском народе... Что касается языка всех исторических трудов Караджича, то он может быть назван оригинальным во всех отношениях. Это совершенно оригинальная проза, которую до него никто не писал, и простота рассказа, часто напоминающего эпический тон сказки, делают эти произведения Караджича одними из самых замечательных в сербской литературе» [3, с. 110–111].

Самым же обстоятельным, как считает Кулаковский, трудом учёного-реформатора по сербскому языку и орфографии стало второе, переработанное издание его «Сербского речника» в 1852 г. в Вене. В новое издание словаря вошли все материалы, которые многие годы собирал Караджич. В их числе народные песни, предания, пословицы, географические и этнографические заметки. Кроме того, объём словаря по количеству слов увеличился вдвое.

В числе главных достижений Караджича Кулаковский выделяет несколько моментов. Во-первых, учёный подчёркивает важность и значение языковой реформы Вука Караджича, говоря о том, что благодаря данной реформе, «книга потеряла тот характер учёности, который отличал всякое произведение, писанное на языке «славяно-сербском». Она стала понятной всякому грамотному человеку» [5, с. 4].

Во-вторых, он отмечает, что среди собирателей народного фольклора Караджич занимал ведущие позиции, причём не только применительно к сербской литературе, но и относительно других славянских литератур вообще. В-третьих, отмечались его заметные успехи в создании сербской национальной литературы.

Но в то же время, Кулаковский высказывает своё сожаление и неудовлетворение тем фактом, что Караджич якобы своей реформой языка порвал связи с русским языком и литературой. Учёный считал, что сербская литература имела достаточную силу, чтобы развиваться совместно с русской, но Караджич предпочёл литературу «малого сербского народа, которая вследствие своей слабости легко может стать лишь отголоском направлений совершенно чуждых сербскому народу» [3, с. 233].

Кулаковский в своей работе всячески доказывал, что для Караджича было ошибкой разрывать связи с русской литературой. Так, по его мнению, отказ от книжного славяно-сербского или русско-сербского языка означал разрыв союза с русской литературой, что обрекало новую сербскую словесность на изоляцию и подвергало ее значительным опасностям.

Дополнительно неизвестно, какой была реакция в Сербии на работу, посвящённую Вуку Караджичу. Однако, согласно очерку К.Я. Грота, посвящённому Кулаковскому, можно сделать вывод о том, что точка зрения учёного нашла немало своих сторонников не только в России, но и за её пределами. При этом оговаривалось, что не все представители славянского юга и запада были согласны с суждениями Кулаковского [2, с. 11]. В дополнение стоит отметить, что самому Кулаковскому к 1882 г. пришлось покинуть Сербию в связи со сменой внешнеполитического курса Сербии во главе с князем Миланом I Обреновичем (ставшим в том же году первым королём Сербии) в пользу сближения с Австро-Венгрией. В России же за свой труд Кулаковский был удостоен степени магистра славянской филологии.

«Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода возрождения», как был озаглавлен очередной масштабный труд русского учёного-слависта П.А. Кулаковского, задумывался, по словам самого автора, давно. Данный период в истории хорватского народа являлся на тот момент времени малоизученным, чем, собственно, Кулаковский и объяснял в первую очередь актуальность своего масштабного исследования. Кроме того, он считал, что изучение иллиризма как культурно-политического движения позволило бы как устранить недоразумения между сербами и хорватами, так и способствовать укреплению связей русского и хорватского народов.

Однако несмотря на то, что труд Кулаковского, посвящённый проблеме иллиризма, признаётся первой фундаментальной работой в этом направлении, всё же необходимо отметить, что иллиризм в российском славяноведении довольно активно изучался, в частности, А.Ф. Гильфердингом, Н.А. Поповым и другими русскими славистами. На это обстоятельство указывают современные российские исследователи, занимавшиеся смежными вопросами.

Кулаковский стремился охватить все аспекты хорватского национального возрождения, естественным образом затрагивая и политические вопросы, поскольку, как впоследствии будет видно из содержания его работы, одной из проблем иллиризма являлась политика мадьяризации и, как следствие, политическая борьба хорватов и венгров на почве языка.

Кулаковский оценивает иллиризм как «одну из самых плодотворных литературных и политических теорий» в славянском мире. Он подчеркивает, что общеславянская составляющая идеи иллиризма, по его мнению, повлияла на дальнейшие стремления сербов, хорватов и словенцев к взаимному сближению. В то же время он выражал надежду на то, что дело иллиризма однажды выйдет за пределы славянского юго-запада.

Между тем, по мнению Кулаковского, иллиризм с самого начала являлся движением, которое в итоге будет обречено на неудачу. Здесь сказывались слишком сильные различия между южнославянскими народами, которые планировалось объединить в «Великую Иллирию». Различия эти были культурного, языкового, вероисповедного и политического характеров – слишком много было противоречий для подобного объединительного проекта. «Каждое племя, каждая народность, – писал П.А. Кулаковский, – старательно берегла всё, отличающее её от других, хотя бы самых сродных. Может быть, в этом сказывалась и старая свойственная славянам черта – крайнее развитие племенного индивидуализма» [4, с. 151].

Свою работу он заканчивал следующим суждением: «Достигнут ли юго-западные славяне такого объединения с восточными славянскими ветвями – это вопрос будущего, но несомненно, что иллирская

теория со всеми своими дальнейшими выводами пробудила и обосновала такое стремление, возбудила энергию в тогдашних деятелях и направила югославян к такой задаче» [4, с. 411].

Результаты исследований в области иллиризма получили признание в России. В 1895 г. Кулаковский, помимо получения степени доктора славянской филологии, за свой труд, посвященный иллиризму, был удостоен премии им. А.А. Котляревского. Высоко о работе отзывался и хорватский филолог-славист И.В. Ягич, о чём свидетельствует его отзыв для Петербургской академии наук: «За П.А. Кулаковским остаётся неотъемлемая заслуга, что он первый подарил русской и всем славянским литературам историю столь знаменитого и столь много шума наделавшего в своё время иллиризма. Он создал этот почтенный труд очень старательно, приложив к нему много усилий, отнёсся к своей задаче с любовью, вниманием и научным беспристрастием. Он взялся за свой труд без предвзятых мыслей, добивался везде раскрытия истины» [9, с. 17].

Выводы, к которым приходил в своих работах Кулаковский, вполне соотносились с духом идейного течения панславизма, который, как известно, подразумевал своей конечной целью объединение всего славянского мира или, по меньшей мере, большей его части. Причём, данное объединение должно было произойти на основе политических, литературных, языковых и других начал. Поэтому неслучайно, помимо всего прочего, на горизонте появилась проблема создания единого славянского литературного языка.

Проблема единого общеславянского языка долгое время занимала умы как славянских общественных деятелей, так и многочисленных учёных-славистов. В частности, своё отражение данная проблематика нашла и в научных трудах П.А. Кулаковского. Свои взгляды на общеславянский язык он оформил в виде специального труда под названием «Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян», изданного в 1885 г. в Варшаве.

В своей работе П.А. Кулаковский отмечает, что вопрос об общеславянском языке решался на протяжении нескольких веков двумя путями. С одной стороны, единый язык мог появиться искусственно, на основе навязанных ему извне форм. Так, например, в XIX в. подобную идею пытались продвинуть Ян Геркель и Матий Маяр Зильский. Геркель в своём варианте склонялся к использованию словацкой основы, в то время как Маяр видел в совместном действии азбуки и орфографии основу для единения славян. И ключ к данному единению, по мнению Маяра, – принятие кириллицы. Подобное предложение было поддержано и в других славянских странах, и более или менее успешно кириллица внедрялась в другие языки.

М. Маяр активно продвигал идею создания «взаимного» языка, о чём он писал следующее: «Писать взаимно – значит писать на теперешних литературных языках так, чтобы каждый образованный славянин в случае нужды мог понимать всякую взаимно написанную славянскую книгу». Его идея заключалась в отборе тех форм, которые так или иначе встречаются в славянских языках и наречиях, и создании на их основе единого языка, в основу которого закладывалась бы, так называемая, «взаимная грамматика» [10, с. 114].

Однако Кулаковский приходит к выводу о том, что идея Маяра была довольно шаткой. В эпоху, когда жил Маяр, привести все языки к общему знаменателю было крайне проблематично, если не сказать, что совсем невозможно [7, с. 30].

В то же время существовал более простой, на первый взгляд, путь, который заключался в принятии единого языка из уже существовавших на тот момент времени «для удовлетворения высших потребностей славянской культурной жизни» [7, с. 6]. Сам Кулаковский считал, что именно русский язык имел больше других шансов стать общеславянским языком. Ещё в XVII в. высказывались мнения, что именно русский язык должен был стать литературным языком славян. Такая точка зрения высказывалась в церковных кругах. Причём, как подчёркивал Кулаковский, русский или русско-славянский язык должен был стать литературным не только для всех южнославянских народов в целом, но и для сербов в частности. Интересно, что такое мнение поддерживалось не только православными, но и католическими священниками на южнославянских землях [6, с. 23].

Кроме того, учёный обращает внимание и на весьма решительные высказывания некоторых славянских деятелей национального возрождения, например, Людевита Штура, считавшего, что русская азбука «вполне и без всяких затруднений передаёт на письме славянские звуки» [7, с. 49].

Однако необходимо заметить, что и концепция русского языка как общеславянского в некоторой степени уязвима. Несмотря на тот факт, что к середине XIX в. Российская империя была единственным независимым государством, имеющим развитый язык, литературу и культуру в целом, имелись в славянском мире и другие народы, которые к этому времени хотя и утратили свою государственность, однако имели также и развитую культуру, и историю государственности. Красноречивым примером такого народа мог являться польский, который, с большой долей вероятности, категорически отверг бы подобную концепцию.

Учёный пишет, что в ситуации, когда представляются возможным два варианта развития событий – сохранение самобытной литературы для каждого славянского народа в отдельности, либо же подчинение отдельных славянских языков чуждым нормам, признание русского языка в качестве единого литературного языка славян было бы, по его мнению, «меньшим злом» [7, с. 56]. При этом, выдвигая данный тезис, он отмечает, что принятие русского языка в качестве общеславянского – всё же не единственный путь решения данного вопроса.

Заключение. Подводя итог рассмотрению основных работ П.А. Кулаковского по истории и литературе южных славян, в первую очередь, сербов и хорватов, вне всякого сомнения, можно заявить, что П.А. Кулаковский оставил глубокий след в развитии славяноведения в Российской империи. Собранный Кулаковским материал наглядно и подробно иллюстрирует ситуацию, которая сложилась в южнославянских странах в период их национального подъёма.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что субъективный подход к рассмотрению проблемы национального возрождения южнославянских народов является основным недостатком исследований учёного. В этой связи стоит отметить искреннюю убеждённость П.А. Кулаковского в том, что Россия должна была играть ведущую роль в славянском мире, а объединение славянских народов, вначале культурное – на почве единого общеславянского языка (причём сам П.А. Кулаковский видел в своих исследованиях таковым именно русский язык), а затем и политическое, должно было происходить именно под эгидой России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко, К.М. Русское окраинное общество: возникновение, политические цели и задачи / К.М. Бондаренко // Романовские чтения : сб. тр. Междунар. науч. конф., Могилев, 21 окт. 2004 г. / Могилев. гос. ун-т им. А.А. Кулешова ; под ред. О.В. Дьяченко. – Могилев, 2005. – С. 27–34.
2. Грот, К.Я. Платон Андреевич Кулаковский / К.Я. Грот. – СПб. : Сенатская типография, 1914. – 28 с.
3. Кулаковский, П.А. Вук Караджич: его деятельность и значение в сербской литературе / П.А. Кулаковский. – М. : Типография бывш. Ф.Б. Миллера, 1882. – 256 с.
4. Кулаковский, П.А. Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода возрождения / П.А. Кулаковский. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1894. – 513 с.
5. Кулаковский, П.А. Лукиан Мушицкий // Журн. М-ва Народного Просвещения, 1881. – 40 с.
6. Кулаковский, П.А. Начало русской школы у сербов в XVIII веке: Очерк из истории русского влияния на югославянские литературы // П.А. Кулаковский. – СПб. : Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1903. – 176 с.
7. Кулаковский, П.А. Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке славян / П.А. Кулаковский. – Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1885. – 57 с.
8. Лаптева, Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. / Л.П. Лаптева. – М. : Индрик, 2012. – 839 с.
9. Памяти П.А. Кулаковского. – Пг. : Типография В.Д. Смирнова, 1915. – 41 с.
10. Чуркина, И.В. Всеславянская модель Матия Маяра Зильского / И.В. Чуркина // Славянский альманах. – 2001. – С. 106–119.

Поступила 05.07.2021

THE NATIONAL REVIVAL OF THE SOUTH SLAVIAN NATIONS IN THE WORKS OF P.A. KULAKOVSKY

V. APEKUNOV

This article is dedicated to the Slavic scholar of the late 19th – early 20th centuries P.A. Kulakovsky, as well as his research in the history and literature of the Serbian and Croatian peoples in the 18th – first half of the 19th centuries. In his writings, the scientist touched upon important aspects that were associated with national revival in these countries. Despite the fact that Kulakovsky considered this problem from the standpoint of Pan-Slavism, his works for Slavic studies became unique. They provide a detailed picture of how the national revival took place in Serbia and Croatia during this period of time. The attitude of the scientist to the concepts of justifying the need to create a common Slavic language or to accept as such for the Slavs one of the languages that already existed at that time is analyzed.

Keywords: Slavic studies, Pan-Slavism, national revival, Serbia, Croatia, Slavic world, common Slavic language.

УДК 81'367.7

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МОРФЕМНЫХ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ДЕРИВАТОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ДЕНЬГИ, ПЛАТЕЖИ, ФИНАНСОВЫЕ ОПЕРАЦИИ**А.А. ГАЛЫНСКАЯ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Рассмотрены морфемные дериваты 100 первых по частотности производных обозначений денег, платежей, финансовых операций в английском и 100 первых по частотности производных экономических обозначений в русском языке. Исследовательский корпус обозначений был сформирован путем компонентного анализа словарных дефиниций в Collins English Online Dictionary и в Большом толковом словаре русского языка. Рассмотрены основные ономаσιологические группы и подгруппы морфемных русских и английских дериватов, обозначающих деньги, платежи и финансовые операции (субстантивные, глагольные, адвербиальные и адъективные лексемы) и их удельный вес. Исследование показало, что ономаσιологическая структура финансовых обозначений русского и английского языка имеет больше различий, чем сходств. По данным лексики исследуемых языков, выявлено, что названия деятелей имеют самую высокую значимость в английском подкорпусе, в то время как в русском материале самыми значимыми являются названия признака через отношение.

Ключевые слова: *обозначения денег и платежей, ономаσιологическая организация, субстантивы, адъективы, глаголы, адвербиальные лексемы, наименование субъекта, наименование признака, наименование действия, наименование состояния, наименование объекта.*

Введение. Ономаσιологические исследования никогда не прерывались и развивались в течение всего XX в. Впервые термин «ономаσιология» был введен А. Цаунером. Ономаσιологическое направление исследований развивалось затем еще много десятилетий спустя. Сперва ономаσιология рассматривалась как раздел лексикологии. Как пишет Е.С. Кубрякова, «ономаσιологическим подходом к исследованию языка является тот, который рассматривает содержательную сторону языковой единицы не с точки зрения формирования ее внутрисистемных значимостей и механизма семантического распространения слов и словосочетаний, а с точки зрения предметной направленности, т.е. соотносительности языковой единицы с вне-языковым предметным рядом как средства обозначения, именованного последнего» [1, с. 346]. Однако позже ономаσιологию лингвисты начали противопоставлять семасиологии. Так, О.С. Ахманова в своем словаре под ономаσιологией понимает: 1) раздел семасиологии и 2) науку об обозначении, назывании, номинации. В.Г. Гак фиксирует свое внимание на том, что общие категории семасиологии (простое и сложное обозначение, мотивированность и немотивированность слова и т.д.) проявляются при именовании понятий [2, с. 8].

Для понимания значений номинативных средств следует различать языковую и наивную картину мира. В работах, основанных на данном подходе (С.М. Толстой [3, с. 125], Ю.Д. Апресяна [4, с. 37], Н.Б. Мечковской [5, с. 227]) знания о мире, которые содержатся в семантике языковых единиц, в первую очередь лексем, фразем, а также в словообразовательной и грамматической системах, есть языковая картина мира.

Материал и методика исследования. Целью данного исследования является выявление ономаσιологической организации морфемных дериватов, образованных от 100 самых часто употребляемых производных экономических обозначений, выявленных по Частотному словарю современного русского языка О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова (Online) и Collins Online English Dictionary. Отбор производных лексем, относящихся к обозначениям денег, платежей, финансовых операций, проводился путем компонентного анализа словарных дефиниций на основе Большого толкового словаря русского языка под ред. С.А. Кузнецова [2000] и Collins Online English Dictionary. Если в толковании присутствует хотя бы одно ядерное слово, лексема, принадлежащая полю «деньги, платежи финансовые операции» (*плата, стоимость, доход, цена, монета, финансы, долг, рынок, торг, счет, деньги, платить, прибыль, купить, продать, средства, состояние, сделка* и их морфемные дериваты.), то есть основания включить проблемное слово в исследуемый подкорпус. Например, лексема *базар* определяется так: «предпраздничная или сезонная торговля, место такой торговли». В дефиниции слова имеется существительное – *торговля*, являющееся дериватом ядерного слова *торг*, следовательно, данная лексема может быть включена в подкорпус «деньги и платежи». Лексема *банкрот* определяется так: «тот, кто разорился и не способен расплатиться с кредиторами по долгам обязательств». В дефиниции слова имеются лексемы – *расплатиться, долговым*, являющиеся дериватами ядерных слов *плата, долг*, следовательно, данная лексема может быть включена в подкорпус «деньги и платежи». В подкорпусе производных обозначений, образованных от 100 русских и 100 английских производных единиц, выявлено 255 русских и 181 английских единиц соответственно. Количественное соотношение производных и непроизводных лексем (морфемных и семантических дериватов) представлено в таблице 1.

Таблица 1. – Соотношение русских и английских производных обозначений денег, платежей и финансовых операций и их морфемных дериватов

	Русский подкорпус	Английский подкорпус
Непроизводные обозначения	100	100
Морфемные дериваты	192	163
Семантические дериваты	31	89

Существенное расхождение в числе русских и английских производных связано, во-первых, с большим числом морфемных дериватов, представленных в русских словарях, а во-вторых, большей полисемантической английских лексем. Так, некоторые значения представлены не морфемными дериватами, а семантическими, включая конверсию. Из данных таблицы видно, что на сотню производных русских финансовых обозначений приходится 31 семантический дериват, что на 58 единиц меньше, чем в английском подкорпусе, а также 255 морфемных дериватов, что на 74 единицы больше, чем в английском. Различия в количестве дериватов между двумя языками не представляются существенными для данного исследования, поскольку задача состоит не в сопоставлении одноименных лексических групп в двух языках, а в исследовании лексической структуры частотных обозначений денег, платежей и финансовых операций в каждом языке, в выявлении закономерностей презентации фрагмента картины мира в лексике каждого языка в отдельности.

Результаты исследования и их обсуждение. При ономаσιологическом подходе изучения значения, принятом в данной работе, лексические единицы объединяются на основе «понятийной, содержательной общности внутри той или иной лексико-семантической группы» [6, с. 83].

В результате ономаσιологического анализа производных номинативных единиц, обозначающих деньги, платежи, финансовые операции, были выделены ономаσιологические группы и подгруппы со схожими словообразовательными моделями.

1. Ономаσιологические группы русских и английских субстантивных лексем, обозначающих деньги, платежи, финансовые операции.

1.1. Названия деятелей денег, платежей, финансовых операций довольно широко представлены в лексике обоих языков. Это объясняется тем, что наименования лиц в языке в основном являются однословными прямыми номинациями. В рамках данной группы были выделены следующие подгруппы: 1) названия по профессии (рус. *банкир, бизнесмен, кассир, финансист, экономист*; англ. *cashier* ‘кассир’, *dealer* ‘торговец, перекупщик’, *financier* ‘финансист’); 2) названия по временному занятию (рус. *аукционер, депозитор, инвестор, кредитор*; англ. *auctioneer* ‘аукционер’, *buyer* ‘покупатель’, *debtor* ‘должник, дебитор’, *renter* ‘наниматель, арендатор’, *funder* ‘физическое лицо, финансовая организация или государственное агентство, выделяющее кому-л. средства’); 3) лицо, названное по принадлежности к группе людей (рус. *пенсионер, стипендиат*; англ. *pensioner* ‘пенсионер’, *salariat* ‘служащие’); 4) лицо, выражающее отношение к деньгам (рус. *богач, бедняк, транжир, экономист* в значении ‘бережливый, хозяйственный человек’, англ. *waster* ‘расточитель’). В особую подгруппу стоит выделить английские субстантивы с суффиксами *-ee* и *-er/or*, которые, в частности, используются для описания людей и занимаемых ими должностей. Суффикс *-er/or* используется для описания человека, который выполняет или обеспечивает действие, а суффикс *-ee* описывает человека, который получает действие (англ. *donator* ‘жертвовател, даритель’ – *donatee* ‘лицо, которому адресовано пожертвование’, *payer* ‘плательщик’ – *payee* ‘получатель платежа’, *mortgagor* ‘должник по закладной’ – *mortgagee* ‘кредитор по закладной, кредитордержатель’).

1.2. Названия объектов денег, платежей, финансовых операций мало представлены в материале русского и английского исследуемого подкорпуса, однако их также представляется возможным разделить на подгруппы: 1) отвлеченные, абстрактные понятия (рус. *бухгалтерия, капитализм, стоимость, товарообмен, фондоотдача*; англ. *branding* ‘снабжение товара торговой маркой’, *brokerage* ‘брокераж, маклерство’); 2) конкретные понятия (рус. *копилка, рублевка, ценник*, англ. *coinage* ‘чеканка монет, металлические деньги’). Как показывает анализ исследуемого материала, малая доля объектов денег, платежей и финансовых операций свидетельствует, вероятно, о том, что денежные, финансовые объекты создаются в основном при помощи действий субъектов.

1.3. Отвлеченное название состояний, признаков, свойств, субъектов денег, платежей, финансовых операций. Субстантивы, входящие в данную группу, – производные лексем, образованные от соответствующих прилагательных со значениями отвлеченного признака (рус. *бедность, богатство*; англ. *cheapness* ‘дешевизна’, *poorness* ‘бедность, скудность’, *richness* ‘богатство, изобилие’).

1.4. Отвлеченное название действий субъектов денег, платежей, финансовых операций Лексем данной группы – это отглагольные производные со значением отвлеченного действия (рус. *купля, транжирство, инвестиция*; англ. *payment* ‘оплата’, *wastage* ‘убыток’, *branding* ‘снабжение товара торговой маркой’).

1.5. Диминутивы значительно представлены в подкорпусе русских производных обозначений денег, платежей и финансовых операций (*копеечка, монеточка/монетка, рублик/рубличко, базарчик, грошик, денежки/деньжата/деньжишки/деньжонки*). Среди русских диминутивов, обозначающих объекты денег, платежей и финансовых операций, присутствуют единицы, выражающие пренебрежение и снисходительность. Пренебрежительность является основным значением исторически уничижительных диминутивных суффиксов *-ишк* и *-ечк*, а также других диминутивных суффиксов, в том числе универсальных: *-ок*, *-к(а)*, *-чик*, *-ик* [8, с. 103]. Отсутствие английских диминутивов можно объяснить тем, что англичане предпочитают не демонстрировать эмоции, придерживаются правила «не быть личным», не высказывать неодобрительное отношение [9].

1.6. Феминитивы, или существительные женского рода, соотносительные с однокоренными существительными мужского рода, обозначающие живые существа женского пола [10, с. 262], встречаются как в русском, так и в английском подкорпусе. (рус. *бухгалтерша, инкассаторша*; англ. *saleswoman* ‘продавщица’).

2. Ономаσιологические группы русских и английских глагольных лексем, обозначающих деньги, платежи, финансовые операции.

2.1. Названия действий, совершаемых с деньгами, платежами, финансовыми операциями активнее представлены в русском подкорпусе производных обозначений, чем в английском (рус. *авансировать, арендовать, занять, одолжить, импортировать, премировать, торговать, ценить, штрафовать, экспортировать*; англ. *buyback* ‘выкупать’, *commercialise* ‘извлекать коммерческую выгоду’, *donate* ‘отдавать в дар, жертвовать’, *monetise* ‘пускать деньги в обращение’, *richen* ‘обогащать, богатеть’, *subsidise* ‘субсидировать’, *valuate* ‘ценить’). Среди русских глаголов подкорпуса преобладают суффиксы *-ать/ять*, что по мнению Н.Ю. Шведовой означает «наделять чем-либо – предметом или признаком, названным мотивирующим словом» [11, с. 951]. У английских глаголов подкорпуса в равной мере присутствуют суффиксы *-ise* со значением ‘создавать, действовать и обеспечивать’ и *-ate* со значением ‘воздействие на объект, и в результате этого воздействия меняется признак’.

2.2 Названия состояний. Данная группа представлена только в русском материале (0,52%). В семантике слова *купиться* содержится идея о доведении до какого-либо состояния, нередко с помощью интенсивного или длительного действия. Это значение является субъектным («дойти до какого-либо состояния») [11, с. 967].

3. Ономаσιологические группы русских и английских адъективных лексем, обозначающих деньги, платежи, финансовые операции.

3.1. Названия признака через отношение отражены в русских отыменных прилагательных, образованных от обозначений денег, платежей, финансовых операций (*банкротский, брокерский, букмекерский, бухгалтерский, инкассаторский*). В английском языке признаки через отношение выражаются при помощи притяжательного падежа существительного (*брокерский – broker’s, бухгалтерский – accountant’s*), следовательно, данная ономаσιологическая подгруппа отсутствует в исследуемом подкорпусе [12].

3.2. Названия характеристики предмета, явления, процесса широко представлены как в русском, так и в английском материале. Прилагательные с обозначением денег, платежей, финансовых операций в основном являются дериватами от существительных и лишь немногие являются отглагольными (рус. *ценный, авансовый, грошовый, рублевый, импортный, премиальный, экономный*; англ. *cheapish* ‘дешевый’, *pricy* ‘дорогой, дороговатый’, *rental* ‘арендуемый’, *spendable* ‘расходуемый’).

3.3. Обозначение отсутствия признака у адъективных лексем широко представлено в английском подкорпусе. Прилагательные, входящие в данную группу и имеющие суффикс *-less*, относятся к общему словообразовательному типу (*assetless* ‘без активов, неимущий’, *costless* ‘бесценный’, *debtless* ‘свободный от долгов’, *dividendless* ‘без дивидендов’, *feeless* ‘бесплатный’, *lossless* ‘свободный от потерь, убытков’, *priceless* ‘бесценный, неоценимый’, *profitless* ‘невыгодный, бесполезный’, *taxless* ‘освобожденный от уплаты налогов’, *tradeless* ‘лишенный торговли’, *wealthless* ‘бедный’).

4. Ономаσιологические группы русских и английских адвербиальных лексем, обозначающих деньги, платежи, финансовые операции. Наречия английского анализируемого подкорпуса образуются от соответствующих прилагательных, тесно связаны с ними по семантике и преимущественно обозначают качество, образ/способ действия субъектов (англ. *cheaply* ‘дешево’, *richly* ‘богато, роскошно’, *peculiarly* ‘денежно’). Русские морфемные дериваты в исследуемом подкорпусе отсутствуют. Объясняется это тем, что наречия с обозначениями денег, платежей, финансовых операций мотивированы прилагательными, которые в свою очередь уже являются производными от сотни частотных непродуцированных обозначений. Это значит, что адъективные наречия в исследуемый подкорпус включаться не могут.

Общее количество и удельный вес ономаσιологических групп анализируемых обозначений отражены в таблице 2. Абсолютное отношение лексем определялось лишь для ономаσιологических групп, а не подгрупп, во избежание излишней дробности данных и для большей отчетливости картины.

Таблица 2. – Ономасиологическая организация русских и английских обозначений денег, платежей и финансовых операций

Ономасиологические группы и грамматические разряды морфемных дериватов обозначений денег, платежей и финансовых операций	Русский материал	Английский материал	
Субстантивные обозначения денег, платежей и финансовых операций	названия деятелей	40 (20,8%)	49 (30,06%)
	названия объектов	4 (2,08%)	2 (1,2%)
	отвлеченное название признака	11 (5,7%)	5 (3,07%)
	отвлеченное название действия	10 (5,2%)	13 (7,98%)
	димиутивы	14 (7,29)	-
	феминитивы	2 (1,04%)	1
Глагольные обозначения денег, платежей и финансовых операций	названия действий	29 (15,1%)	11 (6,75%)
	названия состояний	1 (0,52%)	-
Адъективные обозначения денег, платежей и финансовых операций	название признака через отношение	71 (36,9%)	-
	названия характеристики предмета, явления, процесса	10 (5,2%)	53 (32,5%)
	обозначение отсутствия признака	-	16 (9,8%)
Адвербиальные обозначения денег, платежей и финансовых операций	-	14 (8,6%)	
Всего	192	163	

На основании обобщения результатов исследования, анализа слов, можно сделать выводы о значимости ономасиологических групп морфемных дериватов, образованных от сотни самых часто употребляемых обозначений денег, платежей и финансовых операций: самые распространенные ономасиологические группы – адъективы с названиями признака через отношение в русском языке (36,9%), субстантивы с названиями деятелей в английском языке (30,06%). В русском подкорпусе также довольно распространены субстантивы с названиями деятелей (20,8%), глагольные обозначения с названиями действий (15,1%); в английском же материале обращают на себя внимание адъективы с наименованиями характеристики предмета, явления, процесса (32,5%). Для русских и английских финансовых обозначений ономасиологическая группа глагольных наименований состояния является непродуктивной (0,52% для русского и 0% для английского соответственно).

Заключение. Производные обозначения денег, платежей, финансовых операций составляют различные грамматико-категориальные классы, но и в русском, и в английском языках исследуемая финансовая лексика имеет как сходства, так и различия. Субстантивы с названиями деятелей широко представлены в русском и английском материале и организуют такие ономасиологические подгруппы, как названия по профессии; названия по временному занятию; лица, названные по принадлежности к группе людей; лица, выражающие отношение к деньгам. Довольно продуктивно ведут себя и адъективные русские и английские морфемные дериваты. Все вышеперечисленное указывает на то, что в картине мира обоих языков практически каждый субъект связан с деньгами и имеет прямое или косвенное отношение к платежам и финансовым операциям. Широкая представленность финансовых обозначений в глагольных морфемных дериватах свидетельствует о том, что финансовые операции, платежи в русском языке мыслятся процессуально. В рассматриваемом материале есть также указания на то, что платежи и финансовые операции невозможны без участия объектов и субъектов денег, так как все глаголы с семой 'деньги, платежи, финансовые операции' обозначают действия субъектов либо направлены на объект, что отражено в семантике рассматриваемых лексем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников [и др.] ; отв. ред. Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – С. 109–172.
2. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1977. – 264 с
3. Толстая, С.М. Стереотип в этнолингвистике / С.М. Толстая // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии : тез. конф. / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. – М., 1995. – С. 124–127.
4. Апресян, Ю.Д. О Московской семантической школе / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 3–30.
5. Мечковская, Н.Б. Две картины мира: язык и обыденное сознание (информационная фактура, делимитация границ и стереотипов) / Н.Б. Мечковская // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich – 5. Opis, konfrontacja, przekład. – Wrocław, 2005. – S. 227–238.

6. Новиков, Л.А. Семантика русского языка : учеб. пособие / Л.А. Новиков. – М. : Высш. шк., 1982. – 272 с.
7. Гак, В.Г. Ономазиология / В.Г. Гак // Русский язык. Энциклопедия. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1998. – С. 289–290.
8. Фуфаева, И.В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.В. Фуфаева. – Москва, 2018. – 28 с.
9. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 252с.
10. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
11. Русская грамматика : в 2 т. / редкол. : Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980–1982. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. / Н.С. Авилова [и др.]. – 1982. – 783 с.
12. Arnold, I.V. The English Word / I.V. Arnold. – М. : Vishaja Shkola, 1973. – 383 p.

Поступила 07.06.2021

ONOMASIOLOGICAL ORGANIZATION OF MORPHEMIC RUSSIAN AND ENGLISH DERIVATIVES DENOTING MONEY, PAYMENTS, FINANCIAL TRANSACTIONS

A. HALYNSKAYA

The morphemic derivatives of the first 100 frequencies of non-production designations of money, payments, financial transactions in English and the first 100 frequencies of non-production economic data in Russian were considered. The corpus of designations was formed by component analysis of vocabulary definitions in the Collins Online English Dictionary and in the Large Explanatory Mode of the Russian Language. The main onomasiological groups and subgroups of morphemic Russian and English derivatives denoting money, payments and financial transactions (substantive, verbal, adverbial and adjective lexemes) and their proportion were considered. The study showed that the onomasiological structure of the financial designations of the Russian and English languages has more differences than similarities. According to the vocabulary of the studied languages, it was revealed that the doers' names have the highest significance in the English subcorpus, while in the Russian material the name of the attribute through the relation are the most significant.

Keywords: *designations of money and payments, onomasiological organization, substantives, adjectives, verbs, adverbial lexemes, the name of the subject, the name of the attribute, the name of the action, the name of the state, the name of the object.*

УДК: 81'42

**ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
БЕЛОРУССКОЙ СПОРТИВНОЙ РИТОРИКИ**

канд. филол. наук, доц. Т.В. ЕРОМЕЙЧИК
(Минский государственный лингвистический университет)
tatsiana_eromeitchik@tut.by

Статья посвящена рассмотрению спортивного массмедийного дискурса Беларуси, обладающего ярко выраженной прагматической направленностью. Спортивная коммуникация трактуется как один из наиболее значимых общественных феноменов, формирующих социокультурные представления различных социальных групп. Объектом исследования становятся аксиологические экспрессивно-стилистические лингвистические ресурсы, функционирующие в устном спортивном репортаже как наиболее показательном жанре белорусской теле- и радиожурналистики. Автор анализирует их видовое разнообразие, частотность и потенциал использования в качестве инструмента достижения ряда коммуникативно-прагматических установок субъектов спортивной коммуникации.

Ключевые слова: *дискурс спорта, спортивная коммуникация, спортивный комментарий (репортаж), экспрессивность, оценочность, эмоциональность, прагматический потенциал.*

Введение. В последнее время проблемы изучения институционального дискурса находят отражение во все большем количестве исследований, что не удивительно, поскольку представители социальных институтов, выбирая определенный стиль и средства коммуникации, не только осуществляют соответствующее социальное взаимодействие, стремятся достигнуть понимания и согласия, но и формируют уникальную культуру общения с обществом. В свете данной проблемы особый интерес представляет выявление лингвопрагматической специфики спортивного дискурса, который, в отличие от судебного, политического, рекламного и иных видов институционального дискурса, редко выступал в качестве материала научного изыскания.

На сегодняшний день спорт представляет собой один из наиболее значимых общественных феноменов, формирующих социокультурные представления самых широких социальных и демографических групп. Обладая ярко выраженной идеологической направленностью, сфера спорта является источником порождения определенных ценностных установок и смыслов. В этой связи спортивная коммуникация представляет собой интересный материал для изучения лингвистических средств создания особой социальной реальности и воздействия на массовое и индивидуальное сознание.

При этом анализ имеющихся исследований в данной области свидетельствует о том, что спортивная коммуникация является комплексным многофункциональным образованием, включающем в себя другие типы дискурса, что приводит к проблеме определения содержания и границ данного явления. На сегодняшний день существует множество подходов к трактованию спортивной коммуникации и по причине многогранности феномена не существует его общепринятого определения.

В настоящей работе вслед за Е.Г. Мальшевой под спортивным дискурсом понимается сложное дискурсивное образование, дискурсивное пространство, в которое входят дискурсивные разновидности, выделяемые по разным основаниям и критериям (тип субъектно-объектных отношений, жанрово-стилевые и прагматистические особенности текстов, опосредованность / неопосредованность средствами массовой коммуникации, тип канала передачи информации и т.п.), но характеризующееся прежде всего тематической и концептуальной общностью [1, с. 22]. Другими словами, спортивный дискурс – это речь, которая транслирует смыслы, определяющие спортивную деятельность, и совокупность текстов, репрезентирующих данные смыслы.

Вместе с тем большинство исследователей сходятся во мнении, что наиболее «чистым» видом спортивного дискурса является спортивный масс-медийный дискурс, который реализуется в пространстве массмедийной коммуникации (телевидение, печать, радио, Интернет). Его отличительной особенностью становится то, что «между аудиторией и конкретным видом спорта в лице спортсменов возникает медиатор, осуществляющий в той или иной форме коммуникативный акт по поводу спортивной деятельности» [2, с. 139].

Таким образом, спортивный масс-медийный дискурс оказывается направленным не только на освещение актуальных спортивных событий, но и оценку действий их участников, в результате чего реализуется достижение определенных посткоммуникативных эффектов.

Данное положение в полной мере согласуется с функциональным подходом к определению дискурса, положенным в основу настоящей работы, и требует признать убедительной трактовку спортивного дискурса, предложенную Р.Л. Гутцайт, согласно которой данный феномен выступает в качестве «особого

вида коммуникации, возникающего как реализация физиологических, информационных, рекреативных и других видов потребностей субъектов спортивной практики» [3, с. 8]. Подобное понимание позволяет рассматривать лингвистические средства спортивной коммуникации как инструмент достижения определенных коммуникативно-прагматических установок.

Основная часть. Целью настоящей работы стал анализ языковой составляющей коммуникативных потоков спорта Республики Беларусь. Несмотря на то, что коммуникативное пространство спорта отличается значительным жанровым разнообразием, большинство исследователей в качестве основного жанра выделяют спортивный комментарий (репортаж). В современных условиях он приобретает черты массмедийного дискурса, обладающего высоким суггестивным потенциалом. Вследствие этого выявление роли языковых средств различных уровней в решении основных прагматических задач спортивной коммуникации осуществлялось нами на примере классического устного спортивного репортажа как наиболее показательного жанра белорусской теле- и радиожурналистики.

Как отмечает Н.А. Пром, «к комплексу основных жанрообразующих признаков репортажа спортивной тематики относятся его информативно-развлекательная коммуникативная направленность, диалогичность, определяющая набор специфических предметов информирования, нарративный характер передачи событийного содержания, реактивность фактора прошлого и обусловленный прагматическим воздействием на адресата фактор будущего, особая структурная организация текста и специфическая система языковых средств выражения жанра» [4, с. 8–9]. Главным действующим лицом спортивного репортажа является субъект восприятия как носитель определенного эмоционального состояния, реализующий анализ, разъяснение происходящих событий, установление причинно-следственных связей и прогнозирование дальнейшего хода событий. В этой связи неотъемлемым элементом репортажа становится комментирование, которое выводит на передний план субъективное восприятие спортивного повода. Так, в роли медиатора спортивного события комментатор вкладывает в телевизионную коммуникацию авторское видение игры, ментальный опыт, эмоции, оценки, языковое мастерство и становится полноправным соавтором медиапродукта [3, с. 6].

Взаимодействие с аудиторией в пределах данного жанра осложнено повышенной эмоциональностью восприятия, свойственной спортивному контексту, задачей передачи зрелищности спортивного события, присутствующими симпатиями и антипатиями аудитории, необходимостью реагировать на происходящее в режиме реального времени и в соответствии строить свою речь. Задача информирования аудитории через отражение динамики развития события и в то же время осуществления аналитико-оценочной, развлекательной, идеологической функций делает проблему кода и стиля в дискурсе спортивного репортажа необычайно острой.

Основополагающую роль в реализации указанных целей играют эмотивность, оценочность и экспрессивность, которые в контексте спорта находятся в глубоком взаимодействии и взаимопроникновении.

Согласно современным лингвистическим концепциям, эмотивность представляет собой языковую репрезентацию эмоций – сложных психофизиологических образований, все определения которых в психологии так или иначе акцентируют их связь с оценочной деятельностью субъекта. А.Н. Леонтьев, в частности, определяет эмоции как психические состояния человека, выражающие его личностное отношение к внешним ситуациям и своей деятельности в них [5, с. 37].

Оценка представляет собой социально устоявшееся, закрепленное в семантике языковых единиц положительное или отрицательное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта к объектам действительности, как компонент, который можно выделить в сложном взаимодействии субъекта оценки и ее объекта [6, с. 6]. На основании указанных трактовок можно сделать вывод, согласно которому эмотивность и оценочность – категории не тождественные, но связанные между собой. Это означает, что не все оценочные единицы передают эмоциональное состояние. Как справедливо отмечает Е.М. Вольф, «оценка – это мнение субъекта о ценности объекта, а эмоция – это переживание субъектом данного мнения» [6, с. 20]. То есть эмотивность будет присутствовать только в семантической структуре слов с эмоционально-оценочным, а не с рационально-оценочным значением.

Вопрос о корреляции оценки и экспрессивности также остается дискуссионным и в работах лингвистов решается по-разному. Анализ существующих дефиниций понятия *экспрессивности*, позволяет выделить следующие общие признаки данной категории: 1) выражение эмоциональной оценки предмета речи; 2) интенсивность, либо усиление, связанное с дополнительной качественной или количественной характеристикой явления (с точки зрения логики, интенсивность является разновидностью оценки, поскольку оценка может быть как качественной, так и количественной); 3) увеличение воздействующей силы высказывания. М.Я. Блох и Н.В. Ильина, тем не менее, подчеркивают принципиальные различия категорий экспрессивности, оценки и эмотивности, указывая, что первая из них выявляется в целенаправленном воздействии на слушателя посредством повышения впечатляющей силы высказывания. Эмотивность, в отличие от экспрессивности, выражает возбужденное состояние говорящего, личные чувственные отношения к действительности, в то время как оценочность связана с отражением меры соответствия объекта эталону

по некоторому свойству [7, с. 20]. На основании изложенного нам представляется оправданной возможность сделать вывод о том, что экспрессивный и оценочный аспекты значения слова (высказывания) существуют независимо друг от друга. Экспрессивность возникает только тогда, когда оценка появляется как непосредственная реакция на событие.

Таким образом, задачей настоящего исследования стало рассмотрение аксиологического аспекта спортивной коммуникации, а также фонетических, лексических и синтаксических образных средств вербализации оценочных значений.

Материалом для исследования послужили 100 репортажей, проведенных с наиболее популярных в Беларуси хоккейных матчей в период с 2018 по 2021 гг.

Первичный анализ экспериментального корпуса показал, что главной отличительной чертой спортивной коммуникации Беларуси является ее экспрессивность и высокая оценочная плотность, идентифицированная практически в 100% репортажей: 1) *Было некалькі правалаў, аднак большую частку сустрэчы правялі ўпэўнена*; 2) *Красиво разыграли большинство!* 3) *Очень опасно у ворот Энрота!* 4) *Жаль, Когалев отдал неудобную передачу своему партнеру*; 5) *2:0! Зноўку нашы выкарыстоўваюць большасць. Гэта напросту свята, ніяк іначай!* 6) *Ух, моментице! Стась из-за ворот отдал нас на одинокого Ефименко*.

При этом в качестве частных оценок комментаторы наиболее часто употребляют: 1) глаголы: *вылез, вырвался, умудрился, обокрал, порадовал, активничать* и т.д.; 2) существительные: *красавец, умничка, супершанс, молодцы, матч-позор* и т.д.; 3) прилагательные: *злой, красивый, супертрудолюбивая, толковый, бездарный* и т.д.; 4) наречия: *бесхитростно, осторожно, уверенно, классно, потрясающе, мощно, прыгожа, бягла* и т.д.; 5) междометия: *о, ах, ну, тьфу, увы, ура, ой-е, блин, о-па* и т.д.

Показательно, что нередко аксиологические суждения гиперболизируются в целях большей экспрессии: 1) *Платт выдалены на 2 хвіліны. Публіка ў эстазе*; 2) *Однако удалили Платта совсем не за это, а за нарушение экипировки. Но случилось это уже после того, как его пнул каждый, кому не лень*.

При этом в ряде случаев наблюдается и диаметрально противоположная тенденция. В целях снижения категоричности высказываемых оценок и нейтрализации негативных аксиологических итогов комментаторы нередко прибегают к деинтенсификаторам, модальным операторам, кванторным словам, предикатам мнения и т.п.: 1) *Скорости, кстати, весьма приличные. Команды действуют на встречах курсах. Игра довольно хорошо смотрится*; 2) *«Югра» вроде бы становится менее настойчивой в наступлении. Хотя, возможно, это обманчивое впечатление*; 3) *В целом, игра равная. По крайней мере, минчане смотрятся достойнее, чем на прошлой неделе*; 4) *Как-то вальяжно хозяева себя почувствовали*.

Отметим, что одним из наиболее доступных способов репрезентации аксиологических суждений, привлечения внимания к выражаемой оценке, а также создания ярких запоминающихся образов является метафоризация спортивной коммуникации (76% случаев): 1) *Калеснік замест сваіх абаронцаў выдаў перадачу Мацярухіну. На жаль, українец не скарыстаўся прэзентам*; 2) *Самое время размочить Еремеева. Правда, вратарь по-прежнему безупречен*; 3) *Экзамен «Атлантом» Мильчаков не выдержал. Но в педагогических целях Покович снова выпустил белорусского кипера в старте*. Согласно эмпирической базе при формировании спортивных метафор наблюдается проекция образов, как правило, военной сферы, что можно объяснить конфликтностью самой сферы спорта: 1) *Динамоўцы пытались переломить ход встречи и забросили в большинстве усилиями Уиркоша*; 2) *Бэйлен в самом начале второго периода отыскал дырицу в обороне гостей*; 3) *Шайба отскочила от защитника «Локомотива» прямо на крюк ветерану. Тот в упор расстрелял ворота Коновалова*.

Второй особенностью спортивного комментирования является частая встречаемость метонимического блока, позволяющая создать эффект естественной разговорной речи (60% случаев): 1) *Зубры больше создают, но проценты с вкладов не снимают*; 2) *Очень простая шайба, Минск-Арена даже не успела понять, что произошло*; 3) *Разладилась игра у «Динамо» в последние несколько минут – с трудом пересекают красную линию, но и питерцам шайбу не отдают*. Как видно из примеров, объектами указанной номинации становятся, как правило, игроки спортивных команд.

К числу наиболее распространенных лексических средств экспрессии в спортивном репортаже относятся также эпитеты (58% случаев), позволяющие создавать яркие интересные образы и интенсифицировать оценку: 1) *Комбинацию завершил Кучерявенко уверенным броском в пустой угол ворот*; 2) *Очень грубая ошибка динамовцев*.

Сходным функциональным назначением и эффектом, а также высокой частотностью (50% контекстов) обладает использование различных элементов чужого текста, используемого как в канонической форме, так и трансформированной: 1) *Варфоломеев поставил жирную точку, отправив снаряд сильнейшим броском под перекладину*; 2) *В пух и прах проиграли минчане «Атланту» 1:7*; 3) *Кстати, добить дал... Дерек Мич. И смех, и грех*; 5) *У Иргла шайба сышла з кручка*; 6) *Посмотрим, кому улыбнется удача*; 7) *Шанс упущен. Шансов больше нет*.

При этом, как видно из приведенного выше примера, нередко можно констатировать наличие в спортивном репортаже приема повтора как отдельных лексических единиц, так и их конститuentов,

который позволяет создать впечатление особой важности и интенсивности происходящих событий (35% контекстов): 1) *Да, имел место офсайд. Убереглись динамовцы. Уберегся Энрот, не выручивший в этом эпизоде со взятием своих ворот. Опасно! Не глядя, в пустой угол добывает Бут – чуточку мимо! Еще опаснее;* 2) *ГОООООООООЛ!!! 0:2! Коголев! Здорово!* 3) *Были высокие скорости, были опасные моменты у ворот обеих команд. Были моменты для взятия ворот у обоих вратарей, но они ими не воспользовались.*

Особый динамизм, накал страстей передают часто встречающиеся в контексте спортивного дискурса бессоюзные конструкции (35% контекстов), создающие особую ритмическую организацию аксиологических суждений: *Виктор Лёв! Все сделал Лёв самостоятельно. Взял он инициативу на себя, вошел в зону соперника, обыграл финтом троих защитников и с ближней дистанции вколотил снаряд под перекладину.*

Также следует подчеркнуть, что в некоторых случаях комментаторы в целях повышения зрелищности, вовлечения аудитории и создания видимости диалога с болельщиками прибегают к использованию вопросительных конструкций, которые дают возможность не только настроить аудиторию эмоционально, но и вовлечь ее в спортивное мероприятие, удовлетворить потребность в сопереживании игры (24% репортажей): 1) *Меньше двух минут остается до сирены. Продержатся?* 2) *Будет еще одно удаление у соперника. Будет толк?* 3) *4:1! «Динамо», давай до свидания?* 4) *Третий период начался. Смогут ли отыграть хозяева?* 5) *Ну вот к высоким скоростям добавились заброшенные шайбы, удаления и локальные стычки. Так интереснее? Возможно;* 6) *Острые моменты. Как там принято говорить в таких случаях? Игра кость в кость.*

Кроме того, чтобы минимизировать существующую дистанцию статусно-неравных участников спортивной коммуникации, адресант включает в дескрипцию разговорные единицы, свидетельствующие о вовлеченности самого автора и спонтанности его речи (16% случаев): 1) *Гости несколько сбавили обороты, игра преимущественно проходит в средней зоне;* 2) *А вот и Бут здорово приложился;* 3) *Будет ли продолжение – зависит от «Динамо». Времени еще вагон;* 4) *Круто, конечно, зрители представили игроков «Динамо»;* 4) *Защитник Кадейкин, тот самый, который профукал Ефименко в первом периоде, исправился во втором;* 5) *Игрл подкараулил ошибку соперников в их зоне, подхватил шайбу, бросил. Напряг Ежова;* 6) *Момент имел все тот же Лайне. Не прет сегодня Теему.*

В ряде случаев наблюдается использование окказиональных словоформ, призванных обеспечить непринужденность, доступность коммуникации: 1) *Счет на табло ничейный;* 2) *Так что вполне смотрибельный хоккей;* 3) *Совсем ничего не делают хозяева, чтобы отыграть. Может, и хотят, но хотения сегодня мало.*

Как показал анализ фактологического материала, экспрессивными средствами, обладающими низкой частотой встречаемости в спортивном репортаже, являются сравнения (15% случаев): *Но броски для голкиперов пока из разряда разминочных;* ирония (9% случаев): *Игра по-прежнему преимущественно проходит в одной зоне. Не сложно догадаться, в какой именно;* антитеза (4% случаев): *Вот так вот. Мы здесь проанонсировали борьбу, а вышел пижк.*

Показательным является и сам аксиологический полюс высказываний. Здесь явно прослеживается оппозиция «свой – чужой», которая диктует позитивную или нейтральную квалификацию своих спортсменов, и негативную – представителей команды соперников. Результативные действия противников получают в большинстве случаев сдержанную положительную оценку, в то время как оценка собственных успехов всячески гиперболизируется. При этом наиболее распространенным средством усиления апеллативности высказывания и интенсификации экспрессии аксиологических значений является употребление восклицательного знака: *«Амур» забрасывает третью шайбу – 3:2. Отскок от борта смутил защитников. Один пас и Руденков расстрелял пустой угол ворот! И тут же минчане сравнивают счет – 3:3!!! Хет-трик Андрея Костицына! Сумасшедшая концовка третьего периода!*

Причем в ситуации проигрыша белорусских спортсменов коммуникативное поведение комментатора направлено на минимизацию ущерба для их образа, формирование у аудитории оправдательного отношения и смягчения возможного недовольства: 1) *Чемпионы усиливают давление, но минчане же грамотно играют по счету;* 2) *Дзьеркал забросил. Энроту плотно закрыли обзор, ничего не видел вратарь минского «Динамо»;* 3) *Минчане на фоне заброшенной шайбы стремятся развить успех и явно добавили в активности по сравнению с предыдущими третьими;* 4) *Обнадеживает, во всяком случае, что сегодня сведены к минимуму ошибки и обрезаки в своей зоне;* 5) *Преимущество «Медвежцака» в целом было неоспоримо, но отрезками «Динамо» оставляло приятное впечатление;* 6) *Не получилось сегодня у «Динамо» одержать победу. Что ж, будем ждать лучших времен.*

Заключение. Таким образом, проведенное исследование дает основание утверждать, что выбор языковых средств в рамках спортивного дискурса не является нейтральным. Преобладание аксиологических экспрессивно-стилистических средств в спортивной коммуникации обусловлено реализуемой ими воздействующей, эстетической, компрессионной и аттрактивной функциями, направленными на решение

специфических коммуникативных задач ее участников, в частности, стремлением сформировать позитивное общественное мнение по поводу спортивных событий, сконструировать положительный имидж белорусских спортсменов, а также стимулировать эмпатию и вовлеченность аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малышева, Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование / Е.Г. Малышева ; науч. ред. Н.А. Кузьмина. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. – 324 с.
2. Филимонова, Е.П. Спортивный дискурс в координатах институционального дискурсивного пространства / Е.П. Филимонова // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Сер. 2, Филология и искусствоведение. – 2016. – Вып. 4. – С. 136–140.
3. Гутцайт, Р.Л. Спортивное комментирование и его роль в медиатизации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Р.Л. Гутцайт ; РУДН. – Москва, 2012. – 18 с.
4. Пром, Н.А. Современный газетный спортивный репортаж: жанрово-стилистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.А. Пром ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2011. – 23 с.
5. Леонтьев, А.Н. Потребности, мотивы, эмоции : конспект лекций / А.Н. Леонтьев. – М. : МГУ, 1971. – 40 с.
6. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф ; АН СССР, Ин-т языкознания ; под ред. Г.В. Степанова. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
7. Блох, М.Я. Структура и семантика оценочной конструкции / М.Я. Блох, Н.В. Ильина // Функциональная семантика синтаксических конструкций : межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина ; редкол.: М.Я. Блох (отв. ред.) [и др.]. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. – С. 14–23.

Поступила 18.03.2021

EXPRESSIVE-STYLISTIC MEANS OF BELARUSIAN SPORTS RHETORIC

T. EROMEITCHIK

The article is aimed at exploration of the sports media discourse of Belarus, which has apparent pragmatic orientation. Sports communication is interpreted as one of the most significant social phenomena that form the socio-cultural perceptions of the broadest social and demographic groups. The object of the research is axiological expressive-stylistic linguistic resources that function in oral sports reportage as the most indicative genre of Belarusian television and radio journalism. The author analyzes their species diversity, frequency and potential of the use as a tool for achieving a number of communicative and pragmatic purposes of sports communication subjects.

Keywords: *sports discourse, sports communication, sports commentary (reportage), expressiveness, evaluativeness, emotionality, pragmatic potential.*

УДК 811.161.3'373(045)

СРОДКІ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ ПАНЯЦЦА ПАРАЖЭННЕ
Ў БЕЛАРУСКАЙ МОЎНАЙ КАРЦІНЕ СВЕТУ

А.А. КУЦ

(Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт)

Дадзеная праца ўяўляе сабой апісанне фрагмента беларускай моўнай карціны свету «Паражэнне», які можа быць крыніцай матэрыялу для беларускага лінгвакразнаўчага слоўніка. У артыкуле вызначана сукупнасць прыкмет, якія складаюць ментальную сутнасць паняцця «паражэнне», выяўлены асноўныя лексічныя рэпрэзентацыі паняцця, складаныя сумешчаныя рэпрэзентацыі, устойлівыя асацыятыўна-вобразныя рэпрэзентацыі. Лінгвістычныя даныя атрыманы ў выніку аналізу 500 кантэкстаў газетна-публіцыстычнага стылю, знойдзеных у выданнях «Звязда» і «Наша Ніва», матэрыялы якіх змяшчаюцца ў Беларускай N-корпусе.

Ключавыя словы: моўная карціна свету, паняцце, ідэаграфічны прыцып апісання лексікі, ментальная сутнасць паняцця, лексічная рэпрэзентацыя паняцця.

Моўная карціна свету – гэта прадукт свядомасці, вынік узаемадзеяння мыслення, рэчаіснасці і мовы як сродку выказвання думак аб свеце ў актах камунікацыі [1, с. 188], моўнае чляенне свету, упарадкаванне прадметаў і з’яў, інфармацыя пра свет, якая закладзена ў сістэмных значэннях слоў [2, с. 38]. Моўная карціна свету ўяўляе сабой абстракцыю. Аб’ектыўна існуюць і могуць быць прааналізаваны моўныя карціны свету толькі канкрэтных нацый. *Нацыянальная моўная карціна свету* ёсць «вынік фіксацыі аб’ектыўнага свету моўнай свядомасцю канкрэтнай моўнай супольнасці, канкрэтнага этнасу» [3, с. 113]. Такім чынам, беларуская мова паўстае не толькі сродкам пранікнення ў арганізацыю ментальнай сутнасці ключавых паняццяў *беларускага этнасу*, але і сродкам яе даследавання.

Асаблівую актуальнасць на сучасным этапе развіцця беларускай лексікаграфічнай справы набывае апісанне ключавых паняццяў беларускай культуры, складанне фрагментаў слоўнікавых артыкулаў, якія фіксуюць культурна-нацыянальныя ўяўленні беларусаў аб рэчаіснасці, адметнасць і самабытнасць сучаснага стану беларускай мовы. Мова ўяўляе сабой семіятычную сістэму, якая складаецца з абагульненых патэнцыйных знакаў (слоў). Патэнцыял слова ў цэлым і яго культуралагічны патэнцыял вызначаюцца менавіта пры ўжыванні ў тэксте. У тлумачальных слоўніках адлюстроўваюцца толькі самыя агульныя і істотныя прыкметы прадмета або з’явы – *лексічнае паняцце*. Сродкам пашырэння лексічнага паняцця можа быць *лексічны фон*, частка семантыкі слова, дзе захоўваецца нацыянальна-культурная інфармацыя [4, с. 2; 5, с. 73]. *Лексічны фон* вызначаюць праз разгортванне ў схаваным выглядзе інфармацыі ў мастацкіх і публіцыстычных тэкстах [5, с. 133]. Асаблівую актуальнасць для разгортвання ў схаваным выглядзе нацыянальна-культурнай інфармацыі ўяўляюць сабой тэксты газетна-публіцыстычнага стылю. У адрозненне ад іншых стыляў, яны характарызуюцца ўніверсальнасцю і актуальнасцю, перыядычнасцю і публічнасцю, а таксама ўласцівасцю масавай чытальнасці. Адпаведна, гэта дазваляе тэкстам газетна-публіцыстычнага стылю як фіксаваць, так і аказваць уплыў на сучасны стан беларускай моўнай карціны свету. Я.М. Верашчагін і В.Р. Кастамараў перакананы, што пацвярдзальныя спасылкі як на класічныя тэксты, так і на газеты і часопісы, маюць аднолькавую доказную сілу [5, с. 433].

З аднаго боку, паняцце – гэта прадукт разумовай дзейнасці і вынік пазнання, у якім рэзюмуецца пэўная сукупнасць ведаў, таму яно функцыянуе ў якасці інструмента класіфікацыі. Так, паняцце ўяўляе сабой правіла, прымяненне якога да апісання аб’екта дазваляе вызначыць прыналежнасць дадзенага аб’екта да таго мноства, якому адпавядае найменне, што разглядаецца. З іншага боку, паняцце мае план выражэння – лексему, таму яно належыць узроўню мовы [4, с. 13]. У дадзеным артыкуле апісанне паняцця *паражэнне* згодна з прыцыпам пабудовы слоўнікавых артыкулаў [6], умоўна падзелена на 2 часткі, у якіх адлюстроўваецца ментальная сутнасць паняцця і асноўныя сродкі яго рэпрэзентацыі. Прадстаўленыя ў артыкуле даныя атрыманы ў выніку аналізу семантыка-сіntaxічных асаблівасцей адзінак у 500 кантэкстах артыкулаў «Звязды» і «Нашай Нівы», у якіх актуалізуюцца слова *паражэнне*. Усе разгледжаныя артыкулы размешчаны ў Беларускай N-корпусе [7].

Першая частка прадстаўлена ў выглядзе разгорнутай слоўнікавай дэфініцыі, якая складаецца з сукупнасці кагнітыўных прыкмет. Такая сукупнасць кагнітыўных прыкмет ёсць ментальная сутнасць паняцця. Паняцце ўяўляе сабой іерархічна арганізаваную паліваюю структуру, скампанаваную на падставе ідэаграфічнага прыцыпу апісання лексікі.

Так, **ядро паняцця *паражэнне*** прадстаўлена сукупнасцю базавых кагнітыўных прыкмет, атрыманых на аснове метаду абагульнення слоўнікавых дэфініцый слова «паражэнне» на падставе тлумачальных слоўнікаў беларускай мовы [8–10]: *поўны разгром праціўніка, чалавека, які імкнецца перамагчы іншага,*

пазбаўленне яго бяздольнасці з прычыны няўдачы, пройгрышу, адмоўнага выніку, няшчаснага збегу абставін у чым-небудзь.

Прыядзерная зона паняцця *паражэнне* змяшчае істотныя кагнітыўныя прыкметы (абумоўленасць, аб'ектнасць, суб'ектнасць, працягласць у часе і прасторы, форма), якія канкрэтызуюць паняцце. Такім чынам, *паражэнне* ўяўляе сабой значную адмоўную сацыяльную падзею, якая з'яўляецца вынікам беспаспяховай чалавечай дзейнасці. Часцей *паражэнне* мае месца пры адсутнасці пэўных станючых якасцей у чалавека і валявога ці рашучага прымянення намаганняў (разумовых або фізічных), накіраваных на паспяховае пераадоленне перашкоды ў спартыўнай, палітычнай, ваеннай, рэлігійнай, любоўнай сферах: *Досвед нашага паражэння ў Расіі і Беларусі гаворыць аб тым, што дзейнічаць трэба імкліва і жорстка, каб не было падстаў да гэтага вяртання. Бо вяртанне магчыма* (Наша Ніва); *Галоўны трэнер зборнай выказаў упэўненасць у тым, што гісторыя з «Кубкам Палесся», на якім, нагадаем, каманда ў лістападзе 2011 года зведла поўнае фіяска, калі з буйным лікам прайграла ўсе матчы і **прадэманстравала вельмі слабую гульню, не паўтोरыйца.** «Зараз у нас абсалютна іншая каманда, іншы ўзровень. У Гомелі гэта быў своеасаблівы няўдалы эксперымент»* (Наша Ніва). *Паражэнне можа быць абумоўлена суб'ектыўнымі фактарамі, напрыклад, памылкай чалавека ў якой-небудзь справе, пачынанні (пракол, асечка, агрэх, памарка): Нямецкіх палітыкаў падводзіць «райнэ фэрнунфт» – чыстае мысленне: яны спачатку прадумваюць тэзіс, а потым упарта яго адстойваюць. І толькі ў выніку фіяска пачынаюць разумець, што зрабілі памылку* (Наша Ніва); аб'ектыўнымі – наяўнасцю падзей, якія перашкаджаюць перамагчы: *Прыхільнікі піцёрскай каманды кінулі на поле нетарду, якая параніла галкіпера сурпернікаў Антона Шуніна, за што «Зеніту» было залічана тэхнічнае паражэнне* (Наша Ніва); *Такім чынам, галоўнай прычынай пройгрышу Францыі назвалі суровую зіму (46%) і толькі потым успомнілі пра гераізм рускіх салдат (41%)* (Звязда); ці абставінамі: *адсутнасць вопыту; няздатнасць; адсутнасць зладжанасці ў дзеяннях; залішняе хваляванне; бязгледзя, непрафесійная, неахайная праца.*

Чалавек, аналізуючы існуючыя абставіны, можа заўважыць якія-небудзь прыкметы, сітуацыі, якія прадказваюць паражэнне. Такімі прыкметамі могуць служыць інтуітыўныя прадчуванні, прадказанні, заснаваныя на аб'ектыўных фактах: *Букмекеры і футбольныя спецыялісты яшчэ да пачатку матча прадракалі беларусам паражэнне. Да гэтага іх прымушалі не толькі траўмы лідараў нашай зборнай, але і тое, што славакі перад пятнічнай гульні былі звышматываваныя* (Звязда). Аднак адзначаны выпадкі, калі паражэнне цяпіць бок, які не мае на тое ніякіх перадумоў. У гісторыі вядомыя выпадкі, калі паражэнне цярпелі сілы, якія значна перавышалі саперніка па магутнасці і колькасці: *Аршанская бітва, адбылася 8 верасня 1514 года, у ёй удзельнічала войска ВКЛ пад кіраўніцтвам князя Канстанціна Астрожскага (прыблізна 30 тыс.), якое выступіла супраць маскоўскіх атрадаў Івана Чалядніна і Міхаіла Булгакава-Голицы (каля 80 тыс.), у яе выніку адбылося паражэнне маскоўскіх атрадаў, **нягледзячы на значную колькасць перавагу*** (Наша Ніва); *Горшае паражэнне ў нашай гісторыі. Англія прайграла краіне, дзе вулканаў больш, чым прафесійных футбалістаў. Ісландцы гулялі выдатна* (Звязда).

Шматвяковы вопыт народа прасочваецца ў разгортванні адносінаў паміж суб'ектам і іншымі катэгорыямі мовы [2, с. 96]. У розны час **суб'ектам і аб'ектам** паражэння можа з'яўляцца як адна і тая ж **асоба ці індывід** (Аляксей Калужны, Вікторыя Азаранка, Вольга Гаварцова, Іван Ціхан, Канстанцін Астрожскі, Максім Мірны, Сяргей Жыгалька, Сяргей Кісляк, Уладзімір Пуцін), так і **група асоб** (апазіцыя, войска, баскетбалісты, зборная Беларусі, каманда, клуб, маскоўскі атрад, немцы, паліцаі, фашысты; Вайна – гэта барацьба, у ёй ёсць пераможцы і пераможаныя, пераможцы – гэта савецкія салдаты, падпольшчыкі, партызаны, а пераможаныя – гэта немцы і паліцаі (Наша Ніва). **Суб'ектам паражэння таксама зафіксаваны і абстрактныя сутнасці** (жыццё пацярпела паражэнне, фіяска цярпіць канцэпцыя, паражэнне рэжыму, поўнае фіяска эканамічнай мадэлі, фіяска ранейшых абяцанняў, паражэнне гвалту). У некаторых прыкладах само паражэнне выступае **суб'ектам** дзеяння: ***паражэнне не дазваляе** камандзе падняцца вышэй 9-га радка; **паражэнні робяць чалавека мацнейшым; яго чакала фіяска.*** Неабходна адзначыць, што аб'екты паражэння ніколі не застаюцца ў статусе пераможаных перманентна, таксама як і суб'екты, якія нанеслі паражэнне. Гэтыя статусы часовыя і могуць чаргавацца: *Роўнасьць перад Богам замяняецца роўнасцю шанцаў і магчымасці для пераможцы і пераможанага памяншаецца месцамі* (Наша Ніва).

Суб'екты паражэння атрымліваюць мянушкі, якія ўзвядзюць іх: *Нязломны; Грозны; Адважны; Люты. Аб'ектаў* паражэння часцей за ўсё называюць словамі, якія, наадварот, прыніжаюць іх годнасць: *няўдачнік, лузер; (Тым не менш, у «кубку лузераў», як крыўдна назваў гэты турнір спартакавец Бранка Радзівоевіч, беларусы пачалі выступаць нядэрна* (Звязда); *За два туры да фінішу вызначыліся два з трох няўдачнікаў чэмпіянату Беларусі па футболе сярод камандаў вышэйшай лігі – гэта мінскі «Лакаматыв», які дэбютаваў у гэтым сезоне, і ждановіцкая «Дарыда», якая выступала сярод наймацнейшых з 2003 года* (Звязда).

Рэалізуецца паражэнне падчас розных мерапрыемстваў (палітычных, ваенных, эканамічных, спартыўных, навучальных, сацыяльна-бытавых): *конкурсы, кубкі, матчы, паядынкі, дэбаты, чэмпіянаты, турніры, алімпіяды* (прадметныя, спартыўныя), *спартакіяды, святы, кампаніі, турзлёты, гонкі* (палітычныя).

Паражэнне рэалізуецца ў часе. Назіраецца тэндэнцыя пазначаць дату падзеі: *19 лістапада каманда саступіла чэмпіёну Расіі «Салавату Юлаеву» з лікам 1:3* (Звязда). Перад паражэннем і пасля яго

вылучаюцца этапы, кожны з якіх мае пэўныя часавыя інтэрвалы: інтэрвал часу перад паражэннем, кульмінацыйны пункт, які азначае сам момант паражэння, і этап пасля – своеасаблівую развязку. Па працягласці этапы бываюць рознымі, так, калі пасля паражэння суб'ект не знаходзіць маральных сіл трымацца, ён можа сысці ў доўгатэрміновую дэпрэсію, некаторыя разумеюць, што трэба як мага хутчэй забыцца пра паражэнне і ісці далей: *Баяўся, каб яны не апусцілі пасля гэтага рукі, змаглі псіхалагічна вытрымаць паражэнне, – адзначыў кіраўнік федэрацыі (Звязда); Але важна хутка забыць пра гэту перамогу – гэтак жа, як хутка трэба забываць і пра паражэнні (Звязда)*. Пераможаныя найчасцей жадаюць аднавіць чысціню свайго імя, рэпутацыі, інакш кажучы, рэабілітавацца пасля таго, як іх напаткала няўдача: *Пасля нядаўняга вялікага паражэння ад паўночнаірландцаў (0:3) беларускім футбалістам вельмі хацелася рэабілітавацца перад балельчыкамі (Звязда); Гаспадары шосты раз сталі пераможцамі турніру, узяўшы «рэванш» за летаўныя паражэнне (Наша Ніва)*.

Паражэнне можа быць графічна аб'ектывавана ў выглядзе лініі, якая рухаецца наперад і рэзка ўніз: *Па-рознаму рэагуюць людзі на ганьбу і паражэнне. Адных няўдачы апускаюць яшчэ ніжэй, на дно, адкуль не падняцца; для іншых яны могуць зрабіцца той стартавай сілай, той іскрай, якой якраз і бракавала, каб разгарэўся ў іхнім жыцці вялікі і яркі агонь (Звязда); Ведаецца, лепі пачаць з паражэнняў, чым адразу ўзняцца на вяршыню, а потым зваліцца з яе. Па лесвіцы патрэбна ўзнімацца паступова – у гульнявым, эмацыянальным плане. (Звязда)*. Так, перамогі і паражэнні асацыіруюцца з рухам па лесвіцы. Рух уверх ці ўніз можа быць як павольным, так і імклівым: *Гаспадары пацярпелі першае паражэнне, саступіўшы 13 студзеня бельгійцам з лікам 0:1 (Звязда)*. Такім чынам, паражэнне – гэта «крок уніз». Каб утрымацца на пазіцыі пераможцы і не сысці ўніз, трэба многа працаваць: *Пераможаныя пераможцы мусяць зразумець, што нешта ў свеце змянілася і без сур'ёзных укладанняў у спорт нельга заставацца на вышыні (Наша Ніва)*.

Рух пачынаецца з кропкі-зачыну і працягваецца ў кірунку да свайго кульмінацыйнага пункта: *Каманду на берагах Нёмана арганізавалі год таму, але яна нечакана для многіх вокалгенна апынулася ў эліце беларускага міні-футбола. Пасля двух тураў на рахунку калектыву нічыя і паражэнне (Звязда)*. «Знаходжанне пераможаных унізе» спраўджаецца наяўнасцю прыназоўніка *над* у пэўных словазлучэннях: *перамога над шведамі, перамога яўрэяў над ворагам*. Так, «шведы» і «ворагі» – гэта тыя, каму *нанеслі* (тут прыстаўка «на», таксама сведчыць аб накірунку «зверху ўніз») паражэнне, а гэта значыць – «знаходзяцца ўнізе». Гэта асаблівасць таксама пацвярджаецца прыкладамі, дзе слова «саступілі» азначае «рух уніз»: *А вось на выезде двойчы саступілі – венгеркам і ізраільцянкам. Асабліва крыўдным было другое паражэнне, усяго два пункты (Наша Ніва)*. У наступным сказе: *Люіс вельмі вопытны спецыяліст, выдатна дапамог выбрацца з псіхалагічнай ямы пасля паражэння ад расіян (Звязда)* – слова «яма» азначае паглыбленне ў зямлі, аб'ект, які знаходзіцца ніжэй за ўзровень паверхні зямлі, дзе звычайна ходзяць людзі.

Перыяд пасля паражэння характарызуецца пэўнымі падзеямі: **пазбаўленнямі, паніжэннем у статусе, іншы раз уручэннем суцэсальных узнагарод, выходам задзейнічаных у паражэнні асоб, пошукам вінаватых, прызнаннем паражэння, падвядзеннем вынікаў**.

Вынікам паражэння выступаюць адначасова два планы: станоўчы, для боку, які атрымаў перамогу, і адмоўны, для боку, які пацярпеў паражэнне. Станоўчы / адмоўны план мае на ўвазе авалоданне / страту матэрыяльных альбо духоўных выгод, здабыццё / страту статусу ў грамадстве. Так, у пераможаных найчасцей адбіраюць што-небудзь (тытул, званне, магчымасць прымаць удзел у далейшай барацьбе), пакідаюць без чаго-небудзь (прызоў, матэрыяльных узнагарод, пашаны): *3 15 матчаў у межах чэмпіянату Расіі пад кіраўніцтвам Кучука «Кубань» выйграла толькі адзін і апусцілася з пятага месца на дзясятае, а пасля паражэння ў фінале Кубка Расіі пазбавілася шансаў згуляць на міжнароднай арэне (Наша Ніва); Паражэнне ад Швейцарыі практычна пазбавіла «чырвона-зялёных» шанцаў на магчымы выхад у чвэрцьфінал (Звязда)*. Асоба, якая не заняла прызавое месца, усё ж такі мае магчымасць атрымаць **суцэсальную ўзнагароду**: *Нагадаем, пасля трох паражэнняў у папярэднім этапе чэмпіянату свету на хакеі 2011 года зборная Беларусі выбыла з барацьбы за выхад у плэй-оф. Цяпер беларусы згуляюць у «суцэсальным» стыкавым матчы за тое, каб застацца ў мацнейшым хакейным дывізіёне (Наша Ніва); Але што такое Кубак надзеі? Гэта суцэсальны турнір для камандаў, якія не трапілі ў плэй-оф Кантынентальнай хакейнай лігі і не могуць пазмагацца за галоўны трафей – Кубак Гагарына (Звязда)*.

Пасля няўдачы змагара ў барацьбе за што-небудзь ён павінны **пакінуць** мерапрыемства ці месца, дзе адбываецца падзея: *Дадому адправілася і каманда Расіі пасля буйнога (0:3) паражэння ад Уэльса (Звязда); 3 багатых краін толькі ЗША паспрабавалі наскокам вырашыць праблему, але як толькі іх дэсантнікі пацярпелі першае сур'ёзнае паражэнне, тут жа з краіны ўцяклі (Звязда)*.

Згодна са шматлікімі прыкладамі характэрнай рысай беларускага грамадства з'яўляецца **пошук вінаватых**: *Вельмі лёгка зваліць усю віну на іх, але і абаронцы вінаватых у пропуску галоў. Значыць, у паражэнні вінаватая каманда (Наша Ніва); Пасля гульні галоўны трэнер беларусаў Аляксандр Хацкевіч сказаў, што каманда цалкам праваліла першы тайм у плане абарончых дзеянняў і ўзяў віну за паражэнне на сябе (Звязда); Тым не менш, на нашай інфармацыі, ужо дадзены загад разабрацца ў паражэнні нашай зборнай і па неабходнасці пакараць вінаватых (Наша Ніва)*.

Пацярпеўшым паражэнне патрабуецца **вялікая смеласць і адвага пагадзіцца з паражэннем**, усвядоміць і прызнаць яго: *Лідар апазіцыйнай Сацыялістычнай партыі Партугаліі Антоніу Кошта, чый блок набраў 32%, прызнаў паражэнне і павінішаваў лідэра кааліцыі, дзеючага прэм'ер-міністра краіны Педру Пасуша Куэльбу з перамогай (Звязда); «Але мне (Някляеву) кажуць пра тое, які гэта складаны механізм, якія гэта можа прынесці праблемы апазіцыі, што той, хто праіграе, не пагодзіцца са сваім паражэннем. Але з такімі падыходамі лепш наогул ніякую сур'ёзную справу не пачынаць», – упэўнены палітык (Наша Ніва).* Прызнанне паражэння выклікае захапленне з боку грамадскасці: *Усё ж такі прызнаць сваё паражэнне, калі ён да апошняй хвіліны быў упэўнены, што яго ўвесь народ стапраэзэнтна падтрымае – гэта дарагога варта. Дарэчы, гэта ацанілі ўсе, і расіяне, і грузіны, і знешнія назіральнікі (Звязда).* Акт прызнання паражэння мае на мэце, па-першае, прадэманстраваць павагу да навакольных, па-другое, не пагоршыць наяўныя абставіны, паколькі годна прынятае паражэнне цэніцца грамадскасцю: *Камароўскі ўжо прызнаў сваё паражэнне. «Сябры мае, не атрымалася. Так вырашылі выбаршчыкі. Дэмакратыя – гэта не толькі прызнанне вынікаў, але і павага вынікаў выбараў. Вініую Анджэя Дуду!» (Звязда).* Так, наступны прыклад ілюструе, якія могуць быць наступствы (выказанне неадабрэння, асуджэнне, дыскваліфікацыя, экстрадыцыя), калі чалавек не можа годна прыняць паражэнне і дазваляе эмоцыям узяць над сабой верх: *На жаль, сярод алімпійцаў ёсць тыя, каго загадзя просяць пакінуць Лондан. Сітуацыя з эпатажным швейцарскім футбалістам Мішэлем Марганэлі заслугоўвае асуджэння. Спартсмен так пакрыўдзіўся на паражэнне сваёй зборнай ад Паўднёвай Карэі, што ва ўласным твітары абразіў азіятаў. Зразумела, Марганэлі кіраваўся крыўдай і эмоцыямі, але падобныя паводзіны, мякка кажучы, некарэктныя, ім ёсць адно пакаранне – квіток на радзіму. Як яшчэ вучыць людзей адказваць за свае ўчынкi? (Звязда).*

Пасля таго як суб'екты паражэння поўнасьцю, да канца зразумеюць прычыны паражэння, надыходзіць час **падвядзення вынікаў**. Некаторыя ўспрымаюць паражэнне як карысны вопыт, стымул для самаўдасканалення: *Што такое паражэнне? Не што іншае, як урок; не што іншае, як першы крок да чагосьці лепшага (Звязда); Тыя падзеі яшчэ раз нагадалі нам пра вераломства фашыстаў. Урокі трэба атрымліваць як з перамог, так і з паражэнняў. Галоўнае – не дапусціць падобнай трагедыі ў далейшым (Звязда); Інцыдэнт у Фларэнцыі паказвае, над чым трэба працаваць у наступным сезоне (Наша Ніва).* Да таго ж паражэнне – гэта падзея, якая дапамагае зразумець, чаго не хапае, у тым ліку, якіх сацыяльных устаноў, каб не паўтарыць папярэдніх памылак: *Мой праект «школа Раналда» з'явіўся пасля жудаснага паражэння Бразіліі ад Германіі. Адчуў, што нам не хапае па-сапраўднаму зорных гульцоў (Звязда).*

Часцей за ўсё паражэнне – **рэзанансная публічная з'ява**: *У шотландскім спартыўным аглядзе «Звязда» расказвае пра перамогу беларускіх тэнісістаў у Кубку Дэвіса, магчымых сапернікаў беларускіх клубаў у футбольных еўракубах і сенсацыйнае паражэнне БАТЭ (Звязда); Нарэшце, имат хто лічыць, што чыноўнікамі, якія абвясцілі паляванне на Дзеда Мароза, рухае банальная палітычная кан'юнктура плюс жаданне адцягнуць увагу ад фіяска ў гаспадарчым сектары (Наша Ніва); На бяду для ГОП кампаніі, амаль кожны публічны выступ яе лідара заканчваецца публічным фіяска, пасля якога застаецца ці апраўдвацца, ці пераводзіць стрэлкі на пытанні, якія пару тыдняў таму ніхто і не ўздымаў (Наша Ніва).* Чым менш скрышальнае і рэзананснае паражэнне, тым хутчэй яно забываецца: *Паводле слоў трэнера, ні адна каманда ў Паўночнай Амерыцы ніколі не ўспомніць, каму праігралі, паколькі за акіянам так настройваюць хакеістаў: пасля паражэння разабралі памылкі і праз 15 мінут забылі пра матч (Звязда); Нягледзячы на ўсё, у псіхалагічным плане ў камандзе ўсё ў парадку, няма ніякай панікі, мы аналізуем гульні і рыхтуемся да наступных. Паверце, гэтыя паражэнні забудуцца хутка, бо наперадзе гульні нашымат важнейшыя і цікавейшыя (Звязда).*

Калі паражэнне цярыцца зорка першай велічыні, за плячыма якой ёсць шмат перамог, то негатыўных наступстваў яна можа не адчуць увогуле: *Найлепшая тэнісістка планеты беларуска Вікторыя Азаранка, нягледзячы на паражэнне ў фінале US Open, упэўнена ўзначальвае рэйтынг Жаночай тэніснай асацыяцыі (WTA). У апублікаваным учора спісе Вікторыя Азаранка мае 10265 ачкоў, у расіянке Марыі Шарапавай, якая ідзе другой, 8435 балаў (Звязда).*

Паражэнне па сваёй прыродзе дуалістычнае. У сітуацыі, калі ёсць пераможаны, ёсць і пераможца. Паражэнне для аднаго боку – гэта перамога для іншага боку, але сустракаюцца сітуацыі зыходу падзеі без прызнання перамогі ці выйгрышу за якім-небудзь з бакоў: **Гульня была роўнай. Мы не заслугоўвалі перамогі, але не заслугоўвалі і паражэння** (Звязда); *У апошнім туры расейскага чэмпіянату масквічы згулялі ўнічыю зь землякамі з «Тарпэда» – 1:1, упусьціўшы перамогу на апошняй хвіліне (Наша Ніва).* **Адпаведна, паражэнне ўваходзіць у паняцце перамогі і складае яе неад'емную частку.**

У розных сацыяльных сферах жыццядзейнасці беларускага народа паражэнне прадстаўлена па-рознаму.

Паражэнне ў спорце ўяўляе сабой няўдачу адной асобы (спартсмена) або групы асоб (спартыўнай каманды) у спартыўнай сустрэчы ці ў спаборніцтве за прызавое месца. Кожнае спартыўнае мерапрыемства не можа не мець нейкі канкрэтны вынік для спартсмена ці спартыўнай каманды. Існуе тры варыянты зыходу падзеі: перамога, паражэнне, нічыя. *Радасць перамог і горыч паражэнняў – неад'емная рыса кожнага футбольнага года, але любы матч сканчаецца з канкрэтным вынікам (Звязда).*

У спартсменаў за іх кар’еру мае месца вялікая колькасць як паражэнняў, так і перамог. Ніводны спартсмен не абмяжоўваецца толькі адной перамогай ці паражэннем: *серыя з трох паражэнняў, чарговае паражэнне, серыя з пяці паражэнняў, 10 паражэнняў у асноўны час, пацярпець 13-ю паразу; Вось бачыце, у гэтым годзе мы масць мяняем (смяецца). Пачалі з паражэнняў – значыць, на чэмпіянаце свету выступім добра* (Звязда); *Мінская каманда спыніла серыю з пяці паражэнняў запар* (Наша Ніва); *Становішча: С. Уільямс – 3 перамогі (6–1), Дзяменцьева – 1 перамога, 1 паражэнне (2–3), В. Уільямс – 1 перамога, 2 паражэнні (4–5), Кузняцова – 2 паражэнні (1–4)* (Наша Ніва).

Пасля няўдачы спартсмена або каманды ў спаборніцтве яны павінны **пакінуць спартыўнае мерапрыемства**: *Жоўта-блакітныя пакінулі турнір, пацярпеўшы на Еўра-2016 тры паражэнні – ад зборных Германіі (0:2), Паўночнай Ірландыі (0:2) і Польшчы (0:1). У 2000 годзе не ўдалося трапіць у вароты камандзе Даніі, якая на групавым этапе таксама пацярпела тры паражэнні. Пры гэтым з’ехаць дадому без забітых мячоў на чэмпіянат Еўропы рызыкае і зборная Аўстрыі* (Звязда). Назіраецца тэндэнцыя **зыходу трэнераў у адстаўку** пасля паражэння іх падаручных каманд: *Галоўны трэнер зборнай Англіі Рой Ходжсан падаў у адстаўку пасля паражэння ад Ісландыі ў матчы 1/8 фіналу чэмпіянату Еўропы па футболе* (Звязда); *Палякі адправілі ў адстаўку свайго футбольнага генерала Ежы Ангеля, не дазвалячы яму нават патлумачыць прычыну проигрышу свае каманды* (Наша Ніва). Асоба, якая не заняла прызавае месца, не атрымлівае ўзнагароды, выключэннем з’яўляюцца суцэльныя прызы.

Калі адбываецца нешта экстраардынарнае, рашэнне прысудзіць перамогу ці паражэнне даецца спартыўным суддзям: арбітрам, рэферы ці трацейскім суддзям. У такіх выпадках залічваюць тэхнічнае паражэнне. Тэхнічнае паражэнне – гэта вынік у спартыўных спаборніцтвах, што залічваецца аднаму з бакоў, які ўдзельнічае ў спаборніцтве, без правядзення гульні з сапернікам альбо пасля яе датэрміновага заканчэння, а таксама з-за адмены выніку праведзенай гульні. Саперніку таго, хто атрымаў тэхнічнае паражэнне, залічваецца тэхнічная перамога альбо абодвум бакам залічваецца нічыя ці паражэнне. Адным з тыповых прыкладаў такой сітуацыі з’яўляецца няўка аднаго або абодвух бакоў на гульні: *Учора каманда прэзідэнта Беларусі ў паўфінале турніру павінна была згуляць з камандай «Неўскі легіён». Аднак гульня не адбылася, беларускім хакеістам было залічана тэхнічнае паражэнне з лікам 0:5* (Наша Ніва). Акрамя накладання тэхнічнага паражэння, у залежнасці ад цяжару здзейсненай дысцыплінарнай правіны, заснавальнікамі спартыўнага мерапрыемства могуць быць прыняты меры да вінаватага боку: *У «Ліды» зламаўся аўтобус і каманда не прыехала ў Мінск. «Лідзе» пагражае тэхнічнае паражэнне з лікам 0:3, а таксама магчыма накладанне іншых дысцыплінарных захадаў* (Наша Ніва). Прыняцце кампетэнтнымі суддзямі рашэння не выключае чалавечы фактар. Памылка суддзяў успрымаецца як іх асабістае паражэнне: *«Як і ў футбалістаў, у нас таксама здараюцца паражэнні. Мы вельмі расчараваныя, бо гэтая памылка паўплывала і на нас», – падсумаваў арбітр* (Наша Ніва).

Паражэнне ў палітыцы звязваецца з няўдалай спробай атрымаць кіруючую пасаду ў выніку галасавання, а таксама з правалам законапраекта ці якой-небудзь палітычнай кампаніі. *Але, зразумела, сапраўдным шокам для Еўрасаюза стала паражэнне ад рэзкага змянення пазіцыі Украіны ў лічаныя дні перад самітам* (Звязда); *Прэзідэнт выказаў нязгоду з прапрама з боку кіраўніцтва польскай нацыянал-кансерватыўнай партыі «Права і справядлівасць», якое мяркуе, што ўсходняя палітыка Польшчы пацярпела паражэнне ў Беларусі* (Наша Ніва); *Між тым перамовы прэм’ераў Сідорскага і Пуціна на пачатку кастрычніка на комплексе балючых пытанняў гандлёва-эканамічных узаемадачынненняў скончыліся шыякам* (Наша Ніва).

У беларускай свядомасці **ваеннае паражэнне** – гэта поўнае падаўленне супраціву войскаў праціўніка, у выніку чаго адбываецца поўнае сканчэнне баявых дзеянняў, страта ўласнай тэрыторыі, багачыяў, небяспека для пераможаных: *Вайсковая стратэгія: вайна да перамогі, да поўнай акупацыі краіны, да поўнай зачысткі* (Наша Ніва); *Пётр Першы, страціўшы пасля паражэння пад Нарвай усю артылерыю, загадаў адліваць новыя гарматы менавіта з вырабленых з бронзы званоў* (Звязда); *Пераломны момант першага этапу Стогадовай вайны. Яе вынікам стала шматгадовая акупацыя вялікай часткі французскіх тэрыторый і гістарычная сіла Англіі* (Наша Ніва). Ваеннае паражэнне суправаджаецца стратамі вялікай колькасці як грамадзянскага насельніцтва, так і вайскоўцаў: *У выніку спроба паўстанцаў на чале з Каліноўскім адрадзіць вольнае ад Расіі ВКЛ у якасці дзяржавы для продкаў сучасных беларусаў скончылася паражэннем і вынішчэннем мясцовай эліты* (Наша Ніва); *Армія саюзнікаў была цалкам знішчана, а кароль Польшчы Уладзіслаў III загінуў на полі бітвы. Польшча і Венгрыя перайшлі ў шматвекавое адступленне. Рэч Паспалітая так і не здабудзе ўпэўненага выхаду да Чорнага мора* (Наша Ніва). Згодна з наступным прыкладам, каб дасягнуць глабальнай перамогі, неабходна ахвяраваць чым-небудзь меншым: *Пры ім кіраўніком генеральнага штаба становіцца Урублеўскі, які разам з Каліноўскім і іншымі «чырвонымі» вяршыў пайсці на кампраміс – у імя вышэйшай мэты. І 29 красавіка паўстанцы церпяць першае цяжкае паражэнне ў бітве пад Валілкамі ў Сакольскай пушчы* (Наша Ніва). Пасля паражэння галоўныя дзеючыя асобы пераможанага боку падвяргаюцца пераследу, вымушаны хавацца за межамі краіны: *Пасля яго* (Ігнат Дамейка) *паражэння былі доўгі гады вымушанай эміграцыі і сусветная вядомасць, якая напачатку Ігната ў Чылі* (Звязда); *Браў удзел у нацыянальна-вызваленчым паўстанні 1863–1864 гадоў, пасля паражэння быў арыштаваны і пасаджаны ў Дынабургскую крэпасць. Неўзабаве прадаў маёнтак Крэўна і выехаў у Германію, дзе працягнуў навучанне ў мюнхенскай Акадэміі мастацтваў* (Наша Ніва).

Рэлігійнае паражэнне ўяўляе сабой дасягненне абсалютнай перавагі зла над добром. Лічыцца, што малітва беражэ ад нягод у любой справе: *Паводле яго слоў, экс-прэзідэнт пацярпеў поўнае паражэнне, калі ў царкве перасталі маліцца за яго здароўе* (Наша Ніва). У Пісанні гаворыцца, што ўсе людзі першапачаткова роўныя перад Богам: *Роўнасьць перад Богам замяняецца роўнасьцю шанцаў і магчымасці для пераможцы і пераможанага памяншаецца месцамі* (Наша Ніва). Вера ёсць шлях да перамогі жыцця над смерцю (*Уваскрасенне Хрыста – гэта Яго перамога над грахам і смерцю*) (Звязда), а адсутнасць веры вядзе да паражэння (*Не верыць у змёртвыхнаўстанне Хрыста – гэта значыць жыць так, як быццам крыж з’яўляецца канцом усяго, быццам жыццё Хрыста і Яго крыжовая ахвяра былі безнадзейным крахам, дарэмным і абсурдным паражэннем*) (Наша Ніва).

Паражэнне ў **любоўнай сферы** распаўсюджваецца як на ўзаемаадносіны, так і фізічныя кантакты паміж партнёрамі: *Я зазірнула ў яго вочы... і страціла прытомнасць, і ўпала ў іх, і даляцела да самага дна. І там, на дне, зведала ўсё – і асалоду падзення, і веліч паражэння, і радасць болю* (Звязда); *Ёсць такое паняцце – сэксуальнае фіяска. Яны ёсць і былі заўсёды ва ўсіх. Няма людзей, у якіх за ўсё жыццё не было ніводнага сэксуальнага фіяска* (Наша Ніва).

Прыкметы, звязаныя з іншымі ментальнымі прасторамі, якія нясуць інфармацыю аб рэальных сувязях, існуючых у рэчаіснасці, прадстаўляюць **бліжэйшую перыферыю паняцця паражэнне**.

Паражэнне **асацыіруецца з болем** у прамым (фізічныя пакуты) і пераносным сэнсах (маральныя пакуты): *Тыя паражэнні – як ком у горле для мяне і многіх хлопцаў у нашай камандзе, хто ўжо выступіў на чэмпіянаце свету* (Звязда); *Так мексіканскі вундэркінд Чычарыта, з цяжкасцю стрымліваючы слёзы, пракаментываў паражэнне так: «Мне балюча, але трэба праглынуць гэта крыўднае паражэнне. Мне балюча, але трэба павінішаваць «Барселону», якая выйграла сёння цалкам заслужана»* (Наша Ніва); *Вядома, боль ад паражэння ў Мінску ўжо не такі, таму што мы ўжо забяспечылі сабе месца ў 1/8 фіналу, але нам трэба першае месца* (Наша Ніва); *Усе, безумоўна, верылі ў каманду, падтрымлівалі яе, аднак наўрад ці былі тыя, хто мог дакладна прадказаць сцэнарый супрацьстаяння БАТЭ і «Ромы».* **Непрыемныя вынікі «жоўта-блакітных» у летаанім турніры, калі барысаўчане пацярпелі некалькі балючых паражэнняў, разам з нядаўняй няўдачай ад «Баера» дабавілі скептычных поглядаў у бок беларусаў** (Звязда). Паражэнне звязваюць з **непрыемным святлом і смакам**, якія прыносяць дыскамфорт: *Так ці інакш, асыляпляльнае фіяска церціць канцэпцыя будавання складоў камандаў вакол «найлепшых Майклаў Джорданаў», якімі ў 1990-я гады стракацелі рады НБА* (Наша Ніва); *Па ступені горычы фіяска ў Карагандзе можаш параўнаць з нейкім іншым?* (Наша Ніва); *Падапечныя Біла Пітэрса ў гэтым годзе яшчэ не ведаюць горычы паражэнняў, як і ў мінулым, у Празе, калі ў складзе зборнай Канады блістаў Сіднэй Крозбі* (Звязда); *Але падобнае паражэнне часам «смачнейшае» за самую марудную перамогу* (Звязда); *У тыднёвым спартыўным аглядзе «Звязда» распавядае пра тое, якая падзея «падсаладзіла» паражэнне Вікторыі Азаранкі ў фінале US OPEN* (Звязда). Аналіз наступных сказаў дазволіў вызначыць, што паняцце паражэнне мае характарыстыкі фізічнай з’явы – **гучання**: *У штыднёвым спартыўным аглядзе «Звязда» распавядае пра сенсацыйную перамогу беларускіх хакеістаў і іх не менш гучнае паражэнне, чарговы футбольны тур чэмпіянату краіны і трыумф брэсцкіх гандбалістаў* (Звязда); *З гісторыі нам вядома, што знакамітая Грунвальдская бітва, якая адбылася 15 ліпеня 1410 года, скончылася перамогай войска саюзнікаў, што падчас гэтага крывавага змагання вялікі магістр Тэўтонскага ордэна быў забіты, і пасля гучнага паражэння нямецкія ваяры цягам некалькіх стагоддзяў не нападлі на нашы землі* (Звязда). Згодна з наступнымі прыкладамі паняцце паражэнне мае **колькасныя і якасныя паказчыкі**: *Большасць амерыканцаў лічаць вайну ў Іраку прайгранай На думку 59 працэнтаў грамадзян, гэта вайна ў гісторыі ЗША застаецца поўным ці частковым паражэннем амерыканцаў* (Звязда); *Нічыя і мінімальнае паражэнне. Менавіта такія вынікі прынеслі першыя матчы другога кваліфікацыйнага раўнда Лігі Еўропы* (Звязда). Наступныя прыклады ілюструюць, што паражэнне характарызуецца **вагой**: *Гэта цяжкае паражэнне, але выйсці ў фінал і гуляць супраць лепшай тэнісісткі свету было прыемна* (Звязда); *Гэтыя тры цяжкія паражэнні могуць ударыць па псіхалогіі нашых гульцоў, і тады гэта стане вялікай праблемай* (Звязда); *Трохі спаўнаціск, які мы адчувалі пасля двух паражэнняў на старце турніру* (Наша Ніва).

Прыкметы, якія перадаюць уяўленні аб суб’ектыўна-мадальных ацэначных сэнсах, уваходзяць у **далёкую перыферыю паняцця паражэнне**. Феномен паражэння ў асноўным **ацэньваецца адмоўна** – словы, якія рэпрэзентуюць паняцце паражэнне, у сваёй семантычнай структуры пераважна ўтрымліваюць адмоўна-ацэначныя кампаненты: *безнадзейны крах, дарэмнае і абсурднае паражэнне, скрышальнае паражэнне, ганебнае паражэнне; Міністр заявіў, што выступленне каманды гаспадароў ЧС заслугоўвае «самай негатыўнай ацэнкі»* (Наша Ніва); *Падапечныя Алега Кубарава прадэманстравалі той футбол, якога нам не хапае. Таму не дзіўна, што паражэнне некаторых футбалісты ўспрынялі, як маленькую драму...* (Звязда); *І 29 красавіка наўстанцы церцяць першае цяжкае паражэнне ў бітве над Валікамі ў Сакольскай пушчы, якое, адзначаў Каліноўскі, «дрэнна падзейнічала на вакольнае насельніцтва»* (Наша Ніва).

Жаданне ўзяць рэванш у некаторых выпадках выклікана негатыўнымі пачуццямі, напрыклад, помстай – жаданнем **адплаціць за прычыненае зло**: *У першым матчы падапечныя Рымантаса Грыгаса*

«адпомсцілі» чэшкам за ўсе папярэднія паражэнні (Звязда); *Паражэнне расійскай каманды з Японіяй выклікала ў маскоўскіх патрыётаў такую патрэбу рэваншу, што гатовыя былі яны знішчыць усё японскае ў гэтым горадзе, а нават і расійскае, калі надта напамінала замежнае паходжанне* (Наша Ніва).

Нават паражэнне **можа ацэньвацца станоўча**, калі яно нанесена злодзям, накіравана на вызваленне захопленых людзей, зямель: *Толькі дзякуючы адзінству шматнацыянальнага савецкага народа, які ад малага да вялікага паўстаў на абарону агульнай Айчыны, удалося разграміць магутнага, да тых часоў непераможнага ворага. Прытым не проста **выгнаць агрэсара са сваёй тэрыторыі**, але і **вызваліць усё чалавецтва ад пагрозы фашысцкага прыгнёту**, – адзначыў Аляксандр Лукашэнка. – *Менавіта паражэнне гітлераўцаў на Усходнім фронце вызначыла зыход Другой сусветнай вайны, а потым і ўсё пасляваеннае ўладкаванне свету* (Наша Ніва).*

Нягледзячы на тое, што паражэнне адбіваецца адмоўна на пацярпелых, дзеля сваёй выгады паражэння могуць жадаць суперніку: *Каб застацца ў дывізіёне наймацнейшых, камандзе трэба выйграць усе тры паядынкі і **спадзявацца на паражэнне адной з трох камандаў**, якія стаяць вышэй – «Нёману», «Тарпеда» ці «Гомеля»* (Звязда); *А яшчэ жадалі «Гомелю» **паражэння ў гульні з македонскай «Рэновой»**, каб не ляцець у невядомую Усходнюю Еўропу* (Звязда).

Паражэнне – **перажывальная з’ява**, якая выклікае пачуцці крыўды, здзіўлення, трывогі: *Нягледзячы на паражэнне, я не адчуваю бязвыхаднасці* (Наша Ніва); *Потым дзяўчына выступіла на Алімпійскіх гульнях у Лондане, дзе было **крыўднае паражэнне ў барацьбе за бронзавы медаль*** (Звязда); *Розніца паміж еўрапейскім і найлепшымі ўзорамі паўднёваамерыканскага футзала пакуль вялікая, а таму не трэба вельмі **здзіўляцца паражэнню беларусаў. Вока рэзаць можа толькі буйны лік*** (Звязда); *Сказаць пра тое, што паражэнні ў гэтых сустрэчах сталі нечаканасцю як для спецыялістаў, так і для аматараў хакея, нельга. Аднак ноткі трывожнасці чытаюцца ва ўсіх, каму не абмякавая наша зборная* (Звязда).

Рэакцыя на чыё-небудзь паражэнне часцей негатыўная, таму што ў кожнага боку ёсць балельшчыкі, група падтрымкі, тыя, хто верыць у змагароў. *Дадому адправілася і каманда Расіі пасля буйнога (0:3) паражэння ад Уэльса. Прыхільнікі зборнай даволі балюча ўспрынялі вынік гэтага матча і ў цэлым удзелу каманды ў Еўра-2016. У сеціве з’явілася **шмат негатыўных і абразлівых каментарыяў, малюнкаў і калажаў з гэтай нагоды*** (Звязда). Балельшчыкі могуць не абмяжоўвацца абразамі ў вуснай і пісьмовай форме, адзначаны сітуацыі, у якіх даходзіць да **рукапрыкладства і беспарадкаў**: *Расстроеныя паражэннем сваёй каманды, балельшчыкі імкнуліся справакаваць бойкі з расійскімі турыстамі, а таксама са швейцарцамі і нават учынялі патасоўкі паміж сабой* (Звязда); *А ў фан-зоне адбылася бойка. Турэцкія балельшчыкі ўчынілі патасоўку адразу пасля гола свайго форварда Семіха Шанцюрка, які зраўняў лік на другой дабаўленай хвіліне да дадатковага часу матча, спынілі стычку на час пасляматчавых пенальці – і працягнулі пасля матча* (Звязда).

Асноўныя лексічныя рэпрэзентацыі паняцця паражэнне ранжыраваны па частаце ўжывання на 500 кантэкстаў. У тэкстах газетна-публіцыстычнага стылю паняцце *паражэнне* прадстаўлена наступным сінанімічным радам: *правал* (21), *фіяска* (17), **ПАРАЗА** (12), *пройгрыш* (10), **НАКАЎТ** (10), **ЗРЫЎ** (9), **РАЗГРОМ** (5), *крах* (5), **ПШЫК** (5), **АСЕЧКА** (3), **АБЛОМ** (3), *няўдача* (3). Антанімічны рад таксама на матэрыяле 500 кантэкстаў выглядае наступным чынам: *перамога* (395), *поспех* (30), *дасягненне* (30), *вікторыя* (13), *удача* (6), *трыумф* (5), *верх* (5), *фартуна* (3), *выйгрыш* (3), *плён* (2), *фурор* (1).

Да асноўных лексічных рэпрэзентацый паражэння былі аднесены наступныя: *няўдача*, *пройгрыш* у чым-небудзь, *поўнае адоленне праціўніка*: *фіяска* (17), **ПАРАЗА** (12), **РАЗГРОМ** (5); *адмоўны вынік працы, дзейнасці*: *пройгрыш* (10), *няўдача* (3), *крах* (5); *пацярпець няўдachu, імкнучыся асіліць што-небудзь (размоўн.)*: **АБЛОМ** (3); *каманда ці спартсмен, якія займаюць апошняе месца ў спаборніцтве*: *аўтсайдар* (8); *няўдачлівы чалавек*: *няўдачнік* (3); *той, хто застаецца ў пройгрышы*: *лузер* (1); *той, каго перамаглі: пераможаны* (11); *такі, якога можна адолець, перамагчы ў барацьбе*: *пераадольны* (4); *аказанца горшым за каго-небудзь па сілах у барацьбе, спаборніцтве*: *прайграць* (31), *уступіць* (5); *адсутнасць выйгрышу і пройгрышу ў выніку барацьбы*: *нічыя* (15).

Сярод **комплексных сумешчаных рэпрэзентацый** у тэкстах былі вылучаны наступныя лексічныя адзінкі: *стан баксёра ў час бою, калі ён пасля моцнага ўдару не можа падняцца і лічыцца пераможаным*: *накаўт* (10); *чалавек, які аказаўся няздольным апраўдаць чыё-небудзь надзеі і пацярпеў ідэйнае крушэнне (перан.)*: *банкрут* (3); *правал у ідэйнай, палітычнай дзейнасці якой-небудзь асобы або арганізацыі (перан.)*: *банкруцтва* (6); *безнадзейная, пройгрышная сітуацыя (разм.)*: *капут* (5); *завяршэнне, заканчэнне справы, дзеяння*: *канец* (7); *узнагарода пацярпеўшага паражэнне ў спаборніцтве*: *суцяшальны прыз* (1), *суцяшальны турнір* (1), *суцяшальны матч* (1), *суцяшальны раўнд* (1).

Устойлівыя асацыятыўна-вобразныя рэпрэзентацыі прадстаўлены ў газетна-публіцыстычных тэкстах наступным чынам. Поўная няўдача ў якой-небудзь справе (перан.): *правал* (21), (перан.): **АСЕЧКА** (3). Калі вялікія намаганні закончваюцца паражэннем, нічым (разм.): *пшык* (5). Пацярпець паражэнне: *апынуцца ўнізе* (3). Разбіць у баі вельмі ўпэўнена, поўнаасцю (перан.): *парваць* (8). Нанесці вельмі моцнае паражэнне ў выніку барацьбы: *разграміць* (16), *разбіць* (4), *разнесці* (3), *сакрушыць* (1), *скрышыць* (3), *знішчыць* (3).

Быць пераможаным, здацца, скарыцца (пра горад, крэпасць): *насці* (8). Саступіць каму-небудзь у паядынку (жарг.): *зліў / зліць* (4). Пакінуць барацьбу ў выніку паражэння: *саступіць* (23), *зыход / сысці* (2). Пакінуць спаборніцтва ў выніку скрышальнага паражэння: *вылет / вылецець* (7). Не патрапіць у лік тых, каму шанцавала; не змагчы скарыстацца чым-небудзь (разм.): *праляцець* (3). Апынуцца ў кепскім, недарэчным становішчы; пацярпець няўдачу ў чым-небудзь (жарг.): *аблажацца* (8), (разм.): *схібіць* (8), *канфуз* (6). Спецыяльна даць праціўніку выйграць у гульні (разм.): *паддацца* (3). Прайграць у якой-небудзь гульні, спартыўных спаборніцтвах (разм.): *прадуць* (10). Змарнаваць, прапусціць магчымасць выйграць (разм.): *страціць* (5), *згубіць* (5). Няўдача ў чым-небудзь, правал у якой-небудзь справе: **ЗРЫЎ** (9). Вымушаная адмова ад далейшых спроб перамагчы: *спасаваць* (11). Які выключае магчымасць поспеху: *безнадзейны* (5).

Падсумоўваючы вынікі аналізу, трэба адзначыць, што прадстаўленае ў артыкуле апісанне паняцця *паражэнне* адлюстроўвае сучасны стан фрагмента беларускай нацыянальнай моўнай карціны свету. У першай частцы апісання прыводзіцца сукупнасць кагнітыўных прыкмет, якія складаюць паняцце *паражэнне*. Яно ўяўляе сабой іерархічна арганізаваную палявую структуру, у якой ёсць ядро, прыядзерная зона, бліжэйшая і далёкая перыферыі. У ядры паняцця прадстаўлены базавыя кагнітыўныя прыкметы, якія перадаюць самыя істотныя ўяўленні аб паняцці *паражэнне*: *поўны разгром праціўніка, чалавека, які імкнецца перамагчы іншага, пазбаўленне яго бяздольнасці з прычыны няўдачы, пройгрышу, адмоўнага выніку, няшчаснага збегу абставін у чым-небудзь*. У прыядзернай зоне прадстаўлены істотныя кагнітыўныя прыкметы, якія канкрэтызуюць паняцце. Паражэнне абумоўлена недахопам пэўных становчых якасцей у чалавека і валявога ці рашучага прымянення намаганняў, накіраваных на паспяховае пераадоленне перашкоды. Суб'екты і аб'екты паражэння могуць чаргавацца, яны могуць быць прадстаўлены адной асобай, групай асоб ці абстрактнымі сутнасцямі. Само паражэнне можа выступаць у якасці суб'екта дзеяння. Паражэнне рэалізуецца ў часе і характарызуецца наяўнасцю этапаў, кожны з якіх мае пэўныя часавыя інтэрвалы, і можа быць графічна аб'ектывавана ў выглядзе лініі, якая рухаецца наперад і рэзка ўніз. Перыяд пасля паражэння характарызуецца пэўнымі падзеямі: пазбаўленнямі, паніжэннем у статусе, іншы раз уручэннем суцязальных узнагарод, зыходам задзейнічаных у паражэнні асоб, пошукам вінаватых, прызнаннем паражэння, падвядзеннем вынікаў. У розных сацыяльных сферах жыццядзейнасці беларускага народа (спартыўнай, палітычнай, ваеннай, рэлігійнай, любоўнай) паняцце *паражэнне* актуалізуецца па-рознаму. *Паражэнне* ўваходзіць у паняцце *перамога* і складае яе неад'емную частку. Бліжэйшая перыферыя сфарміравана прыкметамі, якія нясуць інфармацыю аб рэальных сувязях, што існуюць у рэчаіснасці з іншымі кагнітыўнымі прыкметамі. Паражэнне асацыіруецца з болей у прамым (фізічнымі пакуты) і пераносным сэнсах (маральныя пакуты), непрыемным святлом і смакам, пэўным гучаннем, колькаснымі і якаснымі паказчыкамі. Далёкая перыферыя паняцця прадстаўлена прыкметамі, якія перадаюць суб'ектыўна-мадальныя і ацэначныя сэнсы: феномен паражэння ацэньваецца адмоўна. Паражэнне – перажывальная з'ява, якая выклікае пачуцці крыўды, здзіўлення, трылогі. Людзі імкнуцца пазбегнуць свайго паражэння, але ўкладваюць шмат сіл і сродкаў, каб нанесці паражэнне праціўніку. Рэакцыя на чыё-небудзь паражэнне часцей негатыўная, яна можа не абмяжоўвацца абразамі ў вуснай і пісьмовай формах. Адзначаны сітуацыі, у якіх справа даходзіць да рукапрыкладства і беспарадкаў.

Другая частка артыкула прадстаўлена асноўнымі лексічнымі рэпрэзентацыямі паняцця (15 адзінак), комплекснымі сумешчанымі рэпрэзентацыямі (9 адзінак), устойлівымі асацыятыўна-вобразнымі рэпрэзентацыямі (27 адзінак), атрыманымі ў выніку аналізу 500 кантэкстаў газетна-публіцыстычнага стылю.

Інтэнсіфікацыя лінгвакультурнай лексікаграфічнай працы спрыяе развіццю беларускай ідэаграфічнай лексікаграфіі, пашырэнню сферы выкарыстання і функцыянавання беларускай мовы.

ЛІТАРАТУРА

1. Романовская, А.А. Античная символика и ее семантико-прагматические функции в современном художественном тексте / А.А. Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 308 с.
2. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : Восток-Запад АСТ, 2007. – 314 с.
3. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003, – 349 с.
4. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.
5. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров ; под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Гос. ин-т рус. языка им. А.С. Пушкина : Индрик, 2005. – 1038 с.
6. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентация в языке и речи (на материале лексикологии, фразеологии и паремологии) : слов. / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2017. – 1020 с.
7. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bnkorporus.info>. – Дата доступа: 21.08.2019.
8. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65000 слоў / Нац. акадэмія навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агульн. рэд. І.М. Бунчука [і інш.]. – 4-е выд. – Мінск : Бел. Энцыклапедыя, 2005. – 783 с.

9. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / Нац. акадэмія навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа ; пад рэд. І.Л. Капылова [і інш.]. – Мінск : Бел. Энцыклапедыя, 2016. – 967 с.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / Акад навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984. – Т. 5.

Паступіў 02.07.2021

MEANS OF *DEFEAT* CONCEPT REPRESENTATION IN THE BELARUSIAN LINGUISTIC WORLD-IMAGE

A. KUTS

The article is dedicated to the description of the concept of defeat as a fragment of the Belarusian national linguistic world-image. The article is presented in the form of a description of the set of cognitive features that make up the mental essence of the concept, as well as the main lexical representations of the concept of defeat, complex combined representations and fixed associative-figurative representations. The content of the article was obtained through the analysis of 500 newspaper 'Zvyazda' and 'Nasha Niva' contexts, from the Belarusian N-corpus platform.

Keywords: *linguistic picture of the world, concept, ideographic principle of dictionary description, mental essence of the concept, lexical representation of the concept.*

УДК 81'36:821.112.2(436)

**АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СУФФИКСОВ
ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РОМАНЕ РОБЕРТА ШНАЙДЕРА «SCHLAFES BRUDER»****И.В. ЛОГВИНОВА***(Полоцкий государственный университет)*

Рассматривается образование имен прилагательных современного немецкого языка суффиксальным способом. Обращается внимание на роль исконно немецких и заимствованных суффиксов в образовании имен прилагательных. Выявлены и проанализированы заимствованные словообразовательные суффиксы имен прилагательных, использованных в тексте романа современного австрийского писателя Р. Шнайдера «Schlafes Bruder». Описано происхождение и состав заимствованных суффиксов, определена частотность употребления имен прилагательных, образованных с их помощью, в тексте романа, а также охарактеризованы значения, которые придают заимствованные суффиксы именам прилагательным. Представлены результаты анализа заимствованных суффиксов имен прилагательных с помощью словаря словообразовательных элементов немецкого языка и этимологических словарей. Описана роль имен прилагательных с заимствованными суффиксами в придании тексту романа образности.

Ключевые слова: *заимствование, суффикс, прилагательное, словообразование, словопроизводство.*

Введение. Естественным процессом в истории каждого языка является процесс заимствования – переход элементов одного языка в другой, который осуществляется в результате языковых контактов. Обычно из других языков заимствуются лексемы, реже происходит заимствование фонем и морфем; можно говорить также о синтаксическом и семантическом заимствовании [1, с. 25]. Словообразование наряду с заимствованиями является важнейшим способом обогащения словарного состава языка.

Основная часть. Иноязычные аффиксы заимствуются в немецкий язык в составе заимствованных лексем. «Выделение морфемы происходит на основе словесного ряда, состоящего из слов с общим лексическим значением, характеризующихся повторяемостью какого-либо структурного элемента. ... Морфологическое заимствование невозможно без заимствования лексического, без накопления в языке иностранной лексики, характеризующейся определенными общими структурными признаками» [1, с. 25–26]. Таким образом, «заимствование ... словообразовательных морфем из других языков происходит в результате их вторичного выделения из большего числа заимствованных слов» [2].

Иноязычные элементы, включенные в заимствованные лексемы, играют большую роль в синхронном словообразовании [3, с. 535]. Заимствованные аффиксы в немецком языке значительно превышают число немецких и в ряде случаев очень частотны. Некоторые из них имеют тенденцию сочетаться с немецкими основами. В таком случае их можно считать продуктивными, так как с их помощью возможно образование новых лексических единиц [3, с. 528–529]. Участие заимствованных словообразовательных элементов в словообразовании является отличительной чертой современного немецкого языка. В конце XX – начале XXI вв. резко возрастает количество немецких слов, составленных из элементов разных языков – так называемых гибридных слов, что позволяет говорить о возникновении гибридного словообразования в немецком языке [4, с. 3].

Продуктами гибридного словообразования являются слова-гибриды – «результат частичной интеграции иноязычного элемента в языковую систему языка-реципиента» [5, с. 70]. Поскольку в немецком языке широко распространено словосложение, то закономерно ожидать, что и среди слов-гибридов будут преобладать сложные слова. Исследования подтверждают, что «в немецком языке гибридикация наиболее распространена в субстантивном и адъективном словосложении» [5, с. 70]. Словопроизводство является вторым по словообразовательной продуктивности способом гибридного словообразования [6, с. 9].

При этом довольно часто немецкие морфемы, например суффиксы, присоединяются к заимствованным корням, заимствованные же суффиксы крайне редко присоединяются к немецкой основе [7, с. 62–63]. Результаты других исследований также отмечают гибридикацию прилагательных при помощи иноязычных суффиксов в единичных случаях [6, с. 10].

Согласно исследованиям В. Фляйшера и И. Барца, в немецком языке в образовании прилагательных участвуют 9 экзогенных суффиксов: *-abel / -ibel, -al, -ant / -ent, -ar / -är, -ell, -esk, -iv / -ativ, -oid, -os / -ös*. С.А. Жилюк выделяет лишь три экзогенных суффикса прилагательных в современном немецком языке, которые соединяются с немецкими основами: *-ant / -ent, -esk, -os / -ös* [8, с. 125–126].

В тексте романа «Schlafes Bruder» нами было выявлено 474 имени прилагательных (около 1000 словоупотреблений). Более 90% из них имеют немецкие суффиксы, и лишь небольшая часть – 30 слов – заимствованные. Это следующие прилагательные: *glorios, grandios, kurios, mysteriös, nervös, numinos, präventiös, religiös, übernervös, brutal, genial, figural, guttural, hochtheatral, monumental, nasal, theatral, respektabel, veritabel, imposant, sekkant, ordinär, spektakulär, spirituuell, traditionell, fanfaresk, pittoresk, mongoloid, genuin,*

obligat. При этом общее количество немецких суффиксов и полусуффиксов анализируемых имен прилагательных составляет 18, а заимствованных – 10. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка относит суффиксы *-os / -ös / -iös, -al / -ial, -abel, -ant, -är, -ell / -iell / -uell* к частотным, а суффиксы *-oid, -esk, -in, -at* к нечастотным суффиксам заимствованных прилагательных [3].

Проанализируем данные прилагательные более подробно с помощью этимологического словаря, представленного в информационной системе DWDS [9], и онлайн-словаря Duden [10].

Наибольшее число прилагательных (30%) имеют суффикс *-os / -ös / -iös*. Они являются заимствованиями из романских языков. Некоторые из них были заимствованы непосредственно из латинского языка: *glorios, numinos, kurios, nervös*. Прилагательные *kurios* и *nervös* также имели варианты с немецким суффиксом *-isch*: *curiosisch, nervosisch*. Прилагательные *präventiös* и *religiös* пришли в немецкий язык из латыни через посредство французского языка, а *grandios* заимствовано из латыни в испанский, затем в итальянский и из него в немецкий язык. Непосредственно из французского языка заимствовано слово *mysteriös*.

Второе место занимают прилагательные с суффиксом *-al / -ial*; их количество составляет почти 27%. Прилагательные *brutal, guttural, nasal* заимствованы из латыни в формах *brutalis, gutturalis* и *nāsālis*. *Brutal* использовалось также с немецким суффиксом *-isch* (*brutalisch*). Слово *theatral*, вероятно, заимствовано из французского языка. Прилагательное *genial* является сокращением слова *genialisch*, образованного в немецком языке от имени существительного *Genie*, и лишь формально, а не по происхождению и значению, близко латинскому *geniālis*. Само существительное *Genie* при этом заимствовано в немецкий из латыни через французский язык. Образование прилагательных *figural, monumental* суффиксальным способом от однокоренных имен существительных в немецком языке свидетельствует о том, что заимствованный в составе иноязычных слов суффикс *-al* становится активной словообразовательной морфемой. Однако в данных словах он присоединяется не к немецкому, а к заимствованному корню.

По два прилагательных имеют суффиксы *-abel, -ant, -är, -ell, -esk*.

Прилагательное *respektabel* образовано с помощью суффикса *-abel* по образцу соответствующих французского, английского и среднелатинского прилагательных; *veritabel* заимствовано из французского языка, где образовано от корня латинского происхождения.

Прилагательные, образованные с помощью суффикса *-ant*, пришли в немецкий язык из французского (*imposant*) и итальянского (*sekkant*) языков, а их корни заимствованы этими языками из латыни. Сам же суффикс восходит к латинскому суффиксу причастия I *-antis, -entis* [8, с. 126].

Прилагательные с суффиксом *-är* заимствованы из французского языка (*spektakulär, ordinär*). Слово *ordinär* до XIX в. сохраняло французское написание (*ordinaire*). Ему предшествовала форма *ordinari* (XVI–XVIII вв.), которая, как и французское прилагательное *ordinaire*, происходит от латинского слова *ordinārius*.

Прилагательное *spirituell* происходит из латинского языка. Прилагательное *traditionell* рассматривается как образованное с помощью суффикса *-ell* по образцу французского прилагательного *traditionnel*. Его корень имеет латинское происхождение.

Прилагательное *fanfaresk* заимствовано в немецкий из французского языка, происхождение корня остается невыясненным. *pittoresk* заимствовано из итальянского через французский язык, происхождение корня – латинское.

По одному прилагательному имеют суффиксы *-oid, -in, -at*. У слова *mongoloid* корень заимствован из монгольского языка, суффикс из греческого. Прилагательные *genuin* и *obligat* заимствованы из латыни.

Образование слов *übernervös* и *hochtheatral* с помощью немецких полупрефиксов от заимствованных имен прилагательных свидетельствует о том, что иноязычные прилагательные могут активно вступать в словообразовательные процессы в заимствующем языке с использованием немецких аффиксов [3, с. 483–484].

Во всех выявленных прилагательных иноязычные суффиксы присоединяются к заимствованным корням. Данные результаты согласуются с выводами, полученными в результате и других исследований. Так, И.В. Кучерявенко пишет, что «адъективная словообразовательная модель «Иноязычная основа греко-латинского происхождения + иноязычный суффикс греко-латинского происхождения» <...> прочно вошла в немецкий язык и на протяжении многих веков существует в нем, являясь неотъемлемой частью немецкой словообразовательной системы. Составные части этой модели, то есть заимствованные основы и суффиксы, не только количественно пополнили список словообразовательных средств, но и затронули всю словообразовательную систему в целом» [11, с. 18].

Зачастую и основа, и суффикс прилагательного заимствованы из одного и того же языка, например, французского. Однако иногда написание французских суффиксов несколько меняется в немецком языке: французскому написанию суффиксов *-aire, -able, -el / -elle, -eux, -(a)sque / -(e)sque* соответствует немецкое *-är, -abel, -ell, -ös, -(e)sk* [12].

Производные слова обладают словообразовательным значением – семантическим отношением производного слова к производящему. Оно занимает промежуточное положение между лексическим и грамматическим значениями слова и имеет формальное выражение внутри слова. В отличие от лексического,

словообразовательное значение выступает не индивидуальным значением отдельного слова, а чаще всего представляет собой один и тот же формально выраженный тип значения целого ряда слов с общим для них формальным средством выражения. Словообразовательное значение может быть связано с приобретением производным словом значения той части речи, в которую оно входит при образовании. Так, при образовании прилагательных это значение признаковости [13, с. 104–105].

Суффикс обладает способностью переводить одну часть речи в другую. Он изменяет лексическое значение производного слова и имеет более отвлеченное, чем у корня, значение. Как словообразовательный формант он выражает словообразовательное значение. Сущность суффиксальной словообразовательной модели заключается в том, что суффикс подводит соответствующую лексическую единицу под более широкую семантическую категорию. Многие суффиксы многозначны, т.е. способны выражать разные семантические категории. С помощью словаря словообразовательных элементов немецкого языка мы проанализировали значения, придаваемые заимствованными суффиксами именам прилагательным, использованным в тексте романа “Schlafes Bruder”.

Суффикс *-ös* указывает на наличие признака при характеристике свойств, интересов, кругозора, состояния человека (*der religiöse Eifer der Eschberger; welch grandioser Musiker er ist; das nervöse Erscheinungsbild; in einer Art übernervöser Geschäftigkeit; ein kurioser Mensch*), а также при характеристике предметов и явлений (*mit diesem grandiosen Konzert; das Phänomen des mysteriösen Klanges; einen präventiösen kurzschrittigen Gang; kuriose Bauwerke zu errichten; welch' gloriose Zukunft*).

Суффикс *-al / -ial* придает значение наличия признака при характеристике человека или его поведения (*mit hochtheatraler Baßstimme; ein Mann mit theatralem Gespür; er konnte nur mit brutaler Kraft wieder in die Sitzbank gezwungen werden*); признака, основанного на подобии чему-либо, на сходстве с чем-либо (*das figurale Kopfmotiv; seine monumentale Wirkung; welch eine geniale Musik*); принадлежности, отнесенности к кому-либо, к чему-либо, связи с кем-либо, с чем-либо (*fatal: dieser fatale Wunsch*). Данный суффикс служит также для образования слов с терминологическим значением (*guttural: Philipp tat ein leises gutturales Gellen; nasal: das nasale Wimmern*).

Заимствованные прилагательные с суффиксом *-abel* имеют значение пассивности, возможности совершить действие (*Er lobte den Musikanten als ein respektables Naturgenie*), а также значение наличия признака при характеристике свойств людей и предметов (*ein veritables Grün*).

Суффикс *-ant* имеет значения наличия признака при характеристике свойств человека (*deshalb sei er so sekkant mit ihr*) и предметов, явлений (*eine Brücke zu seinem imposanten Kindheitserlebnis*).

Заимствованный суффикс *-är* имеет значение принадлежности, отнесенности к чему-либо, сходства с чем-либо (*sein spektakulärer Tod; die ordinäre Absicht*).

Прилагательные, образованные при помощи суффикса *-ell / -uell*, имеют значение принадлежности, отношения к чему-либо, а также значение разнообразных признаков предметов и явлений (*den rein spirituellen Gehalt des Wortes; damals heiratete man in traditionellem Schwarz*).

Суффикс *-esk* несёт значение наличия признака при характеристике свойств предметов (*wurde immer pittoreskerer Klänge ansichtig; in fanfaresken Akkorden*).

Суффикс *-oid* придаёт прилагательным значение сходства с чем-либо или отнесенности к чему-либо (*das mongoloide Kind*).

Суффикс *-in* указывает на отнесенность к кому-либо, к чему-либо (*ihr genuines Handwerk, auf genuine Weise*).

Суффикс *-at* придает прилагательному значение признака при характеристике предметов (*das obligate Holzseheit für den Schulofen*).

Как показывает анализ, большинство заимствованных суффиксов придает имени прилагательному его основное значение – наличие определенного признака при характеристике свойств человека, предмета или явления. Употребление автором имен прилагательных с заимствованными суффиксами обогащает текст романа. Зачастую Р. Шнайдер предпочитает их использование исконно немецким прилагательным с синонимичным значением. С помощью таких эпитетов, как *grandios, mysteriös, monumental, genial, pittoresk, fanfaresk* автор романа подчеркивает грандиозность и величие органной музыки, сочиненной главным героем романа, музыкальным гением. Прилагательные *religiös, nervös, übernervös, präventiös, theatral, brutal, sekkant* служат для характеристики героев, их чувств, образа действий и придают описанию либо положительный, либо отрицательный оттенок. Прилагательные с терминологическим значением *guttural, nasal* и *mongoloid* органически вписываются в художественный текст, характеризую голос и внешность героев романа.

Заключение. Использование ярких, образных эпитетов придает тексту романа особую выразительность. Язык автора характеризуется точным выбором слова для описания атмосферы XIX в, религиозности сельских жителей, необычности гениальной музыки и ее влияния на сердца людей. С помощью имен прилагательных автору удается охарактеризовать широкий спектр предметов и явлений: от захватывающей музыки до обыденных человеческих слабостей и низменных желаний. Искусно подобранные характеристики передают всю трагичность судьбы главного героя и не оставляют читателя равнодушным.

Проведенное исследование подтверждает, что имена прилагательные, образованные с помощью заимствованных суффиксов, являются неотъемлемой частью лексики современного немецкого языка и обладают богатым стилистическим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Электронный ресурс] / Л.П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры (ЯСК). – 2004. – 889 с. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=476940>. – Дата доступа: 02.02.2021.
2. Добродомов, И.Г. Заимствование [Электронный ресурс] / И.Г. Добродомов // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/158a.html>. – Дата доступа: 26.01.21.
3. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев [и др.] ; под рук. М.Д. Степановой. – М., 1979. – 536 с.
4. Жилюк, С.А. Использование заимствований в системе немецкого словообразования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Электронный ресурс] / С.А. Жилюк ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2015. – 23 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/ispolzovanie-zaimstvovaniy-v-sisteme-nemetskogo-slovoobrazovaniya>. – Дата доступа: 15.03.21.
5. Нефедова, Л.А. Иноязычная лексика в современном немецком языке: иноязычная лексика в контексте заимствования и словообразования [Электронный ресурс] / Л.А. Нефедова. – М. : МПГУ, 2012. – 98 с. – Режим доступа: http://lib.tarsu.kz/rus2/all.doc/Elektron_res/Nefedova_Monografiya.pdf. – Дата доступа: 02.02.21.
6. Аккуратова, И.Б. Процессы гибридизации в немецком словообразовании в конце XX – начале XXI вв. (на материале понятийного поля «Образование»): автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.04 [Электронный ресурс] / И.Б. Аккуратова ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2019. – 25 с. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/protsessy-gibridizatsii-v-nemetskom-slovoobrazovanii-v-kontse-xx-nachale-xxi-vv-na-materiale>. – Дата доступа: 04.02.21.
7. Жилюк, С.А. Экзогенное словообразование как особая система словообразования в немецком языке [Электронный ресурс] / С.А. Жилюк // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2014. – № 2 (21). – С. 60–68. – Режим доступа: <https://jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/870>. – Дата доступа: 04.02.21.
8. Жилюк, С.А. Использование заимствований в системе немецкого словообразования : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С.А. Жилюк ; С.-Петерб. гос. ун-т [Электронный ресурс]. – СПб., 2015. – Режим доступа: https://dissers.spbu.ru/dissers/Zhilyuk_text_dissert.pdf. – Дата доступа: 02.02.21.
9. Pfeifer, W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс] / W. Pfeifer [et al.]. – 1993. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb>. – Дата доступа: 03.02.21.
10. Duden online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.duden.de/>. – Дата доступа: 04.02.21.
11. Кучерявенко, И.В. Прилагательные с иноязычными заимствованными компонентами (основами и суффиксами) греко-латинского происхождения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Электронный ресурс] / И.В. Кучерявенко. – СПб., 1996. – 23 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/prilagatelnye-s-inoazychnymi-zaimstvovannymi-komponentami-osnovami-i-suffiksami-greko-latinskogo-proishozhdeniya-v-sovrem>. – Дата доступа: 27.01.21.
12. Юргенс, И.Г. Французские заимствования в немецком языке (на примере прилагательных) [Электронный ресурс] / И.Г. Юргенс // Ученые записки Новгородского государственного университета. – № 2 (6). – 2016. – С. 8. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26510667_62802712.pdf. – Дата доступа: 27.01.21.
13. Гируцкий, А.А. Введение в языкознание: учеб. пособие [Электронный ресурс] / А.А. Гируцкий. – 2-е изд. – Минск : «ТетраСистемс», 2003. – 288 с. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/6282841/>. – Дата доступа: 27.05.21.
14. Schneider, R. Schlafes Bruder / R. Schneider. – Reclam Verlag Leipzig, 1996. – 204 S.

Поступила 02.06.2021

ANALYSIS OF THE USE OF BORROWED ADJECTIVE SUFFIXES IN THE NOVEL "SCHLAFES BRUDER" BY ROBERT SCHNEIDER

I. LOHVINA

The article deals with the formation of modern German adjectives by suffixation. Attention is paid to the role of native German and borrowed suffixes in the formation of adjectives. Borrowed word-formation suffixes of adjectives used in the text of the novel "Schlafes Bruder" by the modern Austrian writer R. Schneider are identified and analyzed. The article describes the origin and composition of borrowed suffixes, determines the frequency of use of adjectives formed with their help in the text of the novel, as well as characterizes the meanings, attributed by borrowed suffixes to the adjectives. The results of the analysis of borrowed adjective suffixes with the help of the Dictionary of Word Formation Elements of German and etymological dictionaries are presented. The role of adjectives with borrowed suffixes in giving the text of the novel imagery is described.

Keywords: borrowing, suffix, adjective, derivation, word-building.

УДК 811.161.1'373.42

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФУЗНОСТЬ
В УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ****канд. филол. наук, доц. Л.П. НОВИКОВА****(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)**

Статья посвящена нормативному анализу отдельных лексических единиц с диффузным значением в русской устной публичной речи г. Витебска. Исследование проведено на материале выступлений жителей г. Витебска, представленных в региональных выпусках новостей. Установлены факты семантической диффузности, нарушающие языковые нормы русского литературного языка и мешающие массовому адресату адекватно воспринять информацию. Сделан вывод о том, что содержательная неопределённость высказываний, представляющая собой один из результатов семантической диффузности, препятствует реализации двух основных функций устной публичной речи: информативной и воздействующей.

Ключевые слова: семантическая диффузность, аутентичная публичная речь, эффективность коммуникации.

Введение. В силу ускорения процессов языковых изменений в настоящее время особую актуальность имеет постоянное наблюдение за живой устной речью, её всесторонний анализ. При этом изучение речи сферы публичной коммуникации представляет собой важнейшее направление лингвистических исследований, что обусловлено ведущей ролью СМИ «в развитии языковой системы в целом и речевой практики носителей языка в частности» [1, с. 105]. Как отмечает О.Б. Сиротинина, «если когда-то язык изменялся столетиями, в XX в. десятилетиями, то сейчас заметны изменения за месяц» [2, с. 60]. При этом данный процесс часто имеет негативный характер, снижая эффективность использования языка в общении. В текстах публичной коммуникации «страдает точность передаваемой информации», а со стороны адресата – адекватность понимания [3, с. 10]. Наблюдаемые изменения происходят в том числе и под влиянием такого речевого явления, как семантическая диффузность.

Начало изучения диффузности языковых единиц различных уровней наблюдается со второй половины XX в. Так, Д.Н. Шмелёв пришёл к выводу, «что принцип диффузности значений многозначных слов является решающим фактором, определяющим семантику» [4, с. 94]. В настоящее время данное многоаспектное явление также продолжает привлекать исследовательское внимание лингвистов. По определению А.К. Киклевича, под диффузностью следует понимать «недоопределённость содержания языковых знаков различного уровня», размытые границы между значениями «в семантической системе языка и в языковой коммуникации» [5, с. 302]. Семантическую диффузность рассматривают и как особое средство построения «метафоричного объёмного образа» [6, с. 116].

В данном исследовании под диффузностью мы понимаем недифференцированность значений слова, создающую коммуникативные риски [7]. По мнению О.Б. Сиротининой, «торжество большей диффузности» ведёт к сужению лексического разнообразия – обеднению системы языка [8, с. 44].

Цель нашего исследования – выявление и нормативный анализ лексических единиц с диффузным значением в русской устной публичной речи г. Витебска.

Материалом данного исследования послужили выступления жителей г. Витебска (275 человек), представленные в региональных выпусках новостей и транслируемые на телеканалах «Беларусь 1», «Беларусь 2», «Скиф», «Витебск». Исследуемый материал охватывает период с 2012 по 2020 гг., а его объём составляет 1513 высказываний. Следует подчеркнуть, что все респонденты, на материале речи которых строится наше исследование, занимают должности, предполагающие наличие высшего образования. Подобный критерий отбора респондентов позволяет утверждать, что объектом данного исследования выступает русская устная публичная речь носителей литературного языка.

Основная часть. В проанализированном материале распространённой лексической единицей, проявляющей увеличение диффузности значения, является наречие *достаточно*. Наблюдается регулярное употребление данного слова в качестве усилителя признака, т.е. в синтаксической роли обстоятельства меры и степени, в то время как по данным словарей нормативным считается его использование в качестве сказуемого при сообщении «о том, что проявляется в необходимой мере, имеется в нужном количестве» [9]. Приведём примеры нормативного употребления слова *достаточно* в проанализированном материале: *для того, чтобы проникнуть в дом, злоумышленникам достаточно было просто с усилием толкнуть дверь* (05.03.12, Скиф, инспектор по связям с общественностью); *чтобы работать с ней, надо ну достаточно серьёзные знания* (17.11.17, Витебск, директор лаборатории); *увеличения будет достаточно для того, чтобы говорить, что проблемы в городах на перекрёстках будут решены* (18.09.20, Витебск, сотрудник областного комитета).

Выявленное в проанализированном материале ненормативное употребление данной лексической единицы (88% высказываний от общего числа, содержащих данное слово), которое значительно превышает нормативное (12% соответственно), на основании различной семантики высказываний можно классифицировать на две группы.

1. Выражается достаточность положительного: *выпуск составил почти около пятисот человек в среднем, поэтому это уже достаточно серьёзная цифра* (09.01.12, Скиф, профессор); *на эти проекты достаточно серьёзно ставки делают производственники* (31.01.12, Скиф, профессор); *ребята всё это воспринимают достаточно серьёзно* (20.02.12, Скиф, директор ГУО); *вообще в целом в области шла достаточно массово работа* (01.03.12, Скиф, сотрудник облисполкома); *в мононациональной группе происходит достаточно быстрое сплочение коллектива* (18.04.13, Скиф, доцент); *обращение к проблеме развития системы специального образования представляется достаточно актуальным* (19.03.13, Витебск, преподаватель вуза); *необходимо, чтобы была достаточно чётко сформулирована цель* (13.11.14, Скиф, профессор); *отбирается команда, которая будет достаточно достойно представлять нашу область* (12.01.15, Витебск, заведующий кафедрой); *я считаю, что эта цифра достаточно большая* (10.01.15, Витебск, директор музея); *мы будем устанавливать его там, где будет достаточно большое количество людей* (06.07.15, Витебск, сотрудник облисполкома); *поздравляю с таким достаточно большим юбилеем* (26.04.16, Витебск, экономист); *в этом году такой достаточно сильный блок национальной культуры* (28.06.17, Скиф, замдиректора музея); *эта школа имеет такие достаточно серьёзные традиции* (08.08.18, Витебск, специалист отдела образования); *спектр документов он достаточно широк* (01.02.19, Витебск, сотрудник областного архива); *изделие достаточно успешно продавалось на рынках не только Республики Беларусь* (20.03.19, Витебск, директор предприятия); *сегодня у медицинских работников есть достаточно большой опыт* (16.09.20, Витебск, сотрудник облисполкома); *отделение достаточно эффективно работает, там достаточно много серьёзных проектов* (22.10.20, Витебск, сотрудник облисполкома); *сейчас у нас достаточно большие планы и в рамках модернизации системы образования* (10.12.20, Витебск, сотрудник облисполкома).

2. Выражается достаточность отрицательного: *достаточно много времени ушло на то, чтобы выяснить имена, фамилии самих журналистов* (03.11.17, Витебск, научный сотрудник музея); *в профсоюзе создан фонд людям, которые находятся в таком достаточно тяжёлом положении* (30.05.18, Витебск, сотрудник облисполкома); *сохраняется ситуация по короновирусной инфекции на достаточно напряжённом уровне* (30.11.20, Витебск, сотрудник облисполкома).

Первая группа высказываний количественно значительно превышает вторую и может быть проявлением формирующейся узуальной устно-литературной нормы. Высказывания, отнесённые ко второй группе, малочисленны и, имея алогичное значение достаточности отрицательного признака, носят явно ненормативный характер. Вместе с тем в двух группах приведённых примеров вместо наречия *достаточно* нормативным было бы употребление наречия *довольно*, имеющего значение «некоторой степени чего-либо» [9]. Одной из причин подобного «болевого участка» системы О.Б. Сиротинина считает отсутствие в словарях «необходимой для разграничения синонимов запрещающей наглядности» [8, с. 41].

Некоторые исследователи относят слово *достаточно* в таком ненормативном употреблении к словам-«паразитам». Так, О.И. Северская отмечает, что в данном случае проявляется нелюбовь говорящих к определенности, «замаскированная внешним стремлением к точности» [10]. Действительно, представленные нами примеры показывают, что говорящие часто используют слово *достаточно* в высказываниях, предполагающих сообщение количественной информации.

В связи с вышесказанным остановимся здесь на особенностях употребления в речи слов *около* и *порядка* в сочетании с числительными. По данным нормативных источников первое слово имеет значение «приблизительно, почти, немного меньше», в то время как второе определяется через одно из значений первого и означает «приблизительно» [11]. При этом важно понимать, что предлог *порядка*, имеющий разговорный характер, указывает на округление числа, в то время как *около* предполагает уменьшение обозначенной величины. Анализ материала исследования показывает, что говорящие регулярно используют в устной публичной речи разговорный предлог *порядка* (38% высказываний от общего числа, содержащих значение приблизительного количества), продуцируя тем самым высказывания с более размытой семантикой: *порядка тридцати процентов – аденовирусная инфекция* (12.01.12, Скиф, врач); *зарегистрировали порядка тридцати тысяч безработных* (26.01.12, Беларусь 1, сотрудник облисполкома); *порядка три¹ тысячи объектов снесено* (01.03.12, Скиф, сотрудник облисполкома); *был причинён вред в крупном и особо крупном размере порядка семьсот сорока миллионов рублей* (10.04.12, Беларусь 1, сотрудник госконтроля); *у нас порядка девяносто три – девяносто пяти процентов проб отобранных качеством воздуха ниже предельных норм* (16.01.15, Витебск, сотрудник областного комитета); *стоимость путёвки – порядка четырёх миллионов рублей* (19.05.16, Витебск, начальник центра санаторно-курортного лечения); *порядка, наверное, двух с половиной – четырёх миллиардов эти станции стоят* (03.05.16, Витебск, замдиректора УКС); *в бригаде увольняется порядка полтысячи человек* (15.11.17, Витебск, командир бригады);

¹ В примерах сохранены формы числительных, употреблённые говорящими.

среднегодовые объемы реализации природного газа колеблются порядка от трех до трех с половиной миллиардов метров кубических в год (01.02.18, Скиф, замдиректора предприятия); положительное сальдо во внешней торговле города Витебска с иными городами и странами составит порядка ста миллионов долларов (25.06.18, Витебск, сотрудник горисполкома); запланировано благоустроить детскими площадками порядка четырнадцати дворов (05.04.19, Витебск, директор организации); зарегистрировали паспорта к работе в осенне-зимний период порядка шестидесяти процентов потребителей тепловой энергии (15.09.20, Витебск, сотрудник филиала госэнергонадзора) и т.д. Зафиксированы также факты употребления в одном высказывании двух и более слов, означающих приблизительность: *это где-то порядка около* *восемьсот человек сохранили свою жизнь* (10.01.12, Скиф, сотрудник управления здравоохранения области); *численность составляла где-то порядка тысячи сотрудников, а сегодня областная таможня насчитывает где-то порядка пятисот сотрудников* (21.09.12, Скиф, сотрудник Витебской таможни); *если в среднем лечение бы стоило где-то порядка двадцати миллионов белорусских рублей, то оно обходится где-то четыреста – пятьсот тысяч* (13.01.15, Витебск, сотрудник облисполкома); *где-то около порядка двухсот сорока человек – начальные классы* (14.09.20, Витебск, главный инженер) и т.д. Отметим также, что сообщение в подобных высказываниях точных данных позволило бы говорящим избежать многочисленных грамматических ошибок в употреблении количественных числительных.

В проанализированном материале зафиксированы факты явно ненормативного употребления существительного *деньги*: *ежегодно мы где-то по сто тысяч денег вкладываем в оборудование* (13.11.17, Витебск, директор предприятия); *сорок две тысячи денег потрачено* (10.11.20, Витебск, руководитель областной организации). В приведённых высказываниях наблюдается необоснованное расширение семантики слова *деньги*, его использование как диффузного обозначения денежной единицы.

Обращает на себя внимание ошибочное употребление глагола *одеть* вместо *надеть*. Данное нарушение детерминировано нечёткой разницей производимых действий, обозначаемых соответствующими словами. В результате наблюдается распространение более диффузного по своей семантике глагола *одеть*: *более ста десяти человек, которые уже завтра оденут форму* (15.05.12, Скиф, замначальника по идеологической работе); *одеть погоны приняла такое решение только в конце прошлого года* (10.11.20, Витебск, инспектор); *нужно одевать масочку* (16.11.20, Витебск, врач). В проанализированном материале употреблений глагола *надеть* не зафиксировано. Отметим, что в более обширных исследованиях также отмечается угасание употребления глагола *надеть* [8; 12]. Очевидно, что в данном случае отсутствует риск неполного понимания адресатом сказанного. Вместе с тем подобное явление отражает и более серьёзную проблему, выступая как одно из проявлений обеднения лексической системы русского языка.

Стремление к диффузации обусловлено естественной экономией адресантом умственных усилий, а в сочетании с его недостаточной речевой компетентностью и малым объёмом активного лексического запаса приводит к низкой эффективности общения. Как отмечал Б.Н. Головин, точность речи представляет собой основу формирования других её важных качеств: логичности, доступности, действенности и др. [13]. Очевидно, что неточная устная публичная речь не позволяет адресату адекватно воспринимать излагаемые факты, не оказывает на него прогнозируемого воздействия и, следовательно, в значительной степени снижает продуктивность общения. Для повышения эффективности коммуникации в первую очередь необходимо учитывать тип адресата. Так, массовый адресат требует в общении с ним «повышенных умственных усилий» [2, с. 62]. Отличие данного адресата, характеризующегося высокой степенью разнородности, состоит в отсутствии возможности определения его компетентности, а также обратной связи с ним.

Заключение. В проанализированных фрагментах устной публичной речи выявлены факты семантической диффузности, нарушающие языковые нормы русского литературного языка и мешающие массовому адресату адекватно воспринять информацию. Содержательная неопределённость высказываний, представляющая собой один из результатов семантической диффузности, препятствует реализации двух основных функций устной публичной речи: информативной и воздействующей [14]. В условиях устной публичной коммуникации, исключая наличие у адресата возможности переспроса, высказывание должно соответствовать языковым нормам и содержать достаточную для полноты понимания информацию.

Нельзя не согласиться, что «лингвистическая достоверность» большей частью основана на «накоплении и сопоставлении как можно большего количества речевых фактов», что говорит о важнейшей роли «самого накопления проанализированных с разных сторон фактов» для развития лингвистики [12, с. 17]. Следовательно, последующее планомерное изучение современной устной публичной речи позволит проследить динамику рассмотренных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минчук, И.И. Русский и белорусский языки в эфире белорусских телеканалов / И.И. Минчук // Медиалингвистика. – 2017. – № 2 (17). – С. 105–114.
2. Сиротина, О.Б. Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики / О.Б. Сиротина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 1. – С. 59–71.

3. Сиротинина, О.Б. Динамизм процессов в современной русской речи / О.Б. Сиротинина // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. – 2016. – Т. 22, № 3.2. – С. 9–14.
4. Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка / Д.Н. Шмелёв. – Москва : Наука, 1973. – 280 с.
5. Kiklewicz, A.K. Zrozumiec jezyk. Szkice z filozofii jezyka, semantyki, Ingiwistyki komunikacyjnej / A.K. Kiklewicz. – Lask : Oficyna Wydawnicza Leksem, 2007. – 453 s.
6. Леонтьева, А.В. Диффузность семантики слова при создании метафоричного объёмного образа / А.В. Леонтьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12. – С.116–118.
7. Сиротинина, О.Б. Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений / О.Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной. – Саратов, 2012. – Вып. 12. – С. 5–13.
8. Сиротинина, О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / О.Б. Сиротинина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. – 116 с.
9. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/достаточный>. – Дата доступа: 14.01.2021.
10. Северская, О.И. Слова-«паразиты» [Электронный ресурс] / О.И. Северская // Наука и жизнь. – 2021. – № 1. – Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/3530/>. – Дата доступа: 15.01.2021.
11. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
12. Сиротинина, О.Б. «Волны» изменений в функционировании русского языка / О.Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной. – Саратов, 2015. – Вып. 15. – С. 4–23.
13. Головин, Б.Н. Основы культуры речи / Б.Н. Головин. – М. : Высшая школа, 1988. – 320 с.
14. Кормилицына, М.А. Содержательная неопределённость современных медиатекстов как результат нарушения в них баланса стандарта и творчества (на материале печатных СМИ) / М.А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. – Саратов, 2016. – Вып. 16. – С. 16–27.

Поступила 11.03.2021

SEMANTIC DIFFUSION IN ORAL PUBLIC SPEECH: NORMATIVE ASPECT

L. NOVIKOVA

The article is devoted to the normative analysis of lexical units with diffuse meaning in the Russian oral public speech of the city of Vitebsk. The research was conducted on the material of speeches of the residents of Vitebsk, presented in regional news releases. The facts of semantic diffuseness that violate the linguistic norms of the Russian literary language and prevent the mass addressee from adequately perceiving information have been established. It is concluded that the meaningful indeterminacy of statements, which is one of the results of semantic diffuseness, prevents the realization of two main functions of oral public speech: informative and influencing.

The article presents normative analysis of lexical units with defuse meaning in Russian authentic public speaking in the city of Vitebsk, selected from regional news reports. It identifies and examines samples of semantic diffuseness, violating norms of the Russian language impeding adequate perception of the news. The article claims that uncertainty of meaning of analyzed statements can result from semantic diffuseness of their lexical units, preventing the realization of two main functions of public speaking, i. e. informative and emotive.

Keywords: semantic diffuseness, authentic public speaking, communication efficiency.

УДК 811.133.1'36(045)

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА СОЧИНИТЕЛЬНОГО СОЮЗА *ni* 'НИ' IN POTENTIA
В СТАРО- И СРЕДНЕФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ**

канд. филол. наук, доц. Ю.В. ОВСЕЙЧИК
(Минский государственный лингвистический университет)
ovsei77@rambler.ru

Статья посвящена выявлению функциональных свойств сочинительного союза *ni* 'ни' в старо- и среднефранцузском языках. Установлено, что несмотря на низкую употребительность союз демонстрирует свои соединительные свойства в разнообразных контекстах, образуя единицы разной синтаксической сложности. Выявлено, что функционирование современного одинарного *ni* 'ни' и двойного союза *ni... ni...* 'ни... ни...' при соединении частей простого или сложного предложений в условиях отрицательного контекста имеет исторические предпосылки. Начиная с периода старо- и среднефранцузского языка некоторые употребления союза не претерпевают существенных изменений, некоторые употребления видоизменяются. При этом употребление союза может квалифицироваться как ненормативное для современного французского языка, сохраняясь как архаичное, либо готовое полностью исчезнуть в последующем.

Ключевые слова: сочинительный союз, употребительность, употребление, старо- и среднефранцузский языки.

Введение. Сочинительные союзы относятся к наиболее частотным словам в каждом языке и, представляя закрытый класс служебных неизменяемых слов, выполняющих в первую очередь функции «строительные», сочетательные, проявляют свои «уникальные» свойства в организации единиц различной степени сложности [1–3].

В трудах по диахронической лингвистике информация относительно системы сочинительных союзов французского языка представлена скудно. Авторы зачастую ограничиваются перечислением некоторых сочинительных союзов, уделяя значительное внимание развитию подчинительной связи в период старо- и среднефранцузского языка [4–6].

В связи с развитием корпусно-ориентированной методики в современных лингвистических исследованиях внимание ученых привлекает квантитативный компонент языка, т.е. учет в первую очередь более частотных элементов по сравнению с менее частотными, и «признание квантитативных отношений существенным фактором в языковой эволюции и структуре языковых правил» [7, с. 9].

Старофранцузский язык является той исходной точкой, где намечаются основные тенденции функционирования сочинительных союзов на уровне единиц разной синтаксической сложности. Объектом исследования является сочинительный союз *ni* 'ни', который согласно традиционной грамматике квалифицируется по характеру выражаемых им отношений наравне с союзом *et* 'и' как соединительный, во французской терминологии «copulative» «копулятивный» [8, § 272, р. 326]. Однако на протяжении более чем тысячелетней истории развития французского языка союз *et* 'и' значительно превосходит союз *ni* 'ни' в частотности, что закономерно вызывает вопрос о причинах низкой употребительности последнего.

Целью статьи является выявление функциональных свойств союза *ni* 'ни' в период старо- и среднефранцузского языка.

Первая письменная фиксация союза *ni* 'ни' относится к периоду старофранцузского языка (842 г.). В знаменитом литературно-историческом памятнике «Страсбургских клятвах» (*фр.* Serments de Strasbourg) двойной союз употребляется в отрицательном контексте, образуя сочиненный ряд:

(1) *Si <...> Karlus, meos sendra, de suo part non lo [sagrament]'s tanit ..., ne io ne neuls cui eo returnar int pois, in nulla aiudha contra Lodhuuig nun li iu er* '<...> если я ему в этом не смогу помешать, ни я, ни другой, кому я в этом смогу помешать, никакой помощи против Людовика ему не окажет' (Serments de Strasbourg, пер. В.И. Томашпольского).

В словарях старо- и среднефранцузского языка «Dictionnaire universel de Furetière», «Dictionnaire de l'ancienne langue française de Godefroy», «Dictionnaire du français moyen» [9–11] информация относительно сочинительного союза *ni* 'ни' сводится к формальному представлению единицы. Отмечается её двойной характер написания (*double sémiologie*): форма *ne*, которая сохраняется до XVII в. особенно в устойчивых выражениях, и форма *nu* (или *ni*), которая фиксируется с XIII в. и входит в употребление только в XVI в. [12, р. 285].

Грамматикографическое описание единицы периода старо- и среднефранцузского языка неоднозначно. Статус лексемы как «coordonnant négatif» 'отрицательного сочинительного союза' ставится под сомнение, и единственное употребление единицы признается в роли «forclusif de la négation» 'ограничителя отрицания' [13; 14]. Отмечается, что на протяжении старо- и среднефранцузского периодов союз *ni* еще не является союзом *stricto sensu* [15, р. 239].

Основная часть. Рассмотрим качественные и количественные характеристики союза *ni* 'ни' в период старо- и среднефранцузского языка.

Обращение к старо- и среднефранцузскому подкорпусам Национального корпуса французского языка Frantext [16], которые включают 59 документов XI–XIII вв., общим объемом 2 829 657 словоупотреблений, и 339 документов 1300–1499 гг., или 11 244 215 словоупотреблений, позволило установить, что в старо- и среднефранцузский период развития языка союз *ni* 'ни' является самым малоупотребительным из семи ядерных сочинительных союзов.

Анализ количественных показателей союза *ni* 'ни' в хронологической перспективе (1001–2020 гг.) проводился на сегментах в 1 миллион словоупотреблений. Согласно полученным данным, употребительность союза *ni* 'ни' в период старо- и среднефранцузского языка (1001–1299 гг. и 1300–1499 гг.) характеризуется относительно стабильными низкими показателями (21 и 26 вхождений на 1 миллион словоупотреблений в подкорпусе старо- и среднефранцузского языка соответственно) и сопровождается резким, интенсивным, скачком после 1750 г. (рисунок).

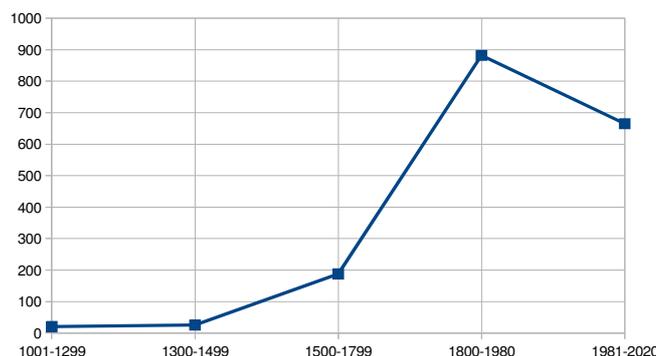


Рисунок. – Динамика употребительности сочинительного союза *ni* 'ни'

Материалом для исследования послужили отобранные методом сплошной выборки контексты с союзом *ni* 'ни' из старо- и среднефранцузского подкорпусов Frantext. Количество вхождений союза в подкорпусе среднефранцузского языка составляет 274 (или 0,13% от общего количества вхождений сочинительных союзов в подкорпусе), а в подкорпусе старофранцузского языка фиксируется 51 вхождение (или 0,05% от общего количества вхождений сочинительных союзов в подкорпусе).

Анализ лексикографических и грамматикографических источников, а также лингвистической литературы позволяет нам утверждать, что низкая частотность единицы по сравнению с другими ядерными сочинительными союзами среднефранцузского языка (например, в среднефранцузском языке *et* 'и' – 47,0%, *ou* 'или' – 27,27%, *no* – 13,24%, *car* 'так как' – 11,05% и др.) обусловлена как неоднозначностью самой лексемы, так и активным употреблением «*soordonnants positifs*» 'положительных сочинительных союзов' (*et* 'и' и *ou* 'или') [13] в старо- и среднефранцузском языках.

Этимологически восходящая к латинской лексеме *nec* (*lat.*) современная форма *ni* является результатом слияния исходной формы *ne* со старофранцузским демонстративом *icel* > *celui* 'этот' или с личным местоимением *il* 'он' (*ne* + *icel* > *n'icel* > *n'il* > *ni*). Вплоть до конца XV в. форма *ny*¹ была малоупотребительной и только с начала XVI в. начинает активно использоваться [17, р. 339; 15, р. 82].

В нашей выборке фиксируется использование нескольких вариантов в одном контексте. Например, посредством двух разных форм союза соединяются два именных компонента сочиненного ряда:

(2) *Le medecin ny froit ni chault Ne me fait* 'Врач не делает мне ни тепло, ни холодно' (здесь и далее перевод наш – Ю.О., если не указано иное) [16].

Продолжительное сохранение вариативности письменной формы союза *ni* 'ни' (*ne*, *ně*, *n'*, *ni*, *ny*) приводит к омонимии, совпадению в старо- и среднефранцузском языках с частицей *ne* 'не', «*discordanciel*» 'различителем' [19; 20], восходившей к латинскому превербальному *non* [17, р. 321]. В старофранцузском языке с помощью приглагольной отрицательной частицы *ne* выражалось монологическое отрицание (однокомпонентное) отрицание. В период старо- и среднефранцузского языка система средств выражения отрицания только формируется. Из неё постепенно исчезают единицы латинского происхождения на *ne-*, специально предназначенные для выражения отрицания. Например: *neis* заменен на *même* 'даже' в современном французском языке; *aucun*, *personne* 'никто' приходит на смену *nul*; *rien* 'ничто' замещает *néant* [14]. Совпадение

¹ Французские исследователи Средневековья отмечают авторское предпочтение в употреблении той или иной формы. Так, в произведениях А. Chartier и Fr. Villon фиксируется только форма *ne* и только 4 раза *ni* в произведениях G. de Machaut и одно единственное использование *ny* в произведениях Fr. Villon [13].

двух лексем *ne* (одна из которых является отрицательной частицей, а вторая – союзом) предопределяет количественные и качественные характеристики союза *ni* ‘ни’ в контекстах, в которых совмещается сочинение и отрицание.

Контексты, в которых одновременно употребляются отрицательная частица и союз, фиксируются в подкорпусах старо- и среднефранцузского языка. Союз *ni* ‘ни’ соединяет как части простого предложения, так и сложного. Причем употребление в первом случае сохраняется в последующем, а второе претерпевает существенные изменения.

В простом предложении союз *ni* ‘ни’ соединяет однородные сказуемые в отрицательном контексте:

(3) *Ceste gent, dont ie vous parle, il ne courtillent ni ne labourent point en terre* ‘Эти люди не ухаживают и не возделывают землю’ [16].

Аналогичное употребление сохраняется в современном французском языке и согласно авторитетному грамматическому справочнику «Bon usage» признается нормативным. При наличии отрицания перед первым глаголом в личной форме союз *ni* ‘ни’ маркирует второй компонент. При этом отрицательная частица *ne* сохраняется также перед вторым глаголом в личной форме, например: *Je ne l'estime ni ne l'aime* ‘Я его не люблю и не уважаю’ или *Il ne boit ni ne mange* ‘Он не ест и не пьет’ (цит. по [8, § 1085, р. 1395]). Однако возможны и исключения, где в роли соединителя выступает сочинительный союз *et* ‘и’, например: *M. Guitrel ne parlait pas et ne mangeait pas = M. Guitrel ne parlait pas ni ne mangeait pas* (France, цит. по [8, § 1085 р. 1395]).

В старо- и среднефранцузском языке союз *ni* ‘ни’ обеспечивает соединение двух частей сложного предложения, каждая из которых содержит отрицание:

(4) *Alez vous en Et de cecy plus ne parlez, Ne jamais ne le revelez A homme du monde vivant* ‘Уходите отсюда и об этом больше не говорите, и никогда это не рассказывайте никому живому’ [16].

В современном французском языке в аналогичном контексте используется союз *et* ‘и’: *Ne réfléchissez pas et surtout ne raisonnez pas* ‘Не думайте и прежде всего не рассуждайте’ (Bergson, цит. по [8, § 1085 р. 1396]).

Активное употребление сочинительных союзов *et* ‘и’ и *ou* ‘или’ с широкой семантикой в разнообразных контекстах приводит к состоянию «противоборства» между употреблением *ni* ‘ни’ и союзами *et* ‘и’ и *ou* ‘или’ для выражения соединительных отношений в утвердительных и отрицательных высказываниях, которое будет продолжаться вплоть до периода классического французского языка.

Так, например, в старофранцузском языке при соединении двух предложений, одно из которых утвердительное, а второе отрицательное, употребляется либо союз *ni* ‘ни’ (5), либо *et* ‘и’ (6):

(5) *S'ele voit ne lieu ne tens / <...> / ...ele li dira ausi tost, / ne ja ne cèlera tel chose...* ‘Если она не увидит ни места, ни времени <...> она это скажет сразу же, и не спрячет этот секрет...’ (G. de Coinci. цит. по [21, р.278]);

(6) *Toujours rede il ou cante ou brait, / et si ne set onques k'il fait* ‘Всегда он говорит или поет, или плачет, и даже не знает, что делает’ (G. de Coinci, цит. по [21, р. 278]).

В современном французском языке при соединении частей сложного предложения предпочтение отдается союзу *et* ‘и’. Например: *La journée n'était pas finie, et les hommes ne se préparaient pas encore à partir* ‘День еще не закончился, и люди еще не собирались расходиться’ (Bergson, цит. по [8, § 1085 р. 1397]).

В период среднефранцузского языка одинарный союз *ni* ‘ни’ способен соединять разнофункциональные элементы. Так, например, соединение придаточного изъяснительного и обстоятельства места (7) является результатом упрощения более сложной синтаксической единицы:

(7) *...nulz ne savoit dire De voir ou vous estiez, sire, Ni en quel lieu* ‘никто не смог сказать, что видел, где вы были, господин, и в каком месте’ [16].

Показательно, что тенденция к упрощению в среднефранцузском языке характерна для синтаксических образований, сочиненных посредством самого употребительного союза *et* ‘и’. В результате трансформации (7а) восстанавливается исходная, сложная синтаксическая единица: (7а) *...nulz ne savoit dire De voir ou vous estiez, sire, [ni personne ne savait dire en quel lieu]* ‘...никто не смог сказать, что видел, где вы были, господин, и [никто не мог сказать в каком месте]’.

Анализ контекстов позволил установить, что в период старо- и среднефранцузского языка при условии наличия эксплицитно выраженного отрицания при участии одинарного союза *ni* ‘ни’ и двойного союза *ni... ni...* ‘ни... ни...’ образуются именные и неименные сочиненные ряды (86% контекстов нашей выборки).

Перейдем к рассмотрению функционирования союза *ni* ‘ни’ при образовании сочиненных рядов.

Одинарный союз *ni* ‘ни’ проявляет низкую активность в образовании сочиненных рядов по сравнению с союзами *et* ‘и’, *ou* ‘или’. Дистрибутивный анализ позволил установить, что количество контекстов с двойным союзом в среднефранцузский период по сравнению со старофранцузским периодом не увеличивается, как это характерно для союзов *et* ‘и’ и *ou* ‘или’.

Количественное сопоставление контекстов с одинарным союзом *ni* ‘ни’ и двойным союзом *ni... ni...* ‘ни... ни...’ в выборке демонстрирует преобладание контекстов с именными сочиненными рядами (*ni*) N

ni N и (*ni*) Adj *ni* Adj в старо- и среднефранцузском языке. Неименные сочиненные ряды (V_{pers} **ni** V_{pers}) не частотны, что, на наш взгляд, объясняется одновременным употреблением приглагольного отрицания и союза (см. пример (3)). Количественная корреляция контекстов с одинарным и двойным союзом (48% vs. 52%) при соединении двух компонентов именного сочиненного ряда позволяет говорить о факультативной маркированности первого сочиненного компонента союзом *ni* 'ни'. Ср.:

(8) *Ne portoit perches ne bastons* 'Не носили жердей ни палок' [16].

(9) *Mes il ne avoient ne sacrefices ne prestres* 'Но они не сделали ни жертв, ни молитв' [16].

Сочиненные ряды с одинарным и двойным союзами представляют синонимические пары, колеблющиеся от слабой синонимичности до полной тавтологии, например: *ne plur ne pleigne* 'ни плача, ни печали', *ne pur mort ne pur destreit* 'ни пред невзгодой, ни смертью', *ne vestut ne saisit* 'ни облачен, ни принят', *que nus perduns l'onur ne la deintet*, 'чем нам терять и славу, и почет', *n'orrat de nos paroles ne nuveles* 'нету от нас ни весточки, ни гласа'.

В современном французском языке при образовании именного сочиненного ряда при отсутствии частицы *pas*, ограничителя отрицания, используются двойной *ni... ni...* 'ни... ни...' или повторяющийся союз *ni... ni... ni...* 'ни... ни... ни...', например: *Heureux qui n'a ni dettes ni procès* 'Счастлив тот, у кого нет ни долгов, ни судебных тяжб'; *Il ne fut content ni des mets, ni des vins, ni du service* 'Он не был доволен ни блюдами, ни вином, ни обслуживанием' (Flaubert, цит. по [8, p. 1397, § 1085]). В противном случае, при наличии отрицательного ограничителя, нормативная грамматика современного французского языка предписывает использовать союз *ni* 'ни' для введения второго компонента: *il n'a pas de parents ni d'amis* 'у него нет родителей, ни друзей (букв.)' (Bergson, цит. по [8, p. 1397, § 1085]). Однако при данной норме отмечаются отклонения. Допускается использование союза *et* 'и' в аналогичном контексте, как например: *Les mathématiques n'admettant pas l'hypocrisie et le vague* 'Математика не допускает лицемерия и неопределенности' (Stendhal, цит. по [8, p. 1397, § 1085]).

Сочиненные ряды с двойным союзом *ni... ni...* 'ни... ни...' не выполняют самостоятельной функции отрицания, а служат только для его усиления, придавая ему исключаящий характер ('не-Х и не-У'). Установлено, что в старо- и среднефранцузском языке отрицательно-усилительный двойной союз *ni... ni...* 'ни... ни...' используется при указании на несуществование предметов, явлений в следующих случаях:

– при наличии в именном сочиненном ряду лексемы с обобщающим значением *riens* 'ничто':

(10) *...de lui riens ne remaingne Ni char ny os* '...от него ничего не осталось, ни плоти, ни костей' [16];

(11) *...ne arque ni table ne riens ne pouvoit se tenir en son lieu* '...ни арки, ни столов, ничего не могло стоять на его месте' [16];

– при соединении предложных или наречных групп: *ne en fais ne en dis* 'ни сказанного, ни сделанного'; *n'avant n'arriere* 'ни вперед, ни назад'; *ni a l'ostel ne a la bataille* 'ни в гостинице, ни в битве'; *ni del'un ni de l'autre* 'ни от одного, ни от другого'; *ne comment ne par qui elles sont gouvernees* 'ни как, ни кем они управляются';

– при соединении семантически противоположных единиц для выражения значения промежуточности, когда одинаково отрицаются два соединенных компонента, например: *ne ben ne mal* 'ни хорошо, ни плохо'; *ne a dreit ne a tort* 'ни за что, ни про что'.

Свойство двойного союза *ni... ni...* 'ни... ни...' соединять два противопоставленных компонента приводит к появлению устойчивых сочетаний, как например:

(12) *Suis je donc devenu ane ? Je en porte bien les enshes: Ne plus ni meyns, come ung ase !* 'Неужто я стал старше? Я хорошо справляюсь с обучением: Ни больше, ни меньше как мастер!' [16].

Многокомпонентных сочиненных рядов с повторяющимся союзом *ni... ni... ni...* 'ни... ни... ни...' в период старо- и среднефранцузского языка не выявлено. Однако в условиях отсутствия строгих грамматических правил при эксплицитно выраженном отрицании многокомпонентный сочиненный ряд с союзом *ni* 'ни' образуется либо с одновременным участием союзов *et* 'и' или *ou* 'или', либо при помощи конструкции с предлогом *sans* 'без'. В подкорпусе старофранцузского языка подобных контекстов не выявлено, а в подкорпусе среднефранцузского языка они единичны, что позволяет говорить о нововведении в синтаксисе среднефранцузского языка.

Для контекстов, в которых многокомпонентные сочиненные ряды образованы с одновременным использованием союза *ni* 'ни' и *et* 'и' (13) или *ou* 'или' (14), характерно отсутствие союзного показателя перед первым компонентом (обозначено знаком \emptyset).

(13) *...quand un noble homme venoit en eage compétent de porter armes, jamais ne cessoit, non doutant \emptyset péril de corps, e peines, ni travaux que advenir luy pust* '...когда благородный человек достигает возраста носить оружие и не переставать сомневаться в рисках для тела, и в тяжелых трудах ни (= и) выполняемых работ' [16];

(14) *...ilz ne sont pas \emptyset pelez ou chauves ne barbus* '...они не есть волосатые или лысые, ни (= или) бородатые (букв.)' [16].

Отметим, что отсутствие союзного показателя перед первым компонентом в отрицательном многокомпонентном сочиненном ряду допустимо в современном языке, например: *Je ne dispose malheureusement*

de la volonté ø de la jeune personne, ni de celle de sa mère, ni de celle d'une cousine 'К сожалению, у меня нет воли молодого человека, ни воли его матери, ни воли двоюродной сестры' (Stendhal, цит. по [8, § 1085 p. 1395]). В то время как использование нескольких союзов в образовании отрицательного сочиненного ряда признается ненормативным в современном французском языке [8]. Однако в классическом французском языке возможно использование одиночного союза в многокомпонентном ряду в исключительных случаях, как например: *Coufre, banc, ny rocher, n'exigea de péage* 'Сундук, скамейка или камень не просят платы' (La Fontaine, цит. по [8, § 1085 p. 1395]).

При образовании двух- или многокомпонентного сочиненного ряда конструкция с предлогом *sans* 'без' реализуется в нескольких вариантах: *sans + N + ni + N*, *sans + V + ni + V*, *sans + V + n i + N + ni + N*. Предлог *sans* 'без' выражает «la privation, l'absence, l'exclusion» 'лишение, отсутствие, исключение' [22] и выступает в роли отрицательного различителя, маркируя начало сочиненного ряда. Выявленные ассоциативные двух- и трехкомпонентные сочиненные ряды удовлетворяют всем условиям канонического сочинения, характеризуются лексико-семантической тождественностью и синтаксической однофункциональностью: *sans devise ni testament* 'без беседы и завещания'; *sans boire ne citre ne vin* 'не выпив ни сидра, ни вина'; *sans sentir le chaud ni l'odour Dou feu ne de sa grant ardeur* 'не чувствовать тепло ни запах огня, ни его огромной страсти (букв.)'; *sans en ce parler ne comprendre* 'не говорить об этом и не понимать'.

В последующем данные конструкции оказались весьма продуктивны в создании фразеологических оборотов, таких как: *sans feu ni lieu* 'бездомный', *sans foi ni loi* 'без веры или закона', *sans queue ni tête* 'бессмысленный', *sans rime ni raison* 'ни пять ни в десять', *sans sou ni maille* 'без гроша и рубахи', *sans tambour ni trompette* 'тишком', *sans peur ni reproche* 'без страха и упрека' [22].

Заключение. Таким образом, в период старо- и среднефранцузского языка союз *ni* 'ни', несмотря на низкую употребительность, демонстрирует широкие функциональные возможности в отрицательных контекстах, образуя единицы разной синтаксической сложности, что отражается в его сочетаемостных свойствах. Функционирование современного одинарного *ni* 'ни' и двойного союза *ni... ni...* 'ни... ни...' имеет определенные исторические предпосылки: некоторые употребления союза либо не претерпевают изменений, начиная с периода старофранцузского языка, либо изменяются, при этом употребление союза может квалифицироваться как ненормативное для современного французского языка, сохраняясь как архаичное, либо готовое полностью исчезнуть в последующем.

Начиная с периода старо- и среднефранцузского языка сохраняется устойчивая тенденция использовать сочинительный одинарный союз *ni* 'ни' при соединении двух неизменных компонентов (*ne V_{pers} ni ne V_{pers}*), маркировать второй компонент союзом *ni* 'ни' в двухкомпонентных именных сочиненных рядах при сохранении отрицательной частицы (*pas N ni N*, *pas Adj ni Adj*). Одинарный союз *ni* 'ни' утрачивает свои функциональные свойства при соединении частей сложного предложения, а также при соединении разнофункциональных сочиненных компонентов в результате упрощения сложного предложения (придаточное и обстоятельство в последующем в пользу союза *et* 'и'). Свойство двойного союза *ni... ni...* 'ни... ни...' образовывать двухкомпонентный канонический сочиненный ряд (*ni N ni N*, *ni Adj ni Adj*) при соединении противоположных понятий приводит к появлению устоявшихся сочетаний в последующем (*ni plus ni moins*). В многокомпонентном сочиненном ряду в период среднефранцузского языка начинают использоваться конструкции с предлогом *sans* и союзом *ni*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
2. Норман, Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка / Б.Ю. Норман. – М. : Флинта, 2013. – 254 с.
3. Урысон, Е.В. Опыт описания семантики союзов / Е.В. Урысон. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 339 с.
4. Катагощина, Н.А. История французского языка / Н.А. Катагощина, М.С. Гурычева, К.А. Аллендорф. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1963. – 448 с.
5. Скредина, Л.М. История французского языка : учеб. пособие для вузов / Л.М. Скредина, Л.А. Становая. – М. : Высш. шк., 2001. – 464 с.
6. Шигаревская, Н.А. История французского языка / Н.А. Шигаревская. – М. : Просвещение, 1984. – 285 с.
7. Плунгян, В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В.А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 7–20.
8. Grevisse, M. Le bon usage. Grammaire française / M. Grevisse. – Paris : Duculot, 2018. – 1762 p.
9. Dictionnaire du Moyen Français. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atilf.fr/dmf/>. – Дата доступа: 15.12.2020.
10. Godefroy, F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle [Электронный ресурс] / F. Godefroy. – P. : F. Vieweg, 1881. – Режим доступа: <http://micmap.org/dicfro/chercher/dictionnaire-godefroy/>. – Дата доступа: 15.12.2020.
11. Furetière, A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes et les termes de toutes les sciences et des arts [Электронный ресурс] / A. Furetière. – La Haye : Rotterdam, Leers, 1690. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50614b/>. – Дата доступа: 15.12.2020.

12. Marchello-Nizia, H. Histoire de la langue française aux XIVe et XVe siècles / H. Marchello-Nizia. – Paris : Bordas, 1979. – 285 p.
13. Badiou-Monferran, Cl. Psychomécanique et évolution de signifiant : le cas du coordonnant négatif à l'aube du français moderne / C. Badiou-Monferran // Langue française. – 2005. – № 147. – P. 84–97.
14. Badiou-Monferran, C. Négation et coordination en français classique : le morphème ni dans tous ses états / C. Badiou-Monferran // Langue française. – 2004. – № 143. – P. 69–92.
15. Soutet, O. Études d'ancien et de moyen français / Soutet, O. – Paris : PUF, 1992. – 239 p.
16. Национальный корпус французского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.frantexte.fr/>. – Дата доступа : 15.12.2020.
17. Fouché, P. Phonétique historique du français / P. Fouché. – 2e éd. – Paris : Klincksieck, 1969–1970, [1952]. – 3 vol. – 440 p.
18. Bourciez, E. & J. Phonétique française, étude historique / E. & J. Bourciez. – Paris : Klincksieck, 1967. – 564 p.
19. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с фр. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
20. Blondet S. Grammaire complète / S. Blondet. – Paris : Editions Jean-Paul Gisserot, 2004. – 253 p.
21. Foulet, L. Petite syntaxe de l'ancien français / L. Foulet. – Paris : Champion, 1930. – 356 p.
22. Trésor de la Langue Française [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.le-dictionnaire.com/definition/>. – Дата доступа : 10.12.2020.

Поступила 06.07.2021

FUNCTIONAL PROPERTIES OF COORDINATOR NI EN POTENTIA IN OLD AND MIDDLE FRENCH

Y. AUSEICHYK

The article is devoted to the identification of the functional properties of the coordinator ni in the Old and Middle French. It has been established that, despite its low usage, the union demonstrates its connecting properties in various contexts, forming units of different syntactic complexity. It was revealed that the functioning of the modern single coordinator ni and the double coordinator ni... ni... when connecting parts of a simple or complex sentence in a negative context has historical prerequisites. Since the period of the Old and Middle French language, some uses of the coordinator do not undergo significant changes, some uses are modified. At the same time, the use of the coordinator can be classified as abnormal for the modern French language, remaining as archaic, or ready to disappear completely in the future.

Keywords: coordinator, frequency, functioning, Old and Middle French.

УДК 811.112.2'276.6: 33

**СТАНОВЛЕНИЕ КРЕДИТНОЙ ЛЕКСИКИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО ПЕРИОДА:
СТРУКТУРНЫЕ И ФОРМАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

канд. филол. наук **Н.Н. ПРИСТУПА**

(Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Минск)
pristupa@bsuir.by

Статья посвящена исследованию специфики структурных и формальных характеристик семантического поля кредитной сферы деятельности в немецком языке ранненововерхненемецкого периода. В статье рассматриваются основные причины функционирования вариантных форм кредитных номинаций в рассматриваемый период. Отмечается появление характерной для анализируемого периода структурной модели – сложных номинаций, являющихся специфической особенностью терминообразования в ранненововерхненемецком языке. Выявлено, что композиты не только закреплялись за понятиями кредитной сферы деятельности и реализовывали специальные значения благодаря атрибутивному компоненту, но и отражали актуальные изменения в кредитной сфере. Делаются выводы о том, что особенности структурного и формального развития кредитной лексики связаны как с эволюцией исследуемой сферы деятельности, так и с особенностью языковой ситуации в Германии XIV–XVII вв.

Ключевые слова: кредитная лексика, семантическое поле, ранненововерхненемецкий период, формальная вариантность, структурные модели, словообразовательная синонимия, языковые факторы, внеязыковые факторы.

Введение. Терминоведение изначально предполагает исследование специальных номинаций в неразрывной связи с понятиями соответствующих областей знания, с развитием и функционированием этих понятий и слов в истории социума, поэтому работы терминологического характера неизменно вписываются в современную лингвистическую парадигму.

Как показывает теория и практика терминологических исследований, выработка общих принципов описания конкретных терминологий и практических рекомендаций по их упорядочению целесообразно начинать с выявления основных тенденций исторического развития данных лексических подсистем [1, с. 178]. К тому же, исследуя эволюцию становления терминологии, в том числе с привлечением внеязыковых данных, можно определить время и особенности ее зарождения и развития, выявить общеязыковые закономерности развития различных терминосистем. При анализе формирования терминологии кредитной сферы деятельности целесообразно учитывать историко-этимологические характеристики языковых единиц, выявлять их формальные и содержательные особенности, исследовать специфику их структуры и системные отношения в соответствующем семантическом поле.

Изучение семантического поля кредитной лексики является объектом повышенного внимания лингвистов в последние десятилетия. Однако исследование процессов становления терминологии кредитной сферы деятельности в диахронической перспективе часто остается вне поля зрения ученых.

Основная часть. Рассматриваемый период в становлении кредитной сферы и формировании кредитной лексики в немецком языке соответствует ранненововерхненемецкому периоду (1350–1650 гг.), когда определяется региональная основа формирующегося литературного языка, закладываются основы письменной нормы, начинается его сознательная обработка, а также постепенное закрепление на всей немецкоязычной территории [2, с. 1–3; 3, с. 50]. Для языковой ситуации этого периода характерны такие черты, как прерывистость, смена или одновременное выдвигание нескольких языковых центров, конкурирующих друг с другом. Во второй половине XV в. высоким социальным престижем обладали восточносредненемецкий и восточноюжнонемецкий варианты письменно-литературного языка, которые стали ведущими в процессе развития немецкого национального литературного языка. Однако латинонемецкое двуязычие в высших сферах коммуникации еще сохраняется. Бурное развитие кредитного дела в Германии анализируемого периода обусловило активное обогащение состава семантического поля кредитных номинаций. Главную роль в этом обогащении играют заимствования из романских языков – итальянского и французского, генетически связанных с латынью [5, с. 103]. Факторы, обусловившие многочисленные заимствования из названных языков, – это, с одной стороны, образование Ганзейской торговой конфедерации и расцвет международной торговли с итальянскими городами; с другой стороны, в языке в целом с конца средневерхненемецкого периода старое влияние латыни постепенно сменяется влиянием французского языка.

Цель настоящей статьи – рассмотреть структурные и формальные особенности становления кредитной лексики в немецком языке ранненововерхненемецкого периода. Материалом для исследования послужили номинативные единицы одинаковой грамматической принадлежности – имена существительные, которые извлекались путем сплошной выборки из Немецкого словаря братьев Гримм, Грамматико-критического словаря немецкого языка и Словаря немецкого делового языка (Словарь языка купцов) А. Ширмера.

Следует отметить, что все обозначения рассматриваемого периода являются исключительно однословными. Однако в структурном плане они представлены простыми и сложными номинациями. Такое структурное различие имело место уже в средневерхненемецкий период, из которого были унаследованы как простые лексемы (*schuld, geld, schulden, phänder, borg, pfand, wucher, gülte, leihung, bürgschaft* и др.), так и сложные (*geltschuld, selbschuld, pfantgut, pfandherr, schuldbrief, gültebuch* и др.).

Особенностью образованных в анализируемый период номинаций является преобладание сложных лексем над простыми. Однокорневые однословные номинации могли возникать в ходе внутриязыковой семантической деривации (*gelder, restanten*) [4: 5, ст. 2890; 4: 14, ст. 823], часто появлялись в процессе заимствования иноязычной лексики (*rest, restum, restantz, hypothec, caution, procent, bank / banco, bank, bankier / bankierer, lombard, bankierotter, credit, creditor, debtor, capital, zettel, quitanzie, quit*) [4: 14, ст. 824–825; 5, с. 86; 5, с. 98; 4: 2, ст. 639; 2, с. 715; 5, с. 28; 5, с. 122; 5, 81; 6, с. 212; 4: 31, ст. 814; 5, с. 152], но чаще всего – в результате морфологического словообразования на основе исконных и иноязычных лексем: *za(h)ler, beza(h)ler, glauber, restierer, verleiher, würger, abwürger; verleihung, zinsung, quittance, quittierung, glaubenshaltung* и т.п. [4: 31, ст. 58; 4: 1, ст. 793; 4: 7, ст. 777; 4: 14, ст. 825; 4: 25, ст. 772; 4: 30, ст. 2215; 5, с. 212, 78; 4: 13, ст. 2384; 4: 7, ст. 7862; 4: 30, ст. 2235].

В структуре отмеченных однословных однокорневых номинаций регулярными являются суффиксы лица (*-er* для личных номинаций мужского рода; (*-er*)*in* – для женского), суффикс отвлеченных существительных женского рода *-ung*. Однословные простые номинации в большинстве случаев входили в язык не изолированно, а целыми словообразовательными гнездами. При этом формально-семантические связи отчетливо выступали как в кругу иноязычных обозначений, так и в кругу собственно немецких производных.

Согласно показаниям лексикографических источников, в этот период зафиксировано большое количество однословных номинации-композиции: *lehn geld, schuldsomme, schuldregister; pfand geld, pfantlehen pfandsache, pfandschuldner, pfandbuch, pfand(t)schilling, pfandverschreibung, pfandgläubiger, pfandschatz, pfandmann pfandgehalter; zins geld, zinsreichung, zinskauf, zinsbrief, zinsschuld, zinszahlung; wuchergeld, wuchergewinn, wuchergülte, wucherzins, wucherhandwerk, wucherhandl, wucherhandlung, wuchersack, wu(o)cherkunst, wucherregister, wucherhandlung; haupt geld, hauptstuhl, hauptsumme, hauptstamm, hauptstock; geltbrief, leihebrief, c(k)reditbrief, beglaubigungsbrief; quittancezettel, bankzettel; glaubsgeschrift, glaubnehmer, glaubenshaltung* и др.

Сложные номинации ранненововерхненемецкого языка, благодаря своей структуре, обретают ряд характеристик, приближающих их к статусу термина. Во-первых, они однозначно закрепляются за понятиями кредитной сферы деятельности благодаря атрибутивному компоненту. Это касается сложных номинаций документов, оформляющих кредитные операции и сделки. Опорным компонентом в их структуре были общеупотребительные слова: *brief* ‘письмо; грамота; документ’ [7], *schrift / geschrift* ‘буква, знак, запись; официальная бумага’ [7], *zettel* ‘записка, листок; лист, бланк (фин.)’ [7], *buch* ‘книга, буква, запись; бухгалтерская книга’ [7], *register* ‘перечень, реестровая книга’ [7], которые имели широкое значение, не относящееся непосредственно к конкретной специальной сфере. Следовательно, именно определительный компонент соотносит общеязыковую номинацию с кредитной сферой деятельности и актуализирует возможные кредитные значения в словах *geld, zettel, brief, geschrift, buch*.

Во-вторых, сложные номинации не только обретали способность реализовать специальные значения, но и уточняли, конкретизировали содержание понятия благодаря атрибутивному слову: *leihebrief* ‘ссудная грамота’ – *creditbrief* ‘кредитное письмо’ [4: 5, ст. 2909; 4: 2, ст. 639]; *leihzettel* ‘ссудная грамота’ – *bankzettel* ‘написанный владельцем банка перевод другому банку’ [4: 6, ст. 693; 8: 1, с. 719]; то есть ‘переводная грамота’; *schuldregister* ‘запись ссуд, долговая книга займодавца’ – *wucherregister* ‘долговая книга ростовщика’ [4: 15, ст. 1924; 4: 30, ст. 1714] и др.

Наконец, композиты были способны отражать актуальные изменения в кредитной сфере. Например, в ранненововерхненемецкий период (далее – ривн.) для характеристики кредитной терминологии информативно использование новых базисных компонентов. Так, появление рядов с опорным словом *-geld* (*haupt geld, pfand geld, zins geld, wuchergeld*) [4: 7, ст. 1610; 4: 31, ст. 1511; 4: 30, ст. 1689;] свидетельствует об активизации денежной формы кредитных отношений, вытесняющих кредит в натуральной форме. Появление номинаций с опорным компонентом *-zettel* (*leihzettel, quittancezettel, bankzettel*) [4: 6, ст. 693; 4: 13, ст. 2384; 4: 7, ст. 1610; Ad: 1, с. 719] отражает процесс совершенствования документального оформления кредитных отношений.

Принимая во внимание то, что сложные номинации были продуктивны уже в языке средневерхне-немецкого периода (далее – свн.) (*schuldbrief, gültbrief, geltbrief, pfantbrief, geltschuldbrief; schulbuoch, gültbuoch, zinsbuoch*) [7], можно говорить о проявлении определенных традиций формирования кредитной лексики в истории немецкого языка. Благодаря этим традициям приобретают устойчивость целые семантические ряды специальных номинаций. Эти ряды, как правило, продолжают расти, пополняться на последующих этапах развития терминологии: *schuldbrief* (свн.), *gültbrief* (свн.), *geltbrief* (свн.), *pfantbrief* (свн.), *geldbrief* (рнвн.), *leihebrief* (рнвн.), *zinsbrief* (рнвн.), *c(k)reditbrief* (рнвн.), *quittbrief* (рнвн.), *beglaubigungsbrief* (рнвн.); *schulbuoch* (свн.), *gültbuoch* (свн.), *zinsbuoch* (свн.); *pfandbuch* (рнвн.).

Появление номинаций-композигов – это специфическая особенность терминообразования в немецком языке, благодаря которой в донаучный период развития кредита оказалось возможным успешно и экономно обеспечивать обозначение и дифференциацию специальных понятий на базе имеющих или вновь появляющихся специальных номинаций и общеупотребительной лексики. Номинации-композигов остаются продуктивной структурной моделью терминов кредитной сферы и в современном немецком языке.

Кредитная лексика ранненоверхне-немецкого языка фиксируется в многочисленных вариантах, что могло быть вызвано рядом причин. Одной из них было сохранение вариантных форм номинаций, имевших место в средневерхне-немецком языке вследствие взаимодействия диалектов или отражения фонетических процессов древневерхне-немецкого языка: вплоть до XVI в. параллельно функционировали формальные варианты обозначения долга *schulde / schult / sulde / sult / scholt / scholde / schulle / schul*, а также их производные: *schuldner – scholle – gescholl; schuldmann – schollman; schuldenerin – schuldenerin*. Графико-фонетические различия сохраняли также варианты *gelt / geld; pfant / pfand* и др. и образованные от них новые обозначения: *pfandschaft / pfantschaft; zinsgeld / zinsgelt; wuchergülte / wuchergült; geltschult – geltschulde* и др. графико-фонетические варианты новых лексем могли быть также обусловлены эволюцией фонетической системы немецкого языка XIV–XVII вв. В области вокализма, например, происходил процесс ослабления гласных в безударной позиции, что порождало и графико-фонетические варианты: *wucherin / wuchrerin* (синкопа); *darlehen – darlehn* (синкопа); *leihebrief / leybrief* (апокопа и синкопа) и т.п. В анализируемый период завершается процесс монофтонгизации дифтонгов [ie→i:], [uo→u:] [üe→y:], но наряду с новыми встречаются и прежние формы: *pfantguot – pfantgut* [9, с. 20; 5]. Форма специальных номинаций отражает характерное для ранненоверхне-немецкого языка явление «открытия» дифтонгов, о чем свидетельствуют вариантные обозначения одного и того же понятия: *pfandgläubiger / pfandgläubiger; zinskauf / zinskäuf; gültkeuf / gültkauf / gültkäuf* и др. [6, с. 73].

Многочисленные графико-фонетические варианты могли отражать разные стадии формального освоения иноязычной лексики, активно пополняющей терминологию кредитной сферы в рассматриваемый период. Причины вариантности графико-фонетической формы номинаций объясняются при этом по-разному: формальные варианты специальных обозначений могли быть обусловлены проникновением в деловую письменность XIV–XVII вв. специфической лексики нижне-немецких купцов и лексики южно-немецких купцов, активно заимствовавших итальянскую торговую терминологию. Например, в 1460 г. фиксируется заимствование из итальянского языка *procent*, пришедшее в купеческий язык южной Германии в итальянской форме *per cento* и активно функционировавшее в нем. В начале XVI в. оно обрело латинизированную форму *pro cento*, в середине XVII в. – *pro cent*, а к исходу XVII в. субстантивировалось и вовсе приобрело слитное написание *procent* [7; 5, с. 88; 4: 13, ст. 2155]. Вариантными были и номинации *bank / banko, credit / credito*. Формы *banko, credito* отражали влияние итальянского языка; формы *credit, bank* закрепились с XVII в. под влиянием французского.

В XVI в. специальный словарь пополняется производной от слова *bank* лексемой *bankerott* ‘банкротство, неплатежеспособность банка’, которая восходит к итальянскому *banca rotta* (‘разбитый банк’). Вначале написание слова было приближено к итальянским образцам и могло употребляться в форме женского рода *pan(c)karotta* [7; 4: 13, ст. 1422], но позже оно закрепились в форме мужского рода. В XV в. фиксируются варианты обозначений владельца банка: это и закрепившаяся под влиянием французского языка форма *bankir*, и форма *banker* – вероятнее всего, немецкий дериват от слова *Bank* [5, с. 28; 9, с. 37; 7]. В качестве подтверждения разнообразной природы вариантности графико-фонетической формы названной номинации в XVI–XVII вв. фиксируются ее графические варианты *Bankier, Banchiero, banchiere, bankir / banker*, отражающие влияние итальянского, французского и собственно немецкого произношения.

В кругу кредитной лексики ранненоверхне-немецкого языка словообразовательная вариантность, на наш взгляд, выступает только в параллельных полносложных и неполносложных номинациях *pfandmann / pfandsmann*, где формальные различия связаны с наличием соединительного элемента *-s*. Семантические же и морфемные различия здесь отсутствуют.

Гораздо чаще среди кредитных номинаций возникает словообразовательная синонимия дублетного характера. Ее наличие в эпоху формирования единого национального немецкого языка объясняется спецификой языкового развития, которая, с одной стороны, отмечена функционированием региональных вариантов в устном общении, сосуществованием на востоке Германии во второй половине XV в. новых диалектов смешанного характера – восточносреднемецкого; а с другой – обогащением словарного состава иноязычными лексемами и кальками.

Поскольку в анализируемый период специальные обозначения создавались в разных диалектах, или заимствовались, или калькировались, или возникали путем соединения заимствованной основы с немецким аффиксом или, наоборот, немецкой основы с заимствованным аффиксом, то это приводило к параллельному функционированию в языке словообразовательных синонимов. Они появлялись вследствие разницы в этимологических и структурных характеристиках лексем. Так, синонимами, функционирующими с одинаковым значением ‘задолженность’, выступали образования *rest*, *restanz*, *restierung* [4: 14, ст. 819; 5, с. 28]. Абстрактная номинация *rest*, как и параллельное обозначение *restan(t)z*, были заимствованы из итальянского языка в готовом виде, а слово *restierung* является немецким дериватом от основы глагола *restieren*, созданным по образцу итальянского глагола *restare* при помощи общегерманского суффикса *-ung*. В качестве словообразовательных синонимов функционировали и номинации субъектов кредита с производящими основами или суффиксами разного происхождения. В частности, слово *restant* образовано от итальянского заимствования *rest* посредством интернационального суффикса *-ant*, а его словообразовательный синоним *restierer* – от основы глагола *restieren* при помощи общегерманского суффикса *-er*.

Причиной словообразовательной синонимии также могло быть сосуществование собственно немецких образований, различающихся по времени возникновения: *wucher* – *wucherei* [4: 7, ст. 1610;]; *lehen* – *anlehen* – *darlehen* [4: 2, ст. 779; 5, с. 171; 4: 12, ст. 688]. Часто словообразовательная синонимия обуславливалась параллельным использованием разных видов словообразования: словосложения и сращения (*wucherhandel* – *wucherhandlung* ‘ростовщическая торговля’) [4: 30, ст. 1704–1706;]; суффиксации и сращения (*zinsung* – *zinsreichung* – *zinszahlung*) [4: 31, ст. 1534–1536].

Все отмеченные выше примеры демонстрируют семантическую избыточность номинаций. Только в случае, когда в структуре таких образований появлялись суффиксы с уменьшительно-уничижительным значением (*schuldbrief* – *schuldbrieflein*, *leihebrief* – *leyhebriefel*) [4: 5, ст. 2909; 5, с. 142], можно говорить о стилистических различиях в однокоренных параллельных образованиях.

Заключение. Итак, причины структурного развития связаны как со спецификой эволюции исследуемой сферы деятельности, с особенностями становления специальных понятий, так и со спецификой словообразовательных процессов в немецком языке. Характерной особенностью терминообразования в немецком языке выступают номинации-композицы, которые остаются продуктивной структурной моделью терминов кредитной сферы и в современном немецком языке. Широкое проявление формальной вариантности и словообразовательной синонимии специальных обозначений было обусловлено особенностями языковой ситуации в Германии XIV–XVII вв., отмеченной с одной стороны наличием региональных вариантов литературно-письменного языка, отсутствием строгой кодификации, открытостью для инодиалектных вкраплений, а также разной степенью формального освоения иноязычной лексики. Семантическое поле кредитной лексики в рассматриваемый период функционирует как стихийно складывающаяся подсистема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринев-Гриневиц, С.В. Терминоведение : учеб. пособие / С.В. Гринев-Гриневиц. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
2. Sonderegger, St. Grundzüge deutsche Sprachgeschichte: Diachronie des Sprachsystems : in 2 Bd. / St. Sonderegger. – Berlin ; New York : W. de Gruyter, 1979. – Bd. 1 : Einführung, Genealogie, Konstanten. – XV, 354 S.
3. Polenz, P. Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart : in 3 Bd. / P. Polenz. – Berlin ; New York : W. de Gruyter, 1991–2004. – Bd. 1 : Einführung. Grundbegriffe : 14. bis 16. Jahrhundert. – 2. Aufl., überarb. u. erg. – 2000. – 380 S.
4. Grimm, W., Grimm, J. Deutsches Wörterbuch / W. Grimm, J. Grimm : 16 Bde in 32 Teilbänden. – Leipzig : Hirzel, 1854–1961. – 16 Bde (32 Teilbde). – 34824 S.
5. Schirmer, A. Wörterbuch der deutschen Kaufmannssprache / A. Schirmer. – Straßburg : Trübner, 1911. – 217 S.
6. Köbler, G. Deutsches Etymologisches Wörterbuch [Electronic resource] / G. Köbler. – Mode of access: <http://www.koeblergerhard.de/derwbhin.html>. – 1995 – 484 S. – Date of access: 22.04.2021.
7. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen (nach Pfeifer) [Electronic resource] // DWDS: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. – Mode of access: <http://dwds.de/>. – Date of access: 10.04.2021.

8. Adeling, J.Ch. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart [Electronic resource] / J.Ch. Adeling. – Bde, Leipzig 1793–1801. – Mode of access : <https://www.digitale-sammlungen.de/index.html?c=kurzauswahl&l=de.&adr=lexika.digitalesammlungen.de/adelung/>. – Date of access : 25.04.2021.
9. Paul, H. Mittelhochdeutsche grammatik / H. Paul. – 25. Aufl., neu bearb. – Tübingen : Max Niemeyer Verl., 2007. – XIX, 618 S.

Поступила 31.05.2021

THE FORMATION OF CREDIT VOCABULARY IN THE EARLY HIGH GERMAN PERIOD IN THE GERMAN LANGUAGE: STRUCTURAL AND FORMAL CHARACTERISTICS

N. PRYSTUPA

This article is devoted to the study of the formation of the semantic field of the credit sphere of activity in the German language of the Early High German period. It discusses the main reasons for the functioning of variational forms of credit nominations in the analyzed period. The article states the emergence of a structural model characteristic of the analyzed period, which is complex nomination. The latter is a specific feature of term formation in the Early High German language. It was revealed that composites were not only assigned to the concepts of the credit sphere of activity and realized special meanings due to the attributive component, but were also able to reflect current changes in the credit sphere. Conclusions are made that the features of the structural and formal development of credit vocabulary are associated both with the evolution of the investigated field of activity and with the peculiarity of the language situation in Germany in the 14th – 17th centuries.

Keywords: credit lexicon, semantic field, early New High German period, graphic-phonetic variants, composites, structural models, word-formation synonymy, linguistic factors, extra-linguistic factors.

УДК 811.161.3'373

**НАЗВЫ МУЧНЫХ И КРУПЯНЫХ ВЫРАБАЎ ВА ЁСТОЙЛИВЫХ АДЗІНКАХ МОВЫ:
ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНЫ АСПЕКТ**

*канд. філал. навук, дац. А.С. САДОЎСКАЯ, канд. філал. навук, дац. М.А. ЯКАЛЦЭВІЧ
(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы)
e.sadowskaya@mail.ru; yakoltsevich@mail.ru*

У кампанентны склад шматлікіх фразеалагізмаў і прыказак уваходзяць лексемы, якія абазначаюць назвы прадуктаў харчавання, сярод якіх асобна можна вылучыць тыя, што маюць адносіны да мукі, мучных і крупяных вырабаў. Аб'ектам увагі ў артыкуле сталі ўстойлівыя адзінкі мовы, якія ўтрымліваюць адзначаныя кампаненты. Разглядаецца спецыфіка іх структуры, семантычная трансфармацыя, а таксама культуралагічны накірунак. У склад шматлікіх фразеалагізмаў і прыказак уваходзіць лексема хлеб, якая ўтрымлівае ў сабе цэлы спектр значэнняў: ад асноўнага прадукта харчавання да адлюстравання розных бакоў жыцця чалавека. Радзей ужываюцца іншыя назвы мучных вырабаў: пірог, каравай, батон, калач, блін, аладка, пернік. Характарызуюцца і выразы, структурным кампанентам якіх з'яўляюцца лексемы, што маюць непасрэднае дачыненне да крупяных вырабаў – манна, зерне, крупы, пшаніца. Аналізуюцца ўстойлівыя адзінкі мовы маюць сваю нацыянальную адметнасць, з'яўляюцца адлюстраваннем менталітэту беларускага народа, яго этнакультурных асаблівасцей, агульначалавечых асноў жыццядзейнасці.

Ключавыя словы: фразеалагізм, прыказка, хлеб, хлебныя вырабы, яда, кампанент, лексема, семантыка, моўная карціна.

Уводзіны. Фразеалагічныя і парэміялагічныя адзінкі ўяўляюць сабой складаныя і шматпланавыя элементы мовы і культуры. Аб гэтым сведчыць існаванне розных думак аб іх структуры, метадах вывучэння і аналізу, паходжання і ўжывання. Разгляд устойлівых моўных адзінак па пэўных серыях (структурных, граматычных, стылістычных, семантычных і інш.) дазволіць стварыць агульную фразеалагічную і парэміялагічную карціну як асобнай мовы, так і сукупнасці моў. Аб'ектам нашай увагі стала серыя ўстойлівых моўных адзінак з кампанентамі-назвамі ежы, прадуктаў харчавання, прычым не ўсіх, а тых, якія маюць адносіны да мукі, мучных і крупяных вырабаў. Фактычны матэрыял быў выпісаны адпаведна з “Тлумачальнага слоўніка прыказак” І.Я. Лепешава, М.А. Якалцэвіч [1] і “Слоўніка фразеалагізмаў” І.Я. Лепешава [2; 3].

Яда з'яўляецца асноўным фактарам жыццядзейнасці чалавека, гэта, безумоўна, знаходзіць сваё адлюстраванне і ўвасабленне ў моўнай семантыцы, камунікатыўнай дзейнасці і ў саміх моўных адзінках. Яду ўвогуле можна ўспрымаць як самастойную культурную вобласць чалавечага быцця, аднак лінгвакультуралагічная і кагнітыўная спецыфіка гэтага паняцця патрабуе далейшага свайго вывучэння для фарміравання агульнай моўнай карціны свету і вызначэння адметных асаблівасцей у кожнай мове.

Асноўная частка. Разглядаюцца фразеалагічныя і парэміялагічныя адзінкі ўтрымліваюць наступныя кампаненты-назвы ежы: хлеб, манна, мука, крупы, пірагі, пернік, блін, зерне, каша, пшаніца, скіба, скарынка, цеста, сухары, акраец, лапша, батон, блін, абаранкі, цеста. Як бачым, адзначаныя кампаненты маюць розныя адносіны да ежы: адны з іх абазначаюць аснову, сыравіну для яе прыгатавання (зерне, пшаніца, мука, крупы), іншыя ўказваюць на прадукты харчавання, якія можна ўжываць у ежу (хлеб, пірагі, блін, сухары і інш.). У цэлым, гэтыя назвы супадаюць з традыцыйным, звыклым для беларускай і славянскай кухні наборам прадуктаў харчавання.

Кампанент *хлеб* уваходзіць у склад шматлікіх фразеалагізмаў і прыказак. Хлеб – неад'емная частка не толькі мовы, але і духоўнай культуры народа. І гэта невыпадкова. У духоўнай культуры, у ментальнасці кожнай нацыі, у паўсядзённым жыцці хлеб з'яўляецца не толькі важнейшым сродкам, асновай для фізіялагічнага функцыянавання чалавека, але і ўтрымлівае ў сабе цэлы спектр значэнняў, якія прадстаўляюць духоўны вобраз жыцця чалавека, а ўстойлівыя моўныя адзінкі з гэтай лексэмай «з'яўляюцца адлюстраваннем менталітэту народа-носьбіта мовы, нацыянальна-культурнай спецыфікі данага соцыуму, яго нацыянальнай свядомасці і этнакультурных асаблівасцей» [4, с. 75]. Хлеб для беларусаў – «найбольш сакралізаваны від ежы, сімвал дабрабыту, шчасця, дастатку, добрапрыстойнасці, долі, дабра» [5, с. 532–533]. Пра гэтыя і іншыя асаблівасці дадзенай лексемы гавораць шматлікія навукоўцы ў лінгвістычных, культуралагічных, фальклорных даследаваннях.

Па дадзеных ТСБМ, адзначаная лексема мае чатыры значэнні і пяць адценняў. Але ў кампанентным складзе фразеалагізмаў і прыказак яна здольна рэалізаваць семантычныя пераўтварэнні рознага ўзроўню: поўнасцю траціць першапачатковае значэнне, часткова захоўваць семантычную блізкасць да асноўнага значэння ці ўвогуле не губляць першаснай семантыкі.

Прасочым, якія ж слоўнікавыя значэнні, уласцівыя дадзенай лексеме, праяўляюцца ў прыказках і фразеалагізмах і ў якіх устойлівых адзінках з удзелам кампанента «хлеб» рэалізуецца іншая семантыка. Перш за ўсё хлеб – гэта ‘прадукт харчавання, які выпякаецца з мукі’ [6, с. 200]: *Без хлеба яда – да парога хада; Ёсць хлеб – ядзім, а няма – глядзім, сёння паабедаем, а як заўтра – не ведаем*. Параўн. іншыя ўжыванні: *Быў бы хлеб, а мышы знойдуцца* (‘зерне, якое мелецца на муку для выпякання’); *З музыкі хлеб невялікі* (‘сродкі для існавання, заробак’); *Зямлю ўгноіш – хлеба падвоіш* (‘зерневыя расліны на карані’); *Слушачы хлеб – сабачы* (‘пра жыццё, долю’); *Брат мой, а хлеб еш свой* (‘харч, пажытак’).

У пераважнай большасці слова, стаўшы кампанентам прыказкі ці фразеалагізма, даволі рэдка захоўвае свае слоўныя якасці. Так, прыказкі часцей за ўсё маюць алегарычны сэнс, яны адарваліся ад першапачатковых рэалій, і агульнае значэнне такіх выразаў не суадносіцца з лексічным значэннем слоў, што ўваходзяць у іх склад. Калі ўзяць прыказку *Хлеб-соль еш, а праўду рэж*, дык тут немагчыма вызначыць, якое лексічнае значэнне мае хлеб, тым больш што гэты назоўнік ужыты ў складзе фразеалагізма *хлеб-соль*, які, як вядома, мае чатыры значэнні. Прыказка ж ужываецца як парада смела гаварыць праўду, не зважаючы ні на што. Не патрабуюць тлумачэння і іншыя прыказкі з кампанентам «хлеб», але пры іх ужыванні трэба ведаць, да якой маўленчай сітуацыі яны дастасоўваюцца. Напрыклад, *Ядзім хлеб траякі: чорны, белы і ніякі* выкарыстоўваюць, калі гавораць пра сацыяльную няроўнасць і неаднолькавы дастатак, дабрабыт. *Хлеб на стале – рукі свае* мае наступную сітуацыйную характарыстыку: кажуць, запрашаючы да пачастунку. Ці яшчэ: *Хлеб і вада – маладзецкая яда* – гаворыцца як сцвярджанне, што гэта не голад, калі пры адсутнасці іншай яды даводзіцца есці толькі хлеб. У адмоўнай па форме прыказцы біблейскага паходжання *Не хлебам адзіным жыве чалавек «хлеб (адзіны)»* выступае як увасабленне матэрыяльных патрэбнасцей, супрацьпастаўленых духоўнаму пачатку.

Увайшоўшы ў склад шматлікіх фразеалагізмаў, лексема *хлеб* у пераважнай большасці страчвае слоўнікавыя значэнні. Можна вылучыць некалькі семантычных груп, у якіх разам з кампанентам «хлеб» рэалізуецца шматлікія значэнні фразеалагізмаў, сярод якіх можна адзначыць наступныя: 1) матэрыяльнае становішча – *перабівацца, перакідацца з хлеба на квас; і то хлеб; садзіцца на хлеб і ваду; сядзець на хлебе і вадзе*; 2) узаемаадносіны паміж людзьмі – *адбіваць хлеб; не пераламаць хлеб*; 3) чалавечыя якасці – *хлебам не кармі; дурны як сала без хлеба; мачаць свой хлеб у дзве солі*; 4) стан, у якім знаходзіцца ці трапляе чалавек – *на ласкавым хлебе; дарма есці хлеб; хлебам карміць; цераз хлеб шукаць хлеба; ісці на свой хлеб; на казённы хлеб саджаць; на казённым хлебе быць, знаходзіцца; спяваць на хлеб*; 5) сродкі для існавання – *кавалак хлеба; скарынка хлеба; хлеб надзённы*. І толькі ў адным фразеалагізме *хлеб і да хлеба* прыфразеалагічнае слова *хлеб*, якое не ўваходзіць у склад фразеалагізма, рэалізуе сваё слоўнікавае значэнне ‘прадукт харчавання, які выпякаецца з мукі’.

Частка прыказак мае часткова пераноснае значэнне, г.зн. некаторыя словы ў іх ужываюцца ў прамым значэнні: *Чужы хлеб – гасцінец, а чужая жонка – прыгажуня* ‘чужое здаецца лепшым, чым сваё’; *Хто палое і рыбачыць, той хлеба не бачыць* ‘кажуць непахвальна пра таго, хто захапляецца паляўніцтвам ці рыбнай лоўляй на шкоду асноўнаму занятку’.

У «Тлумачальным слоўніку прыказак» сустрэліся дзве так званыя кантэкстуальныя парэміі з кампанентам *хлеб*, якія ўжываюцца як рэакцыя суразмоўніка на папярэдне ўжытае слова: 1) *Успомнілася народнае: «Дзякуй на хлеб не намажаш»*. *І таму дасылаю квіток з аплатай. Разуваю – мала. Але паверце, на большае ваша «рэкляма» не цягне* (А. Пісьмянкоў. Дзякуй за «рэкляму»); 2) – *Ну, як жывеш? – адчуваючы маладосць, спытаўся я. – Жывём, хлеб жуём...* (А. Карпюк. Данута).

Разам з тым праз прыказкі з лексмай *хлеб* могуць адлюстроўвацца розныя сітуацыі, адносіны, ідэі. У моўнай карціне свету хлеб займае адно з асноўных месц. Хлеб – самае галоўнае, найбольш важнае сярод іншага. Нездарма кажа народная мудрасць: *Хлеб – усяму галава*. Ён прысутнічае ў рацыёне кожнага чалавека. Існаваў даўнейшы звычай браць з сабою ў дарогу хлеб: *Калі хлеб у возе, то няма бяды ў дарозе*. А пра тых, хто ўзяў з сабою харчовыя прыпасы, з адабрэннем гаварылі: *Хто хлеб з сабой носіць, той есці не просіць*.

Ёсць прыказкі, якія выражаюць пэўныя прапановы, як дзейнічаць. Напрыклад, *Хлеб-соль еш, а праўду рэж* ‘ужываецца як парада смела гаварыць праўду, не зважаючы ні на што’. Згодна прыказцы *Зямлю ўгноіш – хлеба падвоіш* велічыня ўраджаю залежыць ад ступені ўгнаення глебы. А таму, хто адпраўляўся ў дарогу, раілі: *Едзеш на дзень, бяры хлеба на тыдзень*, бо тут усё можа здарыцца, і лепш мець харчы ў запасе.

Хлеб – крыніца жыцця, сродак існавання. Без хлеба не елі ні адной стравы, бо без яго добра не наясіся: *Без хлеба яда – да парога хада*.

Асновай матэрыяльнага дабрабыту з’яўляецца працавітасць. І толькі працуючы, можна дасягнуць добрых вынікаў: *Горка часам праца, ды хлеб ад яе салодкі*. І пакуль чалавек працуе, датуль ён мае сродкі для існавання: *Пакуль <у (на) гуме> цэп, пакуль (датуль) <на стале> хлеб*. А гультая чакае жабрацкі лёс: *Гультаю – хлеб на кію*. Гультайства асуджаецца і прыказкай *З музыкі хлеб невялікі, а з гулякі – зусім ніякі*. Праўда, наконт апошняй не без падстаў В. Шырко зазначае: «Прымаўка, відаць, устарэла напалову. Гультаям ва ўсе часы абы дзень да вечара пражыць, а там хоць певень не кукарэкай. А вось музыкі сёння ў пашаноце. Дай бог кожнаму за месяц зарабіць, колькі яны зарабляюць за адно выселле» (О, sancta simplicitas!).

У некаторых выпадках *хлеб* у спалучэнні з іншымі лексемамі абазначае адзінае цэлае: *Хлеб і вада – маладзецкая яда; Хлеб-соль еш, а праўду рэж*. У адной з прыказак *хлеб* супрацьпастаўляецца іншаму паняццю, параўноўваецца з ім: *Хлеб не нявеста, з'есца – другі будзе*.

Назоўнік *хлеб* ва ўстойлівых адзінках мовы спалучаецца не толькі з якаснымі, але і адноснымі прыметнікамі. Так, для ацэнкі становішча прымака ці таго, хто робіць па найму, ужываюцца адпаведна прыказкі *Прымачы хлеб – сабачы* і *Служачы хлеб – сабачы*.

Прыказкам і фразеалагізмам уласціва такая семантычная з'ява, як мнагазначнасць, якая ва ўстойлівых моўных адзінках мае свае асаблівасці ўзнікнення. Так, першае значэнне прыказкі *Галоднай куме хлеб наўме будзе канкрэтнае, літаральнае* 'галодны толькі і думае пра яду', другое ж – абстрактнае, пераноснае 'чалавек найперш думае пра тое, што яго непакоіць, чаго ён хоча дасягнуць'. Цікавым у гэтых адносінах з'яўляецца чатырохзначны фразеалагізм *хлеб-соль*. Ён адносіцца да ліку тых выказаў, у якіх кожнае значэнне матывавана значэннем кампанента ці кампанентаў, з якіх утвараецца фразеалагічная адзінка, у нашым выпадку лексемамі *хлеб* і *соль*. Першыя тры значэнні фразеалагізма – 'харч, яда', 'пачастунак', 'турботы, апека' ўтвараюцца на аснове метафарызацыі свабоднага словазлучэння, а ў чацвёртым значэнні выраз набывае канструктыўна абмежаванае значэнне, ужываецца як выклічнікавы 'пажаданне прыемнага, добрага апетыту таму, каго засталі за ядой'. Фразеалагізм *хлеб ды соль*, у якім кампаненты звязаны не бяззлучнікавай сувяззю, а злучнікам *ды*, таксама з'яўляецца выклічнікавым і ўжываецца як пажаданне прыемнага апетыту. Гэта адзінкі з цэлага шэрагу пажаданняў, якія засёды існавалі ў фразеалагічным фондзе.

Высушаныя кавалкі хлеба ці булкі (**сухары**) дастаткова распаўсюджаны ў харчовым рацыёне людзей. Галоўная іх асаблівасць у тым, што яны могуць захоўвацца і не псавацца доўгі час, а затым выкарыстоўвацца ў неабходнай сітуацыі. Таму фразеалагізм *сушыць сухары* са значэннем 'чакаць суролага пакарання' ўспрымаецца як матываваны з празрыстай унутранай формай.

Адрэзаная ці адламаная частка хлебнага вырабу называецца **кавалкам** ці **куском**. На аснове свабоднага словазлучэння *кавалак (кусок) хлеба* ўтвараецца фразеалагізм са значэннем 'сродкі для існавання, пажытак'. У прыказках літаратурнай мовы адзначаная лексема сустракаецца двойчы, аднак прамога дачынення да хлеба яна не мае: 1) *Дай бог адным кавалкам (куском) удавіцца (напярхнуцца)* і *Дай божа за давіцца першым куском* 'ужываецца як выказанне надзеі або пажадання ці парады пражыць усё жыццё з адным мужам ці з адной і той жа жонкай'; 2) *На ласы кусочак знойдзецца куточак* 'гаворыцца ў застоллі, калі госцю прапануюць з'есці яшчэ штосьці вельмі смачнае'.

Назоўнікі **скіба (скібка)**, **луста** з'яўляюцца паміж сабой сінонімамі. Яны ўвайшлі ў склад фразеалагізма *адрэзаная скіба (скібка, луста)*, які ўтвораны на аснове прыказкі *Адрэзанае (-ай) лусты не прыклеіш (не прылепіш)* 'таго, што было, назад не вернеш' у выніку яе скарачэння. Праўда, фразеалагізм развіў два значэнні з дастаткова празрыстай унутранай формай – 'той, хто аддзяліўся ад сям'і, стаў самастойным, не патрабуе клопатаў' і 'той, хто парваў сувязі з прывычным асяроддзем, з прывычнай дзейнасцю'.

Родавае паняцце (гіперонім) *хлеб* уключае ў сябе шэраг відавых паняццяў (слоў-гіпонімаў). Адным з іх з'яўляецца **каравай**. Зыходнае значэнне гэтага слова – 'вясельны абрадавы пірог круглай формы'. Усім добра вядома, што каравай – галоўны вясельны хлеб, адзін з асноўных атрыбутаў вяселля, сімвал будучага сямейнага шчасця, багацця, дабрабыту. Пазней у гэтага назоўніка развілося яшчэ адно, вытворна-прамое, значэнне – 'вялікая булка, спечаная для якой-небудзь урачыстасці, свята' [7, с. 635]. Праўда, гэта лексема сустракаецца толькі аднойчы сярод прыказак беларускай літаратурнай мовы: *На чужы каравай рота (рот) не разяўляй (не разявай)* 'не разлічвай на чужое. Гаворыцца таму, хто хоча атрымаць тое, што яму не належыць'. Узнікненне гэтай прыказкі І.Я. Лепешаў звязвае з вясельным рытуалам. Каравай, перавязаны чырвонай стужкай і перанесены ў дом жаніха, прызначаўся толькі для «маладых», і на яго не павінны былі прэтэндаваць іншыя [8, с. 84]. Згаданая лексема ў складзе фразеалагізмаў не сустракаецца.

Большым дыяпазінам выкарыстання вызначаецца лексема **пірог**. Гэты мучны выраб пяклі на вялікія свята. Ён выступаў не толькі як увасабленне багацця, дастатку, але і гасціннасці беларусаў: *Госць на парог – гаспадыня за пірог; Не красна хата вугламі, а пірагамі*. Але разам з тым *На ўсіх пірага не спячэш* 'усім не дагодзіш'.

Пірагі могуць быць і з разнастайнымі начынкамі: *Еш пірог з грыбамі, а язык трымай за зубамі*. На аснове гэтай прыказкі ўтвараецца фразеалагізм *трымаць язык за зубамі* 'быць асцярожным у выказваннях'.

Адзначаную лексема ўтрымліваюць і наступныя прыказкі: *На Падоллю пірагі на коллю, а мы прыйшлі ды скуля знайшлі* 'хоць прывабным здаецца жыццё ў чужых краях, але на самай справе яно горшае, чым думалася' (Падолле – назва беларускай губерні); *Слова не пірог, не выкінеш за парог* – 'сказаныя словы не вернеш і не перайначыш'; *У чужых руках пірог вялік* – 'у другога усё здаецца лепшым, большым, чым яно ёсць на самай справе'.

Выкарыстоўваецца лексема *пірог* і ў складзе некаторых фразеалагізмаў. Цікавым у гэтым плане выступае ўласнабеларуская адзінка *вароты пірагамі падпёрты*, якая рэалізуе значэнне 'ўсяго ўволю, колькі хочаш (пра багатае жыццё)'. Гэта вельмі трапнае выказанне беларусаў пра тое, якім можа выглядаць заможнае жыццё. Пірагі пякліся не кожны дзень а толькі на свята. А калі іх столькі, што можна

падпіраць вароты, то ў жыцці і сапраўды поўны дастатак, усяго хапае. Зразумела, што «ў аснове фразеалагізма – нерэальны вобраз, узяты з народных казак» [9, с. 70]. Абсалютна з іншым значэннем лексема *пірог* ужываецца ў складзе фразеалагізмаў *адпякаць (адносіць) пірагі* ‘жорстка помсціць’ і *адпякуцца (адпякліся) пірагі* ‘прыйдзе, настане расплата за прычыненую крыўду’. Пірог як сімвал гасціннасці, дастатку ў дадзеным выпадку прадстаўляе іншыя чалавечыя якасці.

Да святочных вырабаў з пшанічнай мукі адносіцца таксама **калач**. Калач меў форму круглай булкі, прадаўгаватага пірага ці вялікага абаранка. Ён, як і іншыя вышэйназваныя печаныя вырабы, увасабляў сабой дастатак, матэрыяльную забяспечанасць. Але ізноў жа тут патрэбна працавітасць: *Без працы не будзеш есці коляцы (калачы)* – у польскай мове: *jesc kolacje* – вячэраць; *Хочаш есці калачы, то не сядзі на пячы*.

Фразеалагізм *Алёша з батонамі* ўтрымлівае ў кампанентным складзе ўласны назоўнік і назву вырабу з белай мукі – **батон**. У выніку аб’яднання такіх лексем у складзе фразеалагічнай адзінкі атрымаўся выраз з семантыкай, якая абсалютна не звязана з кампанентамі. Фразеалагізм мае адмоўную канатацыю і выкарыстоўваецца для апісання разумовых здольнасцей чалавека, рысаў характару, інтэлектуальнай сферы.

У кампанентны склад толькі двух фразеалагізмаў увайшла лексема **абаранак**. Выраз *дзірка ад абаранка* з’яўляецца паўкалькай з рускай мовы, паходзіць з маўлення вядомага рускага паэта У.У. Маякоўскага. Выкарыстоўваецца як экспрэсіўная метафара для абазначэння таго, што называецца словамі нішто, нічога. А вось у фразеалагізме *даставацца (дастацца), атрымаць* і пад. *на абаранкі* згаданая лексема рэалізуе значэнне ‘даставацца і пад. каму-н.) здорава, як след’.

Некаторыя назвы-кампаненты ежы сустракаюцца толькі ў адзінкавых фразеалагізмах. Напрыклад, лексема **пернік**, якая абазначае досыць распаўсюджаны мучны ласунак, увайшла ў склад фразеалагізма *і пернікам не заманіш*. Выраз з дастаткова празрыстай унутранай формай.

Блін як мучная страва асацыіруецца ў нашым уяўленні як выраб з рэдкага цеста, спечаны на скаварадзе. Першы блін не заўсёды атрымліваўся, і ў такіх выпадках гаварылі: *Першы блін камяком; Першы блін выйшаў (атрымаўся) камяком*. Затым у канструкцыі адбылося семантычнае перааэнсаванне слоў, і выраз набыў пераноснае значэнне – ‘пачатак якой-н. справы бывае няўдалым’.

Знаходзілася прыказка і для запрашэння з’есці што-небудзь смачнае: *Блін не блін, пуза не расколе*. І як заўсёды дабрабыт у гаспадарцы залежыць ад гаспадара, яго працавітасці: *Калі абора цячэ, гаспадыня бліны пячэ, а калі гумно цячэ, гаспадар з хаты ўцячэ*.

Аднакаранёвым словам да назоўніка *блін* з’яўляецца *бліннічак*, якое існуе толькі ў складзе прыказкі *Адзін сын у сям’і – бліннічак, смятаннік*. Парэміяй выражаюцца выключныя, спрыяльныя адносіны да адзінага ў сям’і сына.

Кампанент *блін* увайшоў у склад і некаторых фразеалагізмаў. Так, на аснове параўнання пэўнага дзеяння з тым, як шмат бліноў можна спячы і зрабіць гэта можна не трацячы шмат часу, узнік выраз *пячы як бліны* ‘вельмі хутка і многа ствараць што-н.’. Пэўнае параўнанне схавана і ў аснове ўзнікнення фразеалагізмаў *зрабіць блін* ‘жорстка распраціцца з кім-н., моцна пакараць каго-н.’, *разбівацца ў блін* ‘прыкладаць усе намаганні, каб дасягнуць чаго-н.’.

Блізкім у семантычных адносінах да назоўніка «блін» з’яўляецца лексема **аладка** ‘блінок, спечаны на патэльні звычайна з адной лыжкі цеста’ [10, с. 221]. Непасрэднае дачыненне да яды мае прыказка *Дзе каша ды аладка, там і грамадка*. А вось вобразную парэмію *Каму што, а Базылю аладкі ўжываюць тады, калі гавораць пра таго, у каго наўме заўсёды адно і тое ж*.

Усе хлебныя вырабы выпякаюцца з **мукі**, якая атрымліваецца ў выніку размолу збожжа: *Млын меле – мука будзе, язык меле – бяда будзе; Перамелецца – мука будзе*. І ў адным, і ў другім выпадках кампанент *мука* рэалізуе спачатку прамое, зыходнае значэнне, на якое затым накладваецца вобразнае, пераноснае, і ў выніку прыказкі сталі абазначаць ‘балбатлівасць, пляткарства прыводзяць да непрыемнасці, бяды’ і адпаведна ‘ўсё дрэннае, непрыемнае з часам пройдзе, забудзецца. Кажуць, каб сцешыць, супакоіць таго, хто ўсхваляваны чым-н., перажывае якія-н. цяжкасці’. Тое ж самае датычыць і парэміі *Каля мукі ходзячы, запылішы* ‘будучы звязаным з чым-н., можаш аказацца замешаным у што-н. заганнае’.

Мука валодае здольнасцю лёгка распыляцца. На аснове гэтай уласцівасці ўтвораны фразеалагізм *і з мукой і не пыльна* з цікавай унутранай формай, з кампанентамі, якія антанімізуюцца, а значэнне адзінкі ‘выгадна, з прыбыткам, які лёгка дастаецца’ ўзнікла на аснове асацыятыўных сувязей. Адзначаная лексема выкарыстоўваецца і ў складзе выклічнікавага фразеалагізма *таўкач муку пакажда!*, якім выражаецца недавер да таго, што гаворыць суб’яднік.

У славян назіраюцца дастаткова станючыя адносіны да **кашы** як да асновы харчавання, жыцця і сілы, таму гэта даволі распаўсюджаны кампанент у фразеалагізмах і прыказках. Семантыка фразеалагізмаў з дадзенай лексемай мае шырокі дыяпазон, і такія адзінкі могуць абазначаць: бяспаднасць у спосабах выражэння думкі – *каша ў галаве*; адносіны паміж людзьмі – *кашы не зварыш, зварыць кашу*; пэўную справу, у тым ліку складаную, клопатную ці непрыемную – *расхлёбваць кашу, каша заварваецца*; пакаранне за нядобрыя ўчынкі – *бярозавая каша*; ступень зношанасці абутку – *просяць кашы*; жыццёвы вопыт – *мала кашы еў*; якасці і памкненні чалавека – *на кары каша, ханіць шылам кашы*.

Пра тое, што каша была даволі распаўсюджана ў нацыянальнай кухні беларусаў, сведчаць і выпадкі шырокага ўжывання гэтай лексемы ў прыказках: *Адзін і ў кашы няспорны; Багатаму і чорт у кашу дбае; Дзе каша ды аладка, там і грамадка; Праўда не скварка, з кашаю не з'ясі і інш.* Большасць парэмій з гэтым кампанентам адносяцца да разрады алегарычных. І толькі прыказка *Кашы (кашу) маслам не сапсуеш (не папсуеш)* мае два значэнні, адно з якіх прамое: 1) каша сапраўды становіцца смачнейшай, калі да яе дабавіць масла і 2) што-н. неабходнае, карыснае ніколі не зашкодзіць. А прыказка *Сам заварыў кашу, сам і расхлёбвай*, не перастаючы і сёння ўжывацца самастойна, дала жыццё двум фразеалагізмам: *заварыць кашу, расхлёбваць кашу*. Фразеалагізм жа *бязозавая каша* ўтварыўся не на аснове прыказкі *Не пазналі сваіх нашы, бярозавай далі кашы*, а ў выніку метафарызацыі слоў свабоднага ўжывання. «Раней у школах, дзе вучылі дзяцей грамаце, пераход да чытання новай кнігі і іншыя поспехі ў вучобе адзначаліся кашай: бацькі ў такіх выпадках прыносілі гаршчок кашы, якую ўсе вучні елі разам. Калі вучань правінавачваўся, яго каралі розгамі, як правіла, бярозавымі. Такое пакаранне сталі называць бярозавай кашай» [8, с. 64].

Кашы гатаваліся з зярнят самых розных злакавых раслін. Жытняя (аржаная) адносіліся не да лепшага гатунку, таму і пра чалавека, які любіць сябе хваліць, з насмешкай гаварылі: *Аржаная каша сама сябе хваліць* ці *Любіць аржаная каша сама сябе хваліць*.

Вобраз харчовага паходжання ляжыць і ў аснове прыказкі *Смачная кашка, да малая чашка* 'кажуць, часцей жартаўліва, з'ёшы ці выпішы што-н. смачнае'. А змяненні *каша – кашка* звязаны з патрабаваннямі рыфмы і рытму.

Рэдкую мучную кашу з салам называюць **кулеш**. Аднак гэтая лексема сустракаецца толькі ў адной прыказцы (*Розум не кулеш, у галаву не накладзеш (не ўвальеш)*) і зусім не зафіксавана ў фразеалагізмах літаратурнай мовы.

Мучныя вырабы гатуюць з **цеста**, якое прадстаўляе сабой 'вязкую масу рознай кансістэнцыі, што атрымліваецца пры змешванні мукі з вадкасцю' [6, с. 241]. Адзначаная лексема выкарыстоўваецца ў фразеалагізмах *з аднаго цеста <спечаны>, з іншага (другога) цеста <спечаны>*. Уяўленне пра цеста, якое існавала ў менталітэце славян, утрымлівала напачатку інфармацыю пра кроўнае радство, г.зн. нараджэнне ад адной маці, сямейнае яднанне і інш., што працягваецца падчас прыгатавання цеста. Пазней у фразеалагізмах кампанент пераасэнсавваўся, з такім значэннем устойлівы адзінкі маглі выкарыстоўвацца ва ўсіх сферах жыцця чалавека – сацыяльнай, грамадскай, прафесійнай, палітычнай і выступаць своеасаблівым эталонам падабенства, агульнасці, блізкасці, аднолькавасці людзей (*з аднаго цеста <спечаны>*) і эталонам супрацьлегласці, адрознасці, непадобнасці (*з іншага (другога) цеста <спечаны>*).

Ад якасці цеста залежала і якасць выпечкі (хлеба). У народзе казалі: *З добрага цеста добрая паляніца, а з добрай дзеўкі добрая маладзіца*. Прыказка пабудавана на супастаўленні дзвюх з'яў.

Да прадуктаў харчавання, што складаюцца з зярнят розных культур, адносяцца **крупы**. Пра таго, хто стаў пераборлівы ад сытасці ці гультайства, у народзе гаварылі: *Наелася пападдзя круп, дык жарствы захацела*. Нерэальная вобразнасць пакладзена ў аснову прыказкі *Вераб'і крупы склявалі, а сініцу за гэта ў клетку пасадзілі*. Так кажуць, калі замест адных, магчыма, і вінаватых у чым-небудзь, пакаралі іншых, ні ў чым нявінных.

На аснове метафарычнага пераасэнсавання свабоднага словазлучэння ўтвораны кампаратыўны фразеалагізм *як мыш на крупы*, які рэалізуе сваё значэнне 'вельмі моцна' разам з прыфразеалагічнымі словамі *дзьмуцца (надзьмуцца), супіцца (насупіцца)*.

У кампанентным складзе устойлівых моўных адзінак выкарыстоўваецца і лексема **манна**. У пераважнай большасці гэта фразеалагізмы біблейскага паходжання, у аснове якіх ляжыць сюжэт з Бібліі аб ізраільцянскім народзе, што ішоў у зямлю абяцаную на працягу 40 гадоў і еў манну, якую з неба пасылаў Бог. Метафарычнае перасэнсаванне кампанентаў стала асновай для стварэння фразеалагічных адзінак такой семантычнай накіраванасці: лёгкае здабыванне неабходнага ў жыцці – *манна нябесная сыплецца (падае)* і *манна з неба сыплецца (падае)* 'каму-н. вельмі лёгка, само сабой дастаюцца сродкі для пражыцця, набытак і пад.'; нешта доўгачаканае ці падазронага характару – *манна нябесная* 'што-н. вельмі доўгачаканае, патрэбнае' і 'багацце падазронага паходжання'; нешта нездзяйсняльнае – *чакаць манны нябеснай* і *чакаць манны з неба* '(чакаць) малаверагоднай дапамогі, падтрымкі, вынікаў'; вельмі высокая ступень чакання чаго-н. – *чакаць як манны нябеснай* 'з вялікім нецярпеннем, вельмі моцна'.

Матывуецца кампанентамі і значэнне фразеалагізма *як тианіцу (пьянку, проса, муку, лыка)* прадаўшы. Але, як адзначае І.Я. Лепешаў, «абагульнена-вобразнае значэнне фразеалагізма не вынікае з параўнання *як тианіцу прадаўшы*, калі не мець на ўвазе і падтэкст – намёк на барыш пасля продажу пшаніцы» [9, с. 437]. Вобразнасць пакладзена і ў аснову прыказкі *Сляпой курыцы і жарства – тианіца*. Так кажуць пра чалавека, які не ўсведамляе, не адчувае сапраўднага становішча спраў, і для яго што-н. недарэчнае, абсурднае здаецца нармальным, прымальным.

У складзе фразеалагізма *вешаць лапішу на вушы* кампанент *лапіша* з семантыкай прадукта харчавання абсалютна ні пры чым, не рэалізуе свайго слоўнікавага значэння, але разам з іншымі лексемамі ўдзельнічае ва ўтварэнні фразеалагічнага значэння 'падманваць каго-н. гаворачы праўду'.

Заклучэнне. Такім чынам, мучныя, а таксама крупяныя вырабы, і перш за ўсё хлеб, з'яўляюцца неад'емным элементам жыцця чалавека. Яны знайшлі шырокае адлюстраванне ва ўстойлівых адзінках беларускай літаратурнай мовы. На аснове прыказак і фразеалагізмаў можна прасачыць нацыянальна-культурныя асаблівасці народа, які іх стварыў, выявіць непаўторнасць і ўнікальнасць беларускай моўнай карціны свету. Адначасова можна адзначыць, што згаданыя адзінкі мовы адлюстроўваюць і агульначалавечыя асновы жыццядзейнасці. Фразеалагізмы і прыказкі з кампанентамі-назвамі мучных і крупяных вырабаў характарызуюцца высокай антрапацэнтрычнасцю, бо ў цэнтры ўвагі большасці з іх знаходзіцца чалавек, яго ўнутраны свет, мысленне, паводзіны, звычаі, адчуванні, маральныя каштоўнасці, культурныя дасягненні. Гэта яшчэ раз гаворыць аб тым, што фразеалагічны і парэміялагічны фонд з'яўляецца выдатным сродкам адлюстравання мудрасці і разважлівасці народа ў яго поглядах на жыццё і сістэму ўзаемаадносін паміж чалавекам і прыродай.

ЛІТАРАТУРА

1. Лепешаў, І.Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.
2. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭН імя П.Броўкі, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 672 с.
3. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭН імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2 : М–Я. – 704 с.
4. Волошин, Ю.К. Актуализация концепта «хлеб» / Ю.К. Волошин // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. – 2017. – Т. 23, № 11. – С.75–80.
5. Беларуская міфалогія : Энцыклапед. слоўнік / С. Санько [і інш.] – Мінск : Беларусь, 2004. – 570 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1984. – Т. 5 / Рэд. тома М.Р. Суднік. – Кн. 2 : У–Я. – 608 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1978. – Т. 2 : Г–К / Рэд. тома А.Я. Баханькоў. – 768 с.
8. Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 2014. – 141 с.
9. Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1977. – Т. 1 : А–В / Рэд. тома К.К. Атраховіч. – 608 с.

Паступіў 09.03.2021

NAMES OF FLOUR AND CEREAL PRODUCTS IN SET UNITS OF LANGUAGES: LINGUOCULTURAL ASPECT

A. SADOUSKAYA, M. YAKALTSEVICH

The component composition of phraseological units and proverbs includes lexical units denoting the names of food products, among which one can emerge those related to flour, flour products and cereals. The article deals with set units of a language containing the above-mentioned components. The features of their structures, semantic transformations and cultural orientation are considered in this article. The composition of many phraseological units and proverbs includes the lexical unit bread, which contains a number of meanings: from the main food product to reflecting various aspects of human life. Other names of flour products are less commonly used: a pie, a loaf, a kalach, a pancake, a flat cake, gingerbread. The lexical units, having in their structure an element directly related to cereals (manna, grain, cereals, wheat) are researched in this article. The set linguistic units being analyzed have their own national features. They are a reflection of the Belarusian people mentality, their ethnocultural characteristics, and the universal foundations of human life.

Keywords: phraseology, proverb, bread, bread products, food, component, lexeme, semantics, language picture.

УДК 81'367.625=161.1

**ДИНАМИКА СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЫ
ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ****Ю.Р. ФИЛИПЧИК***(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*

Статья посвящена описанию взаимообусловленности словообразовательной и семантической подсистем глаголов с семой 'эмоции' в русском языке. Рассмотрение деривационного потенциала эмотивных предикатов в зависимости от семантических признаков является важной областью словообразования, так как демонстрирует реализацию системного статуса исследуемых единиц. В работе описана ядерно-периферийная структура лексико-семантической группы эмотивных глаголов, в соответствии с которой и организован деривационный процесс: объем словообразовательной парадигмы производящей глагольной единицы сокращается с удалением эмотивных лексем от ядра, т.е. с появлением в структуре их семантического поля метафоричности. Стоит отметить, что семантико-деривационная взаимообусловленность класса эмотивных глаголов в процессе словообразования реализуется зависимостью количественного и качественного состава производных единиц от положительной либо отрицательной оценки эмоционального состояния, выражаемого предикатом.

Ключевые слова: деривационный потенциал, словообразовательная парадигма, лексико-семантическая группа, семантико-деривационная взаимообусловленность.

Введение. Класс эмотивных глаголов в русском языке в силу собственной антропоцентричности, обусловленной дейктическим характером данных единиц (указание на субъект состояния, способность участвовать в описании любых внутренних состояний человека), отличается актуальностью исследования, что подкрепляется также неоднородностью и разнообразием в семантико-деривационном плане данного класса слов. Вопросами взаимосвязи семантических и словообразовательных значений участников деривационных процессов, выявления словообразовательного потенциала лексем в зависимости от их семантических признаков интересовались многие лингвисты (Белокриницкая С.С., Гейгер Р.М., Гинзбург Е.Л., Земская Е.А., Никитевич В.М. и др.). Однако системного описания словообразовательных возможностей глагольных эмотивов в указанном контексте не обнаружено.

Рассмотрение словообразовательного потенциала эмотивных глаголов в семантическом аспекте является важным направлением в силу способности демонстрировать роль деривационных процессов в формировании национальной языковой картины мира, так как изучение семантических аспектов словообразования – «важнейшая часть исследования и описания его функций, а главной среди них считается номинативная...» [1, с. 3]. Кроме того, анализ лексико-семантической группы (ЛСГ) эмотивных глаголов с учетом их семантико-деривационных особенностей позволяет выявить участки лексического образования, отличающиеся продуктивностью, малопродуктивностью, и, соответственно, «словообразовательным бесплодием» [2, с. 56].

В данной статье рассмотрим динамику словообразовательных процессов в рамках ЛСГ эмотивных глаголов в семантическом аспекте. Источником материала исследования послужил «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова [3].

Основная часть. Согласно одному из универсальных, а значит фундаментальных, законов – принципу аналогии – в основе многих лингвистических явлений лежит шаблонность. Данный факт обнаруживает себя и в структуре ЛСГ, которая по сути отражает строение лексического значения слова. М.В. Никитин, обращаясь к изучению семантики, выделяет в ее структуре два компонента: интенционал (содержательное ядро лексического значения) и импликационал (периферия семантических признаков, окружающая это ядро) [4, с. 115]. Следовательно, и в структуре ЛСГ возможно выделить ядро, включающее глаголы с исконно первичной эмоциональной семантикой [5, с. 113], и периферийные линии, расположение которых будет базироваться в зависимости от степени семантической близости к ядру.

Семантическим ядром ЛСГ эмотивных глаголов являются исконно эмоциональные предикаты, в разрезе диахронии неизменно включавшие в свою структуру сему 'эмоции'. Среди данной группы единиц можно назвать следующие: *грустить* (6), *тужить* (3), *страдать* (7), *гневить* (3), *опасаться* (1), *горевать* (5), *томить* (9), *терзать* (3), *стыдить* (4), *тревожить* (5), *любить* (12), *печалить* (1), *сердить* (3), *трусить* (4), *скупать* (4), *гордиться* (3), *радоваться* (5), *веселиться* (6) и др. В скобках указан количественный состав префиксальных парадигм данных лексических единиц [5], который свидетельствует об относительной многочисленности приставочных дериватов по отношению к каждому производящему предикату, при этом качественный состав словообразовательных формантов в основе своей совпадает.

Так, префикс *по-* проявляет высокую степень продуктивности в процессе деривации в рамках ядерного участка ЛСГ глаголов эмоционального состояния. Результатом словообразования становятся лексемы с делимитативным значением ('действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение некоторого времени') [6, с. 99]: *поопасаться, порадоваться, потужить, потрусить, погневить, постыдить, погрустить, погоревать, пострадать, потомить, потерзаться, постыдить, полюбить, поскучать* и др. Реже деривационный формант *по-* в структуре глагольного деривата с семой 'эмоция' может выражать результативное (*потревожить*) либо инцептивное (*полюбить*) словообразовательные значения. Допустимы случаи, когда присоединение префикса к производящей основе влечет появление у производной единицы полисемии. В зависимости от контекста полученное префиксальное образование может выражать делимитативное значение: «*Порадуюсь пару дней, – сказал владелец "Кэпиталз" после победы его команды над "Вегас Голден Найтс" в матче № 5 финала Кубка Стэнли 7 июня*» [10]. В примере «*Я хочу порадовать тебя красивым снегопадом!*» [11] префиксальный дериват приобретает словообразовательное значение 'совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом' [7, с. 365]. Включение в семантическое поле глагольной единицы посредством префикса двух различных словообразовательных значений наблюдается также в лексеме *повеселить*.

Меньшую частотность в деривационной парадигме эмотивных глаголов демонстрирует приставка *за-* с инцептивным и интенсивно-результативным значениями (*зарадоваться, затужить, затрусить, застыдить, загрустить, загордиться, завеселиться, залюбить, загоревать, затревожить, затомить, затерзать* и др.).

Проанализировав деривационный потенциал префиксов в рамках образования глаголов эмоционального состояния, мы можем отметить, что общей продуктивностью будут обладать словообразовательные форманты с делимитативным (*погрустить, посердить*), инцептивным (*заскучать, взгрустить*) и интенсивно-результативным значениями (*рассердить, залюбить, нарадоваться*).

Семантико-деривационная взаимообусловленность класса эмотивных глаголов в процессе словообразования реализуется зависимостью количественного и качественного состава производных единиц от положительной либо отрицательной оценки эмоционального состояния, выражаемого предикатом. Так, если обратиться к типологии словообразовательных значений глаголов негативного эмоционального состояния, важным становится тот факт, что в структуре префиксальной парадигмы обнаруживает себя множество дериватов с финитивным семантическим компонентом [6, с. 99]: *оттужить, отгоревать, перегоревать, выстрадать, дострадать, отстрадать, перестрадать, прострадать* и др. Данный факт как нельзя лучше демонстрирует реализацию в языке особенностей национального менталитета его носителей: восприятие негативных жизненных этапов с точки зрения их неизбежного окончания, установка на оптимистичное будущее. Подтверждением высказанной точки зрения будет являться отсутствие приставок с финитивным значением в префиксальной парадигме предикатов положительного эмоционального состояния (*радовать, радоваться, гордиться, милеть, смеяться* и др.), за исключением единиц *отлюбить, отвеселиться*, и, наоборот, частотное употребление префиксальных глаголов положительных эмоций с семантическим компонентом интенсивности и длительности: *взвеселиться, навеселиться, залюбить, облюбить, нарадоваться* и др.

Отвлечемся от префиксальных глагольных дериватов и обратимся к количественным показателям словообразовательных гнезд, куда данные производные относятся, условно разделяя лексемы с семой 'эмоции' на положительные и отрицательные (таблица):

Таблица. – Количественный состав словообразовательных гнезд эмотивов в русском языке

Вершина словообразовательного гнезда	Количество членов словообразовательного гнезда
Лексемы положительного эмоционального состояния	
<i>веселый</i>	61 единица
<i>рад</i>	39 единиц
<i>любить</i>	287 единиц
<i>смех</i>	109 единиц
Лексемы негативного эмоционального состояния	
<i>сердитый</i>	31 единица
<i>злой</i>	147 единиц
<i>грусть</i>	32 единицы
<i>страдать</i>	35 единиц

Количественная разница является очевидной и позволяет сделать вывод о более активных деривационных процессах в рамках словообразовательных гнезд, где вершиной модели является лексема – носитель положительной эмоции. Субъект словотворчества подсознательно готов активно фиксировать посредством языка различные оттенки и стадии приятного состояния, нежели отрицательного, что также реализует особенности национального менталитета. Таким образом, интенсивность динамики словообразовательных процессов в рамках образования эмотивов достаточно неравномерна и обусловлена оценкой эмоционального состояния субъектом словотворчества.

Важно отметить, что указанная позитивная установка находит свое выражение еще более интенсивно в близкородственном русскому белорусском языке. Данная черта реализуется отсутствием в лексикографической литературе префиксального деривата от глагола *кахаць* со значением ‘аннулировать результат действия, названного мотивирующим глаголом’ [7, с. 363], отсутствием белорусскоязычных коррелятов у глаголов полютовать, пострадать, потужить, похандрить. В рамках белорусскоязычной префиксальной парадигмы предикатов с семей ‘отрицательная эмоция’ доминирующим словообразовательным значением становится финитивный: *адстагнаць, пераныць, ператужыць, выцярпець* и др.

Однако необходимо подчеркнуть, что «при рассмотрении словообразования как процесса создания новых единиц необходимо учитывать, что язык, помимо свойств системности, может также обнаруживать (в разной степени) признаки несистемности, некоторой асимметрии и характеризоваться наличием лакун. Когда за цепочками, парадигмами мы видим совокупность определенных отношений, находящихся формальное выражение на уровне системы словообразования, то, естественно, на следующем этапе логично увидеть факты “нереализации” тех или иных семантических позиций» [8, с. 119]. Таким образом, отсутствующие префиксальные производные могут считаться потенциальными, т.е. незафиксированными в лексикографической литературе, но запрограммированными словообразовательной системой, а потому активно представленными в интернет-контекстах: «*Отрадоваться или отплакать, и так чтобы к этому не возвращаться и не терять там, в прошлом, массу сил, переживая и пережевывая произошедшее*» [12]; «*Не успели отгордиться достижениями наших химиков в допинге...*» [13].

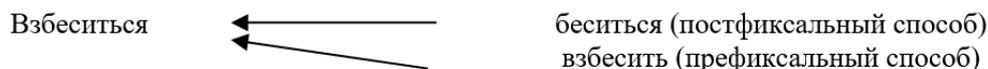
Коснемся еще одного важного аспекта рассмотрения взаимообусловленности семантических и словообразовательных характеристик эмотивной лексики – частеречной принадлежности исходного слова в словообразовательном гнезде. В качестве вершины деривационной модели могут выступать субстантивы (*грусть, горе, смех, стыд*), адъективы (*веселый, гордый, милый*) и глаголы (*любить, жалеть, ненавидеть*). Нахождение данных единиц у основания словообразовательного гнезда неслучайно и отражает, каким образом происходило освоение мира и себя человеком, как воспринималось то или иное эмоциональное состояние, соотношение данных непроемных единиц с субъектом и объектом испытываемого эмоционального состояния. В соответствии с этим определенный семантический компонент выдвигает на первый план состояние, признак или действие. Ввиду того, что именно глагол как нельзя лучше отражает динамику эмоционального состояния субъекта, наблюдается доминирование словообразовательных гнезд отглагольного типа: *бояться, восторгать, жалеть, ликовать, любить, насладить, негодовать, недоумевать, ненавидеть, нравиться, плакать, презреть, пугать, раздражать, скучать, сомневаться, страдать, томить, тужить, трусить*. Дихотомия «семантический – словообразовательный», обуславливающая деривационные процессы в рамках исследуемой ЛСГ, в данном случае трансформируется в трихотомию, включающую еще и грамматический фактор.

Продолжая говорить о структуре ЛСГ эмоционального состояния, стоит отметить, что в ядровое поле будут входить также этимологические метафоры, исторически производящее слово которых вышло из употребления или разошлось по значению с производным: *восхитить, истязать, забавлять, бояться, надоесть, завидовать, ненавидеть, нравиться, благоговеть, благоволить, обидеть*. Значение единиц данной лексической совокупности ввиду языковой эволюции либо не обнаруживает связи с вершиной словообразовательного гнезда, либо базируется на его переносном значении. Представим объем словообразовательных гнезд данных предикатов:

<i>восхитить</i> (11 единиц)	<i>завидовать</i> (21 единица)
<i>истязать</i> (17 единиц)	<i>ненавидеть</i> (29 единиц),
<i>забавлять</i> (14 единиц)	<i>благоговеть</i> (4 единицы)
<i>бояться</i> (27 единиц)	<i>благоволить</i> (6 единиц)
<i>надоесть</i> (13 единиц)	<i>обидеть</i> (38 единиц)

Приведенные числовые значения демонстрируют уменьшение объема словообразовательных гнезд, связанное хоть и с деформированной, но все же связью с эмпирическим основанием метафоры.

Важной характеристикой эмоциональных глаголов с точки зрения их образования является множественность словообразовательной структуры префиксальных дериватов, проявляемая выделением двух способов словообразования и, следовательно, двух производящих основ:



Аналогичная ситуация в рамках данного словообразовательного гнезда наблюдается у глагольных единиц *перобеситься, разбеситься, побеситься*.



При этом некоторые фрагменты словообразовательных цепочек демонстрируют дихотомию «каузатив / декаузатив» (взбесить – взбеситься, взволновать – взволноваться). Каузативность, связанная с выражением причинно-следственных языковых связей и выражаемая в структуре семантического поля слова доминантной семей 'воздействовать', может реализовываться различными средствами языка. Так, декаузатив, второй элемент представленных выше словообразовательных пар, маркируется посредством форманта *-ся*. Достаточно редким явлением в русском языке является приобретение каузативного значения посредством префиксов: *любить* ('испытывать любовь к кому-либо') – *влюбить* ('заставить кого-либо испытывать любовь'). Важно отметить, что каузативные глаголы эмоционального состояния, выражая побуждение объекта испытывать определенные эмоции, зачастую являются вершиной словообразовательных гнезд: *восторгать, восхитить* и др. Среди эмотивных глаголов есть и такие, которые не образуют синтетических каузативов, и тогда субъект коммуникации вынужден прибегать к аналитическим конструкциям: *привести в состояние страдания, привести в состояние грусти*.

Ближайшая периферия ЛСГ эмотивных глаголов будет включать вторичные метафорические предикаты эмоций. Переносное значение данных единиц стерлось ввиду их частотного употребления и стало одним из неосновных прямых значений. Например, глагол *волновать* имеет следующие дефиниции: 1) «приводить в волнение»; 2) «приводить в волнение, в тревожно-беспокойное состояние, возбуждать»; 3) «подстрекать к волнениям» [9, с. 71]. Второе из представленных определений касается сферы эмоций, и его вторичное метафорическое происхождение не воспринимается носителями языка, что подтверждается выделением множества непосредственных дериватов на словообразовательном уровне: *волновать* → *волноваться, волнование, волнение, волнительный, волнующий, взволновать, поволновать, заволновать, переволновать, разволновать* [3, с. 186]. Таким образом, стертая образность и восприятие предиката достаточно конкретно стимулирует деривационные процессы в рамках указанной группы глаголов: *дрожать* → *дрогнуть, дрожание, дрожь, дрожанка, дрожмя, дрожательный, задрожать, издрожаться, надрожаться, передрожать, подрожать, подрагивать, продрожать* [3, с. 317]; *смутить* → *смутиться, смущать, смущение, смута, смутка, смуток, смутитель, смущенный, смутительный* [3, с. 639].

Рассмотрим семантико-деривационную взаимообусловленность эмотивных лексем на следующей периферийной линии исследуемой ЛСГ – вторичные метафорические эмотивы с сохранившейся образностью. Их переносное значение остается актуальным и мотивированным и продолжает адекватно восприниматься субъектом речетворчества. Так, предикат *сиять* в толковом словаре обнаруживает следующие определения: 1) прям. «испускать сияние»; 2) перен. «блестеть, выражая какие-н. радостные чувства (о глазах), или светиться радостью, счастьем, любовью (о лице)» [9, с. 621]. Данная лексико-семантическая подгруппа наиболее четко иллюстрирует связь эмотивной лексики с другими лексическими множествами.

Явная и ощущаемая метафоричность указанных лексем является препятствием в процессе построения объективной деривационной модели глаголов, так как словообразовательные словари, в частности

хорошо известный словарь А.Н. Тихонова, ориентированы в первую очередь на прямые значения лексических единиц. Словообразовательная парадигма глагола *сиять* выглядит следующим образом: *воссиять, засиять, осиять, посиять, просиять, рассиять* [3, с. 107]. В подобной ситуации выстроить объективную словообразовательную модель данного предиката с семой 'эмоции' помогут контексты: *засиять* с префиксом *за-* – носителем инцептивного значения: «*Я от счастья засияла ярче*» [14]; *просиять* с приставкой *про-* – носителем пердуративного значения: «*Я просияю счастливо!*» [15]. Важно отметить, что интернет-контексты выдают производную *всяить* с префиксом *в-* – носителем результативного значения, которой нет в лексикографической литературе: «*Я Любовь в себя всяю*» [16].

Условный характер структуры словообразовательной модели проявляется и на уровне следующей периферийной области – глаголов с ярко выраженной эмоционально-стилистической окраской: *звереть (озвереть), зверствовать, сатанеть (осатанеть), бесить (взбесить, перебесить, побесить, разбесить, сбесить), бычиться (взбычиться, забычиться, набычиться и сбычиться), собачиться (насобачиться, особачиться)*. Структура и количественный состав их деривационного окружения будет меньше по объему, чем у аналогичных единиц с прямым значением. Однако частотное употребление эмоционально и стилистически окрашенных глаголов в коммуникации будет стимулировать возникновение новых неузуальных дериватов: «*Как **выбесит** всех геймеров?*» [17] «*Всё достало! Кому нада **вызвериться** добро пожать сюда!*» [18].

Заключение. Таким образом, динамика словообразовательных процессов в рамках определенной ЛСГ напрямую зависит от семантических характеристик слова. Одной из основных причин, влияющих на интенсивность деривации, является феномен метафоричности, с возникновением которого в семантическом поле производящей единицы степень словообразовательной продуктивности падает. Данную закономерность демонстрируют лексикографические источники, ориентированные в первую очередь на лексемы с прямым значением. Однако интернет-пространство языка в силу собственной свободы и отсутствия регламентированности не отражает спада словообразовательной продуктивности эмотивов, находящихся на периферийном участке ЛСГ, представляя при этом потенциальные и окказиональные дериваты. Помимо семантического фактора на формирование словообразовательной подсистемы эмотивных глаголов могут влиять грамматические характеристики вершины словообразовательных структур – частеречная принадлежность исходного словообразовательного компонента, которая посредством формирования семантического поля производящей единицы влияет на деривационные процессы. Также важно отметить, что положительная либо отрицательная семантика оценочности, отражающая элементы социокультурной нормы и ценностной ориентации личности, влияет на количественную структуру деривационной модели, качественный состав словообразовательных типов, ведь словообразовательное гнездо репрезентует концепт, отражает ментальное развитие национальной общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.
2. Филиппчик, Ю.Р. Особенности образования и функционирования окказиональных производных в коммуникативном пространстве языка / Ю.Р. Филиппчик // Весн. Брэсц. ўн-та. Сер. 3, Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – 2020. – № 2. – С. 53–59.
3. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А.Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985. – Т. 2.
4. Никитин, М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) : учеб. пособие / М.В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1983. – 350 с.
5. Чепурина, И.В. Лингво-когнитивный потенциал эмотивных глаголов / И.В. Чепурина // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 27. – С. 111–121.
6. Татевосов, С.Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола / С.Г. Татевосов // Корпусные исследования по русской грамматике / ред.-сост.: К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов. – М. : Пробел, 2009. – С. 92–156.
7. Русская грамматика : в 2 т. / редкол. : Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
8. Никитевич, А.В. Деривация и смысл / А.В. Никитевич. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2014. – 233 с.
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – Изд. 18-е., стер. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
10. NHL [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.nhl.com/ru/news/five-questions-with-ted-leonsis/c-300928396>. – Дата доступа: 05.04.2021.
11. Городские переезды – Грузовое такси. Черкассы [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ok.ru/yezhegod/topic/65173369711559>. – Дата доступа: 05.04.2021.
12. БЕРЕГИНЯ. Центр восстановления женского здоровья [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://m.vk.com/product-162196450_3177740. – Дата доступа: 05.04.2021.
13. Дмитрий Чекалкин [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://m.facebook.com/Dmitriy.Chekalkin/photos/?type=3&__tn__=EH-R. – Дата доступа: 05.04.2021.

14. GL5.RU [официальная страница]. – Режим доступа: <https://www.gl5.ru/i/ilona/ilona-ya-s.u.k.a..html>. – Дата доступа: 05.04.2021.
15. Юрий Любимов [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://id-id.facebook.com/UrijLubimov/posts/d41d8cd9/4437872812904593/>. Дата доступа: 05.04.2021.
16. Ivannasmessaging [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.facebook.com/ivannasmessaging/videos/1501973499929022/>. – Дата доступа: 05.04.2021.
17. 2x2 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://2x2tv.ru/blog/how-to-make-gamers-angry/>. – Дата доступа: 05.04.2021.
18. Всё достало! Кому нада вызвериться добро пожать сюда! [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://vk.com/albums-18959331>. – Дата доступа: 05.04.2021.

Поступила 01.06.2021

THE DYNAMICS OF SEMANTIC-DERIVATIONAL SUBSYSTEM OF EMOTIVE VERBS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Y. FILIPCHIK

This article is devoted to the description of the interdependence of the derivational and semantic subsystems of verbs with the seme 'emotions' in the Russian language. Investigation of the derivational potential of emotive predicates depending on semantic features is an important area of word-formation, as it demonstrates the implementation of the system status of the units under study. The paper describes the nuclear-peripheral structure of the lexical-semantic group of emotive verbs, in accordance with which the derivational process is organized: the volume of the derivational paradigm of the producing verb unit is reduced with the distance of emotive lexemes from the nucleus, i.e. with the appearance of metaphor in the structure of their semantic field. It should be noted that the semantic-derivational interdependence of the class of emotive verbs in the process of word formation is realized by the dependence of the quantitative and qualitative composition of derived units on a positive or negative assessment of the emotional state expressed by the predicate.

Keywords: *derivational potential, word-formation paradigm, lexical-semantic group, semantic-derivational interdependence.*

УДК 811'42

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ССЫЛОК В НАУЧНОЙ РЕЧИ

канд. филол. наук, доц. О.Н. ЧАЛОВА
(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)
oksana-chalova@mail.ru

В работе представлены результаты коммуникативно-прагматического анализа, посвященного выявлению особенностей функционирования в научном диалоге такого речевого феномена, как ссылки на экспертов (апелляции к авторитетному лицу). В ходе анализа выяснилось, что в научной коммуникации ссылки отличаются исключительным разнообразием, что обусловлено их важной прагматической ролью в изучаемом типе общения, их высочайшим прагматическим потенциалом, который можно конкретизировать в перечне задач, стоящих перед ссылками: аргументативная, оценочная, книгоописательная, информативная, экспрессивная, делегирующая и некоторые другие. Некоторые ссылки способны одновременно выполнять сразу несколько функций. В основе использования той или иной ссылки могут лежать разные причины, например, в числе причин употребления делегирующих ссылок можно назвать следующие: незнание ответа, стремление снять с себя ответственность за развитие диалога, желание услышать мнение собеседника и др.

Ключевые слова: лингвопрагматика, научный диалог, ссылка, аргумент, оценка, интертекстуальность, речевое действие.

Введение. Одним из неотъемлемых компонентов научной речи является ссылка на экспертов. Под ссылкой на эксперта будем подразумевать апелляцию к конкретному автору и его достижениям, указание на его работу/работы (или ее/их фрагмент). Если в письменной научной речи (в научных статьях, монографиях и т.д.) ссылка зачастую представляет собой либо упоминание фамилии авторитетного лица (и/или его труда), либо оформляется в виде специальных квадратных скобок, в которых имя автора и его работа особым образом кодируются (например, [1, с. 30] или [2] и т.д.), то в устной научной речи (в научном докладе или на научной дискуссии) ссылка на экспертов представляет собой упоминание имени автора и/или его работы.

Несмотря на то, что ссылки являются важным и неотъемлемым атрибутом научной речи, в лингвистической науке обнаруживается не так много работ, которые посвящены изучению этого феномена [1–3 и др.]. Более того, обычно ссылки рассматриваются просто в качестве одного из средств репрезентации такой категории научного текста, как интертекстуальность [4–6 и др.], при этом большее внимание исследователи уделяют именно другим формам выражения интертекстуальности, например цитации (прямой и косвенной), в то время как ссылки остаются на периферии лингвистического анализа. Вероятно, такой расклад можно объяснить тем, что ссылки в определенной степени квалифицируются как чисто библиографический феномен, позволяющий найти первоисточник информации. Однако подобное положение дел является не совсем справедливым, поскольку ссылки представляют собой не только технический феномен, но прежде всего коммуникативный, так как принимают разные речевые формы (с цитацией и без, с указанием фамилии автора и/или его работы и т.д.: *Ткаченко говорил о том, что научная общественность очень осторожно подходит к проблеме того периода, когда будет официально объявлено о ликвидации полиомиелита.* или *По словам Волкова А.Е., без А.П. Зинченко этого бы не было* и др.) и играют исключительно важную роль в организации коммуникации. При этом, на наш взгляд, особую значимость ссылки имеют для устного научного общения, а именно для устных научных дискуссий, так как устный научный диалог оказывается той средой, которая наделяет ссылку дополнительными коммуникативно-прагматическими функциями и фактически превращает ее в мощнейшее средство воздействия на адресата, на его интеллектуальную сферу (взгляды, установки и проч.).

Обзору коммуникативно-прагматических функций ссылок посвящена настоящая статья. Знание этих функций и учет лингвопрагматических нюансов использования ссылок в научной речи может способствовать оптимизации научной коммуникации, повышению ее эффективности. Этим и обусловливается актуальность нашего исследования.

Основная часть. По нашим наблюдениям, основные прагматические функции ссылок, обнаруживающихся в *устной научной дискуссии*, под которой в рамках настоящей работы понимается непосредственный диалог (обмен репликами) ученых на научном форуме (конференции, семинаре и т.д.), можно объединить в рамках *двух групп*:

1) *первичные функции* – это основные или ведущие задачи ссылок, на выполнение которых они ориентированы всегда,

2) *вспомогательные функции* – дополнительные задачи, которые решает ссылка при ее общей ориентированности на выполнение первичных функций.

Рассмотрим каждую из этих функций подробнее.

Первичные функции ссылок.

Информативная функция. Неотъемлемым признаком научного общения, в частности научной дискуссии, является высокая информативность (максимальная содержательная насыщенность) речи, которая задается разными способами, в том числе и использованием отсылок к другим исследователям, что влечет за собой активизацию и распространение информации, содержащейся в оригинальной работе, передачу знаний, полученных предшественниками: *Есть слова самого Кеплера о том, что астрология – это падчерица астрономии. Но падчерица должна помогать, кормить мать, чтобы мать не умерла.* Судя по приведенной формулировке, именно с целью напоминания, фиксации и закрепления добытого ранее знания и дается в данном примере ссылка на уважаемого автора.

Аргументативная функция ссылок. Ведущей стратегией научного дискурса является аргументативная (стратегия убеждения), нацеленная на защиту конкретного исследовательского мнения, например своего. В научной речи стратегия убеждения реализуется посредством различных тактик, приемов и ходов, в частности ссылок, основная задача которых и состоит в том, чтобы доказать состоятельность той или иной точки зрения, подтвердить определенное положение дел и обосновать свою позицию. Более того, в научной речи ссылку стоит рассматривать как один из наиболее надежных, достоверных источников знания или нормы, поскольку если некоторый факт был ранее установлен и проверен другими исследователями, а результаты этой проверки нашли отражение в соответствующих публикациях, то эти факты автоматически превращаются в доводы: *Как говорил Георгий Петрович, тогда есть буква. Буква звучит следующим образом: существует три способа употребления схем: организационно-деятельностный, объектно-онтологический и автономный.* Как видно из примера, автор ссылки стремится показать, что он далеко не одинок в своем научном решении, что сходных мнений придерживаются и другие специалисты, поддержкой которых он пытается заручиться общепринятым в науке способом – путем использования ссылок.

Интертекстуальная/метатекстовая функция. Цель любой научной речи, в том числе и научной дискуссии, состоит не только в том, чтобы отстоять или опровергнуть некоторое утверждение, но и уточнить степень изученности рассматриваемой проблемы, соотносить свое исследование с уже существующими, найти свою нишу в науке, показать свое умение ориентироваться в интенсивном потоке современной научной литературы. В этом смысле использование ссылок является одним из самых надежных способов продемонстрировать свое знание вопроса, определить место своего исследования среди множества других, соотносить полученные результаты со «старым» знанием, установить связи и параллели между новым и уже известным (*Когда ты говоришь: «Каков смысл схемы мыследеятельности?» – ты к чему хочешь, чтобы мы отнеслись? Я могу сказать, что смысл схемы мыследеятельности заключается в том, что она является шагом развития схемы акта коммуникации, зафиксированной в статье «Смысл и значение». В этом её смысл.*) В этом и состоит суть интертекстуальной функции ссылок, ведь, как известно, интертекстуальность – это диалогическое взаимодействие текстов, соотносительность одного текста с другим, сопоставление «старого» знания и «нового». Другими словами, ссылки служат той отправной и опорной точкой нового знания, его каркасом и аккумулятором.

Библиографическая/референтная функция. Библиографическая функция ссылок заключается в том, что последние в любой своей формулировке указывают на возможность получения дополнительных сведений по рассматриваемому вопросу, облегчают поиск соответствующей литературы, позволяют идентифицировать конкретный источник информации, частично раскрыть его содержание, мотивировать адресата обратиться к предтексту. Так, в примере (*В книге «Я всегда был идеалистом» есть фрагменты, посвященные отношению к истории, особенно там, где он обсуждает свои отношения с Зиновьевым. Он утверждает, что базовое отличие его понимания и его полаганий от зиновьевских в том, что он знал историю и имел историю*) является очевидным желание автора реплики донести до своего собеседника информацию о возможности расширения своих знаний по обсуждаемой проблеме, рекомендовать ему ознакомиться с релевантным материалом.

Как показывает наш коммуникативно-прагматический анализ, наряду с вышеперечисленными (ведущими) функциями в устной научной дискуссии ссылки на экспертов могут использоваться и для решения других задач, наиболее значимыми из которых являются следующие.

Вспомогательные функции ссылок.

Фатическая (контактоустанавливающая) функция. В связи с тем, что ссылки в научном диалоге могут принимать форму обращений, направленных на привлечение внимания партнера по общению, на демонстрацию общности интересов и позиций коммуникантов, им можно приписать наличие контактоустанавливающей функции: *Но Вы выхватываете фрагменты. Речь идет не о прямом навязывании, а о куда более тонких механизмах. В конце концов, почитайте Фуко.* Как показывает пример, такие ссылки зачастую предваряются упоминаниями индивидуального или коллективного адресата, содержат дейксис первого или второго лица и/или глагол в повелительном наклонении либо имеют конструкцию бытийных предложений, хотя все эти языковые маркеры могут присутствовать и в других функциональных типах ссылок.

Репрезентативная функция. Кроме всего прочего, ссылке можно рассматривать и как важный элемент самовыражения автора, его научных ориентиров, прагматических установок (*В этом отношении было бы замечательно иметь на русском языке такие книги, как книга А. Кестлера "Лунатики" – отличные биографии Коперника, Браге, Кеплера и Галилея вкупе с описанием революции в астрономии. В ней*

очень хорошо описан в общем-то известный факт о том, что Кеплер пришел к своим законам не путем обобщений эмпирических данных, а скорее через мистическое понимание природы вещей, которое не так уж далеко от астрологии. И астрологом он был не просто ради заработка. И вообще, приобщение к астрологии мотивируется неистребимой страстью к таинственному). Более того, аргументатор может ссылаться и на свои собственные работы, популяризировать их в приемлемой для научной дискуссии форме (*Философия будет законодательной инстанцией и инстанцией, которая, пользуясь выражением из тезисов, будет «конституировать политику мэйнстрима»*). Сказанное позволяет приписывать ей ориентированность на выполнение представительских функций (репрезентативных задач).

Развлекательная/экспрессивная/поэтическая функция. Как и любой языковой или речевой элемент, ссылка может иметь эстетическую функцию, поскольку в ряде случаев представляет собой яркое коммуникативное вкрапление, которое разнообразит монотонное звучание научной речи, является средством выражения научных вкусов и творческого начала ее автора: *Как-то раз Георгий Петрович нам с Поповым сказал: "Помните, есть гигантская разница между гениальными прозрениями и систематической мыслительной работой. Гениальные прозрения могут прийти в голову кому угодно и так же благополучно оттуда уйти. А систематически развернуть представления так, чтобы эти интуиции нашли отражение – сложно". В этом плане можно сказать, что <...>* В данном случае ссылка сочетается с прямым цитированием конкретного исследователя, что только усиливает ее экспрессивность.

Кредитно-авансовая функция. Одной из интересных разновидностей ссылок в научной дискуссии является ссылка, которая используется вместо прямого ответа на вопрос (*Тогда предлагаю этот же вопрос, но с другой стороны: ребенок свою природу реализует, развивает в культурном, социальном, идеологическом пространстве. Как же учитывать эти основания педагогики? – (2): Вспомним две работы Дистервега «О высшем принципе воспитания», т.е. о принципе природосообразности; и «О принципе культуросообразности». Эти две работы исчерпывающе отвечают на ваш вопрос. Я просто не хочу пересказывать Дистервега*). По сути, это косвенный уход от ответа, который в устной научной дискуссии уместно рассматривать в качестве нарушения принципов конструктивного общения, ведь, как известно, одним из ведущих качеств научной речи является ее высокая информативность, а подобные аргументы «в кредит» представляют собой явный случай отклонения от норм научной речи. Понятно, что кредитно-авансовые ссылки достаточно редко используются в научной коммуникации, поскольку противостоят его категориям и свойствам. Тем не менее факт их присутствия в научном диалоге свидетельствует о том, что это отнюдь не чужеродный для научного общения элемент. Более того, кредитно-авансовые ссылки в изучаемом типе дискурса могут принимать разные формы, то есть не только ссылок на работы других авторов, но и на свои собственные (*То, что я могла сказать, есть в моих тезисах*). Таким образом, в отличие от других коммуникативно-прагматических разновидностей ссылок, которые служат высокоинформативным элементом научной речи, кредитно-авансовые ссылки, наоборот, стоит трактовать в качестве нежелательного элемента речи коммуниканта, поскольку несколько дискредитируют последнего.

Делегирующая функция. Своеобразной разновидностью кредитно-авансовой ссылки является делегирующая ссылка (*Пусть Максудов скажет, в чём был вклад в идею рефлексии*), поскольку она фактически представляет собой отказ отвечать, но отличается от нее своей ориентированностью на продолжение общения, на передачу вербальных полномочий другому участнику научной дискуссии. Говоря иначе, делегирующие ссылки – это прямые апелляции к собеседнику, основная задача которых сводится к стимуляции речи оппонента, побуждению последнего взять коммуникативную инициативу в свои руки.

В основе использования делегирующих ссылок могут лежать разные причины: незнание ответа, стремление снять с себя ответственность за развитие диалога, желание услышать мнение собеседника и др. Однако что бы ни явилось причиной передачи слова оппоненту, рассматриваемый вид ссылок, с нашей точки зрения, целесообразно всегда квалифицировать в качестве уклонения (ухода) от ответа, как речевой поступок, в некоторой степени дискредитирующий своего автора.

Оценочная функция. К числу вспомогательных функций ссылок можно отнести и оценочную функцию. Мы не причисляем оценочные ссылки к основным видам ссылок только потому, что они не настолько частотны, как аргументативная, интертекстуальная и библиографическая ссылки (ведь элемент аргументации, интертекста и книгоописания присутствует абсолютно в каждой ссылке), а являются более эксклюзивной разновидностью изучаемого феномена.

Поскольку оценка в языке и речи может иметь разную векторную направленность – положительную и отрицательную, то и ссылки в научной дискуссии целесообразно делить на *положительнооценочные* и *отрицательнооценочные*. Первые направлены на выражение позитивного отношения к позиции собеседника (согласия, одобрения, похвалы и под.), вторые – негативного (несогласия, неодобрения, критики, сомнения и под.). Так, ссылку, намекающую на существование альтернативных взглядов, а следовательно, косвенно указывающую на возможную несостоятельность точки зрения аргументатора, стоит квалифицировать в качестве несогласия с позицией докладчика. Например, очевидно, что реплика *В конке концов, почитайте внимательно работы Георгия Петровича*, содержащая замаскированную отсылку к авторитетному эксперту, на наш взгляд, может быть интерпретирована в единственном ключе – как критическое замечание, а именно косвенное указание на недостаточную теоретическую базу исследования оппонента.

Важно отметить, что негативнооценочные ссылки в научной дискуссии встречаются чаще позитивно-оценочных. Вероятно, это обусловлено психологическими и лингвокультурологическими причинами: ссылка на другого специалиста является удобным способом снять с себя ответственность за тот внутренний дискомфорт, который может вызвать у собеседника критика в адрес концепции последнего, ведь ссылки создают иллюзию того, что критика исходит не от самого автора, а от другого человека. Более того, ссылки удобны и тем, что они деинтенсифицирует пейоративный компонент в семантике критического замечания, например: *У Георгия Петровича Щедровицкого схематизация имела ещё один, отличный от кантовского, смысл. Она шла параллельно казалось бы явно не схематизирующим модальностям работы.* Замечание коммуниканта по поводу того, что аргументатор недостаточно полно раскрыл суть понятия «схематизация», принимает форму ссылки на авторитетное лицо. По сути, эта ссылка является аргументом к несогласию (пояснением причин, лежащих в основе несогласия), а само несогласие опускается с целью смягчить критику. В результате остается только сам аргумент, который, таким образом, берет на себя сразу две функции – аргументативную и оценочную.

Несмотря на количественное доминирование в научном диалоге негативнооценочных ссылок, в изучаемом типе общения также встречаются и положительнооценочные апелляции к экспертам, например: *Конечно! Ещё Петр Георгиевич говорил, что надо искать эмпирический материал.* О наличии положительной оценки в структуре ссылки на Петра Георгиевича свидетельствует предваряющее восклицание «Конечно», позволяющее недвусмысленно распознать мелиоративную аксиологию приведенной реплики.

Закключение. Можно выделить и другие прагматические разновидности ссылок в научной речи, например *напоминающую (Розин в одной из статей писал, что мы в своё время назывались содержательно-генетическими логиками), экзemplифицирующую (Например, на странице 4: «Сфера деятельности – это относительно независимая по критерию функционирования и развития социотехническая система в целом социума(?). "Казнить нельзя помиловать"»).* Я не понимаю, как понимать эту фразу) и др., но и указанных достаточно, чтобы увидеть, какую огромную роль играют ссылки в научном общении.

Таким образом, обзор основных задач, на решение которых ориентированы ссылки в научной дискуссии, позволяет сделать вывод об исключительно высоком функциональном потенциале нашего объекта исследования. Серьезная прагматическая нагрузка, которую несут ссылочные элементы в научном диалоге, делает их наиважнейшим элементом научной коммуникации, действенным инструментом ее организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова, Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е.А. Баженова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 269 с.
2. Баженова, Е.А. Научный текст как система субтекстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е.А. Баженова ; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2001. – 42 с.
3. Бочарникова, Е.А. Актуализация категории интертекстуальности в научном экономическом тексте: когнитивно-дискурсивный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.А. Бочарникова. – Астрахань, 2009. – 213 л.
4. Гричин, С.В. Авторизация в научном стиле современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С.В. Гричин. – Томск, 2003. – 177 л.
5. Королева, Н.В. Средства и способы реализации интертекстуальности в научном дискурсе: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.В. Королева. – Саранск, 2004. – 211 л.
6. Михайлова, Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе: на материале статей : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 205 л.

Поступила 09.03.2021

LINGUAPRAGMATIC FUNCTIONS OF REFERENCES IN SCIENTIFIC SPEECH

O. CHALOVA

The article presents the results of the pragmalinguistic analysis devoted to finding and characterizing aspects of references functioning in a scientific dialogue. So, our research shows that references in scientific communication are extremely variable, which is predetermined by their important pragmatic role in the discourse under study, by their highest pragmatic potential that can be specified in a list of functions that references have to fulfill: argumentative function, axiological function, bibliographical function, informational function, expressive function, delegating function and a few others. Some references can perform a few functions. Reasons that make speakers use references can be different, for example delegating references are used for the following reasons: to conceal ignorance, to get rid of the responsibility for developing the dialogue, to show a desire to hear the opponent's opinion, etc.

Keywords: pragmalinguistics, scientific dialogue, reference, argument, assessment, intertextuality, speech act.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»

(Полоцк, 19 марта 2021 г.)

Актуальность обсуждения различных методических аспектов преподавания русского языка как иностранного связана с всё большим количеством иностранцев, желающих овладеть русским языком. Т.к. для кафедры славянской филологии Полоцкого государственного университета это является одним из приоритетных направлений деятельности, мероприятие по обсуждению вопросов преподавания РКИ стало традиционным. Предыдущий семинар был посвящён обсуждению уровневой концепции преподавания русского языка, а в этом году был выбран аспект национально-культурной составляющей в преподавании, спектр вопросов расширился.

Проблемное поле Международного научно-практического семинара «Национально-культурный компонент в преподавании русского языка как иностранного» включает в себя следующие аспекты: компетентностный подход в обучении русскому языку как иностранному; потенциал национальной художественной литературы в изучении русского языка как иностранного; лингвокультурологический подход в овладении русским языком как иностранным в повседневном общении; изучение русского языка как иностранного сквозь призму национальной картины мира; опыт преподавания русского языка как иностранного в иноязычном окружении.

В нынешних условиях пандемии международный научно-практический семинар проходил в формате онлайн, связавшем между собой педагогов и методистов из Беларуси, России и Узбекистана. Партнёры из Навоийского государственного педагогического института активно сотрудничают с кафедрой славянской филологии, в том числе и в обсуждении методических аспектов, что поможет осуществлению результативной подготовки по совместной специальности «Иностранные языки» (русский, английский). Трансляция семинара проходила в режиме реального времени, а результатом работы участников семинара явилась видеозапись выступлений докладчиков, с которой можно ознакомиться, перейдя по ссылке https://drive.google.com/file/d/1o1Vn17kRwngltdUPi_VHCwCaPJxM_0Hp/view.

Хочется подчеркнуть, что в процессе изучения национально-культурного компонента и обмена опытом учёные из разных стран делают для себя неожиданные открытия близкого знакомства с неродной культурой. Например, в Узбекистане и Беларуси русский язык может изучаться не на текстах русских авторов, а узбекских и белорусских. Какие тексты отбираются методистами для этой цели и почему – вопрос концептуальный, связанный с репрезентацией нации среди других народов. Бесспорно, это важный момент межкультурного взаимодействия и взаимообогащения в процессе изучения языка.

Семинар такого формата – это замечательная возможность для преподавателей кафедры славянской филологии поделиться методическими находками, которых за год в условиях онлайн-обучения и новых форм работы появилось немало, и поучиться у коллег из других вузов.

*канд. филол. наук, доц. С.М. Лясович
(Полоцкий государственный университет)*

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Анцімонік А.В.</i> Мастацкая вобразнасць з экзістэнцыйнымі канатацыямі ў беларускай лірыцы мяжы ХХ–ХХІ стст.	2
<i>Кашкан Т.А.</i> Асаблівасці гіпертэкставай літаратуры (на прыкладзе раманаў «Дом листьев» М. Данілеўскага і «Древо кодов» Дж. С. Фоера)	8
<i>Нестер Н.В.</i> Жанр эпиграммы в творчестве Эзры Паунда	12
<i>Семчёнков Л.И.</i> «Предательство дочери мельника» И.В. Гёте: немецкий вариант французского романа	16
<i>Черкес Т.В.</i> Изменение субъектной структуры русской баллады конца XVIII – начала ХХІ в. как маркер эволюции литературного жанра	21
<i>Шумская Л.М.</i> Концепция героя в сборнике рассказов А.Т. Аверченко «Записки простодушного»	30

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Апекунов В.А.</i> Национальное возрождение южнославянских народов в работах П.А. Кулаковского.....	36
<i>Галынская А.А.</i> Ономаσιологическая организация морфемных русских и английских дериватов, обозначающих деньги, платежи, финансовые операции	41
<i>Еромейчик Т.В.</i> Экспрессивно-стилистические средства белорусской спортивной риторики	46
<i>Куц А.А.</i> Сродкі рэпрэзентацыі паняцця <i>паражэнне</i> ў беларускай моўнай карціне свету	51
<i>Логвинова И.В.</i> Анализ использования заимствованных суффиксов имен прилагательных в романе Роберта Шнайдера «Schlafes Bruder»	60
<i>Новикова Л.П.</i> Семантическая диффузность в устной публичной речи: нормативный аспект.....	64
<i>Овсейчик Ю.В.</i> Функциональные свойства сочинительного союза <i>ni 'ни' in potentia</i> в старо- и среднефранцузском языках	68
<i>Пристапуна Н.Н.</i> Становление кредитной лексики в немецком языке ранненововерхненемецкого периода: структурные и формальные характеристики	74
<i>Садоўская А.С., Якалцэвіч М.А.</i> Назвы мучных і крупяных вырабаў ва ўстойлівых адзінках мовы: лінгвакультуралагічны аспект	79
<i>Филипчик Ю.Р.</i> Динамика семантико-словообразовательной подсистемы эмотивных глаголов в русском языке.....	85
<i>Чалова О.Н.</i> Коммуникативно-прагматические функции ссылок в научной речи	91

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Международный научно-практический семинар «Национально-культурный компонент в преподавании русского языка как иностранного», Полоцк, 19 марта 2021 г. (<i>С.М. Лясович</i>).....	95
--	----